

СОВРЕМЕННАЯ АЗИЯ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО

№ 2, 2024

Научный журнал «Современная Азия: политика, экономика, общество» является постоянным периодическим изданием Института Китая и современной Азии РАН, призванным открыть окно в большую академическую науку молодым ученым. Журнал создан на базе постоянной конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». Миссия журнала — представить читателям многообразие исторических, культурологических отношений стран Восточной и Юго-Восточной Азии, наднациональных интеграционных объединений (ШОС, ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН, ОДКБ и др.), региональные особенности. Журнал выступает динамично развивающейся площадкой и дает ответы на вопросы текущей повестки дня.

Научные специальности: 5.2. Экономика, 5.4. Социология, 5.5. Политология, 5.6. История

Учредитель/Издатель: Федеральное государственное автономное учреждение науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ИКСА РАН)

Председатель редакционного совета:

Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН

Члены редакционного совета:

1. Боровой Виталий Ростиславович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
2. Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН
3. Иноятова Диларам Маниглиевна, доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры «Новейшая история Узбекистана» Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан)
4. Карпиленя Николай Васильевич, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры (социально-гуманитарных дисциплин) ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь)
5. Ли Мэнлун, кандидат исторических наук, старший преподаватель института публичной дипломатии Цзилиньского университета (г. Чанчунь, КНР)
6. Свилас Светлана Францевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
7. Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, преподаватель кафедры Истории и психологии Социально-гуманитарного факультета НОУ «Университет Мамуна» (г. Хива, Узбекистан), заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
8. Шевцов Юрий Вячеславович, PhD in Political Sciences, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
9. Ян Сумэй, доктор исторических наук, профессор Института иностранных языков Аньхойского педагогического университета, руководитель магистратуры русского языка и литературы и докторантуры мировой истории, главный эксперт и исполнительный директор Центра исследования регионов «Волга—Днепр» при Министерстве образования КНР Аньхойского педагогического университета, член правления Китайской ассоциации изучения русской литературы, эксперт по оценке проектов Национального фонда социальных наук (г. Уху, КНР)

Редакция:

А.В. Бредихин (главный редактор), Е.О. Заклязьминская (заместитель главного редактора), А.Ч. Мокрецкий (заведующий редакцией), Т.М. Мамахатов (ответственный по работе с молодыми учеными), А.Д. Александрова (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (917) 510-23-12

E-mail: ca-journal@yandex.ru

Сайт журнала: <https://ca-journal.ru/>

**Современная Азия:
политика, экономика, общество**

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-85221 от 27.04.2023

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-3366

DOI: 10.48647/ICCA.2024.12.40.001

Подписано в печать 27.08.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика народного хозяйства

<i>Волков И.Л.</i> Сравнительный анализ мер поддержки малого и среднего бизнеса в производственном секторе в России и Китае	5
<i>Сазонов С.Л., Ли Фэн (КНР), Фу Яньцзе (КНР), Каменщиков О.И.</i> Синьцзян становится основным международным транзитным хабом Китая	17

Восточное общество

<i>Шевчукова А.Е.</i> Тема насилия в постмодернистской литературе Китая (на примере произведений Юй Хуа и Чжан Юэжань)	30
<i>Лаврова А.М.</i> Репрезентация китайских культурных смыслов в кинокартине «Все, везде и сразу»	40
<i>Кондратова Т.И., Леонченко К.А.</i> Интертекстуальность как прием художественной реконструкции истории в романе Су Туна «Последний Император»	53
<i>Кондратова Т.И., Сентюрин А.А.</i> Пейзажная лирика Сюй Чжимо и Линь Хуэйинь через призму поэтического ракурса	63
<i>Цветкова М.А.</i> Факторы брачного выбора в Южной Корее	81
<i>Хлебникова Е.А.</i> Культ белого камня у национальности цян	88

Научная жизнь

<i>Бредихин А.В.</i> День Вьетнама в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова	94
<i>Янь Лэй.</i> Научные китайские издания по международным отношениям и проблемам: от становления к современному состоянию	99

TABLE OF CONTENTS

The internal economy of the country

<i>Volkov I.L.</i> Comparative analysis of measures to support small and medium-sized businesses in the manufacturing sector in Russia and China	5
<i>Sazonov S.L., Li Feng, Fu Yangie, Kamenshchikov O.I.</i> Xinjiang becomes China's main international transit hub	17

Oriental society

<i>Shevchukova A.E.</i> The theme of violence in Chinese Postmodern literature (based on the works of Yu Hua and Zhang Yuezhao)	30
<i>Lavrova A.M.</i> Representation of Chinese cultural meanings in the film “Everything Everywhere All at Once”	40
<i>Kondratova T.I., Leonchenko K.A.</i> Intertextuality as a Technique of the Artistic Reconstruction of History in Su Tong's novel the Last Emperor	53
<i>Kondratova T.I., Sentyurin A.A.</i> Landscape lyrics by Xu Zhimo and Lin Huiyin through the prism of epy poetic perspective	63
<i>Tsvetcova M.A.</i> Factors of marriage choice in South Korea	81
<i>Khlebnikova E.A.</i> The cult of the white stone of the Qiang nationality	88

Scientific review

<i>Bredikhin A.V.</i> Vietnam Day at the Plekhanov Russian University of Economics . . .	94
<i>Yan Lei.</i> Chinese Academic Journals on International Relations and Issues: From Formation to the Present State	99

Волков И.Л.

Сравнительный анализ мер поддержки малого и среднего бизнеса в производственном секторе в России и Китае

Аннотация. Актуальность сравнительного анализа мер поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) России и Китая связана с возросшей интенсивностью торгово-экономических отношений и ростом конкуренции в производственном секторе между компаниями МСП двух стран в то время, как Китай накопил существенный опыт в реализации мер поддержки и стимулирования развития собственных экспортно ориентированных производственных технологических компаний МСП.

В статье оценивается необходимость применения в России «лучшей практики» Китая в части мер поддержки МСП, а также выработки дополнительных мер регулирования в России, которые будут способствовать усилению российских компаний МСП и выстраиванию более сбалансированных торгово-экономических и инвестиционных отношений с китайскими партнерами.

В статье проводится анализ динамики и структуры товарооборота России и Китая, оценивается роль и степень влияния субъектов МСП в экономике и торгово-экономических отношениях двух стран, а также сравниваются подходы и меры поддержки субъектов МСП России и Китая, особенно в производственном технологическом секторе. В России доля предприятий МСП в экономике составляет около 20 %, а в Китае — 60 %. При этом в КНР в обрабатывающем производстве доля МСП достигает 80 %. За последние 3 года импорт РФ из Китая вырос в 2 раза. В его структуре увеличилась доля высокотехнологической продукции — машин и оборудования (более 50 %), а китайские производители из сегмента МСП играют ключевую роль в экспорте данной продукции.

В статье сделаны выводы о необходимости внедрения в РФ новых мер стимулирования инвестиционной активности компаний МСП в приоритетных производственно-технологических секторах на основе китайского опыта, важности «выравнивания» мер поддержки в РФ по аналогии с китайскими компаниями для создания более справедливой конкурентной среды, а также о критичности выработки новой политики для привлечения инвестиций китайских МСП-компаний в форме совместных предприятий.

Ключевые слова: меры поддержки компаний производственного сектора МСП в России и в Китае, роль МСП в экономике и торгово-экономических отношениях РФ и КНР.

Автор: Волков Игорь Львович, аспирант (научная специальность 5.2.5. «Мировая экономика») Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

Для цитирования: Волков И.Л. Сравнительный анализ мер поддержки малого и среднего бизнеса в производственном секторе в России и Китае // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 5—16.
DOI: 10.48647/ICCA.2024.84.66.002.

I.L. Volkov

Comparative analysis of measures to support small and medium-sized businesses in the manufacturing sector in Russia and China

Abstract. The relevance of the comparative analysis of measures to support small and medium-sized businesses in Russia and China is associated with the increased intensity of trade and economic relations and increased competition in the manufacturing sector between SME companies in the two countries, while China has accumulated significant experience in implementing measures to support and stimulate the development of its own export-oriented manufacturing technology companies of SMEs.

The article assesses the need to apply China's "best practices" in Russia in terms of measures to support SMEs, as well as to develop additional regulatory measures in Russia that will help strengthen Russian SME companies and build more balanced trade, economic and investment relations with Chinese partners.

The article analyzes the dynamics and structure of trade turnover between Russia and China, assesses the role and degree of influence of SMEs in the economy and trade and economic relations of the two countries, and compares approaches and measures to support SMEs in Russia and China, especially in the manufacturing and technology sector. In Russia, the share of SMEs in the economy is about 20 %, and in China — 60 %. At the same time, in China, the share of SMEs in manufacturing reaches 80 %. Over the past 3 years, Russian imports from China have increased by 2 times. The share of high-tech products — machinery and equipment — has increased in the structure of Russian imports from China (more than 50 %), and Chinese manufacturers from the SME segment play a key role in the export of these products. The article draws conclusions about the need to introduce new measures in the Russian Federation to stimulate the investment activity of SME companies in priority industrial and technological sectors based on the Chinese experience, the importance of "leveling" support measures in the Russian Federation by analogy with Chinese companies to create a more fair competitive environment, as well as the criticality of developing a new policy to attract investment from Chinese SME companies in the form of joint ventures.

Keywords: support measures for industrial SMEs in Russia and China, role of SMEs in Russian and Chinese economies, trade and economic relations between countries.

Author: *Volkov Igor L.*, Postgraduate Student (scientific specialty 5.2.5. "World Economy"), Center "Russia, China, the World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Volkov I.L. Comparative analysis of measures to support small and medium-sized businesses in the manufacturing sector in Russia and China. *Sovremennaya Azija: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 5—16. (In Russ.).
DOI: 10.48647/ICCA.2024.84.66.002.

Развитие торгово-экономических отношений России и Китая происходит в рамках общего курса на укрепление двустороннего сотрудничества между государствами, который активно реализуется после подписания в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, представляющего экономические отношения двух стран как «всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие». В документе были закреплены общие рамочные условия для развития двустороннего сотрудничества на новом уровне по различным направлениям. Недавнее продление договора на следующие пять лет состоялось в 2021 г., а в 2022—2024 гг. лидеры стран неоднократно подчеркивали, что вступающие «в новую эпоху» отношения между Китаем и Россией основаны на «дружбе, не имеющей границ», совпадении национальных интересов по многим вопросам, прежде всего связанным с развитием международных отношений в современном контексте и единым пониманием принципов построения архитектуры международной и региональной безопасности.

Поворот на Восток значительно ускорился за последние 3—4 года — товарооборот между странами вырос со 104 млрд долл. в 2020 г. до 240 млрд долл. в 2023 г. (рис. 1). В основном РФ экспортирует в Китай минеральное топливо, нефть и нефтепродукты (более 70 %), а также наращивает поставки природного газа по трубопроводу «Сила Сибири».

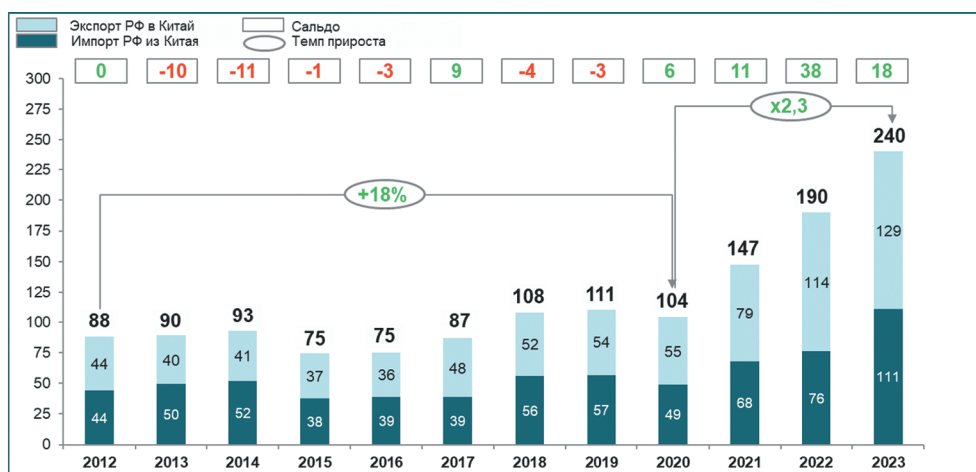

Рис. 1. Динамика товарооборота РФ и Китая в 2021—2023 гг. (млрд долл.).

Источник: Главное таможенное управление КНР, Федеральная таможенная служба РФ

Данные поставки осуществляются по долгосрочным контрактам между российскими крупнейшими нефтегазовыми компаниями (Газпром, Роснефть) и китайскими государственными нефтегазовыми корпорациями (CNPC).

При этом в импорте из Китая в РФ доминирует высокотехнологическая продукция — прежде всего, машины и оборудование (более 50 %). Эти товары практически заместили импорт схожей номенклатуры из стран Евросоюза в условиях санкционных ограничений.

Основными поставщиками в РФ данной продукции выступают не государственные корпорации КНР, а представители производственного сектора малых и средних предприятий (МСП). Все это создает для МСП из Китая уникальные возможности и перспективы в рамках продвижения на российском рынке, который становится высокомаржинальным для китайских экспортеров в условиях ограниченной конкуренции.

Но активность МСП Китая в силу масштаба, наличия производственно-технических компетенций, поддержки со стороны государства, а также из-за продвижения в некоторых сегментах рынка через собственные каналы китайских инжиниринговых (ЕРС) корпораций, в свою очередь, является вызовом для российских производственных МСП. Баланс мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, а также регулирование российского рынка в производственной сфере в части защиты отечественного бизнеса позволят сохранить российский сегмент МСП и стимулировать равноправное сотрудничество между компаниями в условиях здоровой конкурентной среды.

Для понимания значимости сегмента МСП для России и Китая необходимо определить его роль в структуре экономики двух государств, а также подробнее посмотреть на программы государственной поддержки данных компаний.

Малый и средний бизнес является основой экономики для многих развитых и развивающихся стран. Сегмент обеспечивает существенный вклад в ВВП и занятость не только в сфере услуг, но и в производстве.

По данным ТПП РФ, вклад МСП составляет от 40 % до 70 % в структуре ВВП развитых и многих развивающихся стран, обеспечивая еще большую долю занятости экономически активного населения. В России доля МСП в ВВП составляет всего около 21 % [1, с. 6].

Еще более радикальным выглядит сравнение доли МСП в производственном секторе. В Китае при общей доле МСП в ВВП на уровне 60 % доля МСП в обрабатывающем производстве составляет более 80 %. В России производственный сектор в основном представлен только крупными компаниями, а доля МСП — всего 23 % (рис. 2).

Учитывая разницу в масштабе экономики двух стран, можно заключить, что общий объем добавленной стоимости МСП в России составляет 1,1 трлн долл. (ВВП РФ в 2022 г. — 5,3 трлн долл. по ППС), а в Китае — 18,2 трлн долл. (ВВП Китая в 2022 г. — 30,3 трлн долл. по ППС). При этом в КНР МСП обеспечивают до 80 % занятости, но самое главное — до 68 % всего экспорта. Доля технологичных секторов в МСП Китая составляет более 50 %. По сути, основу китайской экономики формируют высокотехнологичные производственные компании МСП, которые наиболее активны на внешних рынках.

Существуют различные классификации МСП в России и в Китае. В РФ к ним относят следующие компании: микро- (не более 15 человек, годовой доход до 120 млн руб.), малые предприятия (не более 100 человек, годовой доход до 800 млн руб.) и средние (до 250 человек, годовой доход до 2 млрд руб.). При этом не более 25 % в капитале организации может принадлежать государству и не более 49 % — иностранным компаниям, которые не являются МСП.

Рис. 2. Доля МСП в России низкая по сравнению с другими странами и неуклонно снижается последние несколько лет

В Китае к МСП относят структуры следующих сегментов (отраслевой стандарт 2011 г.) [15, с. 48]:

- фермерство, доход менее 200 млн юаней;
- **промышленное производство, численность <1000 человек или доход <400 млн юаней;**
- строительство, доход <800 млн юаней или чистые активы <800 млн юаней;
- оптовая торговля, численность <200 человек или доход <400 млн юаней;
- розничная торговля, численность <300 человек или доход <200 млн юаней;
- транспорт, численность <1000 человек или доход <300 млн юаней и прочие категории.

Таким образом, для промышленных средних предприятий основные критерии: численность не более 1000 человек, выручка не более 400 млн юаней (то есть 5,1 млрд руб.). Для примера — в классификации ЕС к среднему бизнесу относятся предприятия с численностью не более 250 человек и годовым доходом 50 млн евро (5,0 млрд руб.) [7, с. 17].

Обзор мер поддержки МСП в России

В России действует ряд государственных стимулирующих мер для МСП. Систему государственной поддержки можно разделить на несколько типов: налоговые, финансовые стимулы и прочие меры поддержки.

В части налогового регулирования для МСП действует режим Упрощенной Системы Налогообложения (УСН) для предприятий с численностью сотрудников до 130 человек и годовым доходом до 200 млн руб. Существует два варианта расчетов — единая ставка налога в размере 6 % от всех доходов предприятий или единая ставка налога в размере 15 % от доходов за вычетом расходов. При этом

региональные законы могут дифференцировать ставки — до 1 % при расчете от доходов и до 5 % при расчете от доходов за вычетом расходов. Данная ставка заменяет все основные категории налогов, которые платит предприятие при общей системе налогообложения: налог на прибыль 20 %, НДС 20 %, налог на имущество за некоторыми исключениями.

Существенным преимуществом для МСП является снижение социальных взносов с фонда оплаты труда с 30 % до 15 %. Снижение распространяется только на величину превышения заработной платы сотрудников над МРОТ. Данная мера была предложена в период пандемии и впоследствии сохранилась на неопределенный срок.

В части финансовых стимулов существуют различные программы кредитования для МСП. В настоящее время действуют программа ПСК+1764 (программа стимулирования кредитов, совмещенная с программой Минэкономразвития России). Выделенный лимит финансирования по программе на 2024 г. составляет 100 млрд руб. Размеры кредита для каждой компании колеблются от 50 млн руб. до 2 млрд руб. [3, с. 8].

Данные кредиты предоставляются банками, участвующими в программе, для целей пополнения оборотных средств, инвестиционных проектов, рефинансирования кредитов и для других целей.

Процентная ставка по таким кредитам должна быть не меньше ключевой ставки ЦБ и увеличенной на 3 процентных пункта (п.п.) для средних предприятий. Получается, что в текущих условиях заемщик может получить льготный кредит по данной программе по ставке 19 % годовых (ключевая ставка ЦБ — 16 % плюс 3 п.п.) [3, с. 6]. Корпорация МСП предоставляет частичное обеспечение по кредитам, но за дополнительную плату. Как правило, обеспечением данных кредитов является залог имущества/товаров в обороте, а также личные поручительства конечных бенефициаров.

При этом доступ к данной программе ввиду ее небольшого объема ограничен — банки пока не гарантируют возможность предоставления финансирования на данных условиях. Привлечение кредитных средств по льготной ставке 19 % является серьезным вызовом для предприятий МСП — как в рамках обычной деятельности для финансирования пополнения оборотных средств, так и для реализации программ инвестиционного развития. Названные условия повышают требования к доходности инвестиционных проектов (IRR, internal rate of return) предприятий МСП, которые и так находятся под давлением роста операционных расходов и повышенной конкуренции среди как российских предприятий, так и импортеров — прежде всего, китайских компаний.

Дополнительно предприятия МСП могут претендовать на получение прямых субсидий из федерального или регионального бюджета, которые, как правило, направляются на возмещение фактически понесенных затрат на приобретение оборудования. Размер субсидии не может составлять более 50 % от таких расходов. При этом часто конкурсы на предоставление субсидий проводятся в условиях сильной конкуренции участников — субсидии доступны только в ограниченном объеме для лимитированного количества претендентов.

По условиям участия в таких конкурсах субсидии предоставляются только тем компаниям, которые планируют увеличить численность сотрудников и сумму налоговых поступлений в бюджет в ближайшие 3 года. При этом размер субсидии несопоставим с целевыми показателями по вышеуказанным параметрам. Кроме того, данный подход практически делает невозможным возмещение затрат на закупку оборудования, которое предназначено для автоматизации/роботизации и направлено на рост производительности труда и снижение численности персонала.

Помимо этого, существуют дополнительные меры поддержки для МСП — например, в рамках экспорта Российский экспортный центр (РЭЦ) оказывает определенные услуги для предприятий МСП — помощь для участия в международных выставках, консультирование по вопросам выхода на внешние рынки и возмещения затрат на проведение сертификации на внешних рынках. РЭЦ может предоставить услуги по софинансированию аренды/застройки стендов на международных выставках (до 80 % затрат участника). Данная поддержка в целом востребована, но в текущий момент в условиях санкционных ограничений и запрета поставки некоторых видов промышленной продукции на многие рынки пока используется не очень активно. Возможно, переориентация на рынки дружественных стран Азии и Африки при условии разрешения проблемных вопросов с сертификацией, логистикой, трансграничными платежами позволит в будущем предприятиям МСП активнее пользоваться услугами РЭЦ.

Также сейчас начинают действовать программы поддержки высокотехнологичных инновационных быстрорастущих МСП (компании со среднегодовым ростом выручки 20 % в течение 3 лет). Для таких компаний будут доступны льготные программы кредитования (с обеспечением гарантиями корпорации МСП) [4, с. 3]. Серьезной дополнительной мерой поддержки производственных МСП стал механизм промышленной ипотеки — предоставление займа с субсидированной процентной ставкой (до 5 % годовых при ключевой ставке не более 10 %) на сумму до 500 млн руб. сроком до 7 лет под залог строящегося производственного помещения.

Обзор мер поддержки МСП в Китае

В Китае МСП составляют основу производственного сектора и в целом экономики. Для их развития действует много мер фискальной и финансовой поддержки, при этом основной приоритет остается за производственными и технологичными компаниями.

Доля пользующихся кредитами малых и средних компаний в Китае составляет около 20 % (против 8 % в России). Для МСП действуют программы льготного кредитования — ставки по действующим кредитам составляют около 4,45 % по данным за 2022—2023 гг. [15, с. 8]. Компании получают финансирование от региональных банков, при этом сохраняется и доля теневого финансирования для предприятий МСП (около 30 %). В последнее время правительство унифициро-

вало стандарты предоставления займов в секторе МСП, что значительно упростило для них доступ к заемному финансированию.

В КНР действуют существенные фискальные стимулы для микропредприятий и стартапов, особенно в технологичных секторах. Например, микропредприятия и предприятия с небольшими доходами (SLPE, small and low-profit enterprises) платят только 5 % налога на прибыль (при стандартной ставке 25 %).

В Китае введены новые меры по стимулированию НИОКР в производственных компаниях, в том числе на предприятиях МСП.

Новая категория — High and New Technology Enterprises (HNTE). Основным фискальным стимулом для компаний данной группы является снижение налога на прибыль с 25 % до 15 %. Кроме того, данные компании могут амортизировать 100 % приобретаемого оборудования/оснастки (кроме производственных помещений) в год приобретения. Для получения статуса HNTE компании должны обеспечить расходы на НИОКР за последние 3 года в размере не менее 5 % от выручки (при годовой выручке 50 млн юаней — 640 млн руб.), не менее 4 % (при годовой выручке от 50 до 200 млн юаней, или 2,5 млрд руб.), не менее 3 % (при годовой выручке более 200 млн юаней или 2,5 млрд руб.) [14, с. 1; 12. с. 2]. При этом они должны заниматься технологиями, которые попадают в утвержденный государством перечень перспективных технологий. Персонал, который занят в НИОКР, должен составлять не менее 10 % от общей численности сотрудников предприятия.

В Китае существует еще одна категория компаний — Technology-based small-and-medium-sized enterprises (TSMEs). Для таких структур предусмотрена возможность переноса налоговых убытков на 10 лет (так же, как и для HNTE) в отличие от стандартных 5 лет. Для данных компаний предусмотрены налоговые стимулы при расходах на НИОКР. В случае, если не создаются нематериальные активы, расходы НИОКР в налоговом периоде могут быть увеличены на 100 % для целей расчета налогооблагаемой базы. При создании нематериальных активов предусмотрена амортизация в размере до 200 % от понесенных расходов. Численность данных компаний не должна превышать 500 человек, а годовая выручка — 200 млн юаней (или 2,5 млрд руб.). Данные компании рассматриваются региональными правительствами как кандидаты в HNTE и поэтому им предоставляются дополнительные региональные льготы.

Меры по стимулированию НИОКР доступны для категорий как TSME, так и HNTE. Помимо этого, многим компаниям предоставляются региональные льготы по снижению или освобождению от местных налогов.

В дополнение к технологическому развитию в Китае стимулируется экспортная активность предприятий МСП. Несмотря на то что компании не могут конкурировать с международными транснациональными корпорациями, государство активно поддерживает МСП в выходе на внешние рынки за счет дополнительных гарантий, продвижения на международных выставках и частичном возмещении расходов.

Таким образом, системная поддержка предприятий МСП позволила сформировать сектор высокотехнологичных экспортно ориентированных производственных компаний, которые за счет государственных льгот и стимулов получа-

ют значительные конкурентные преимущества. Продвижение продукции данных компаний через каналы крупных китайских международных государственных ЕРС-подрядчиков и при поддержке китайского финансирования представляет достаточно серьезный вызов для аналогичных предприятий МСП в других странах, в том числе в России.

Перспективы взаимодействия Китая и России в сегменте МСП

В настоящий момент большинство компаний в производственном секторе МСП России настраивает взаимодействие с китайскими компаниями, которое развивается в нескольких направлениях.

- Закупка материалов и комплектующих (часто за счет переориентации закупок со стран Евросоюза в пользу Китая).
- Закупка оборудования для производства (замещение импорта оборудования из стран Евросоюза — Италии, Франции, Германии).
- Продажа продукции китайским ЕРС-компаниям для проектов в России (например, в сегменте строительства и монтажа технологически сложного оборудования и промышленных объектов в России сейчас происходит вытеснение европейских, американских, турецких, корейских компаний новыми лидерами — китайскими СС7, Wison, Sinopec Engineering, Chengda, Sinosteel и прочими).

Дисбаланс государственных мер поддержки производственного сегмента МСП Китая и России приводит к тому, что китайские небольшие производственные компании становятся более конкурентоспособными по цене, уровню технологического развития, скорости выполнения заказов по сравнению с российскими. Будучи поставщиками китайских ЕРС-подрядчиков в Китае и других странах мира (китайские МСП уже состоят в списках одобренных поставщиков — Approved Vendor Lists), данные компании пользуются этими каналами для продвижения собственной продукции.

Тем не менее существует возможность исправления ситуации за счет адаптации мер государственного регулирования.

- Введение мер защиты для российских производителей (возможность преференциального выбора для поставки на проекты российских заказчиков).
- Введение защитных барьеров в виде обязательных испытаний импортной технологической продукции из Китая в российских сертификационных центрах, а также получения официальных одобрений российских заказчиков для поставщиков и субпоставщиков китайских ЕРС-подрядчиков.
- Выравнивание мер государственной поддержки для российских и китайских компаний в части фискальных, финансовых и других мер, особенно в части стимулирования деятельности в области НИОКР (применение «лучшей практики» Китая в России).
- Стимулирование создания совместных предприятий китайскими и российскими МСП в России (с обязательной передачей ноу-хау и технологий в СП).

Сейчас российско-китайское сотрудничество МСП осложняется тем фактом, что китайские компании опасаются вторичных санкций и в данный момент

осторожно подходят к вопросам инвестирования, создания совместных предприятий в РФ. Приостановка трансграничных платежей некоторыми банками Китая подтверждает этот тренд.

Динамика товарооборота России и Китая за последние 11 лет показывает, что КНР экономически в большей степени взаимосвязана со странами Европы и США (рис. 3), чем с Россией. В условиях нарастания противоречий и политики снижения рисков (de-risking) со стороны западных стран в отношении КНР наметился тренд на изменение структуры товарооборота. Тем не менее российский рынок для Китая остается сравнительно небольшим — вряд ли есть потенциал существенного роста помимо замещения на российском рынке продукции «недружественных» стран. При этом связи между Китаем и Европой намного сложнее, чем между Китаем и Россией. КНР за несколько десятилетий успешного периода глобализации оказалась прочно встроена в цепочки создания стоимости транснациональных корпораций (особенно с европейскими компаниями).

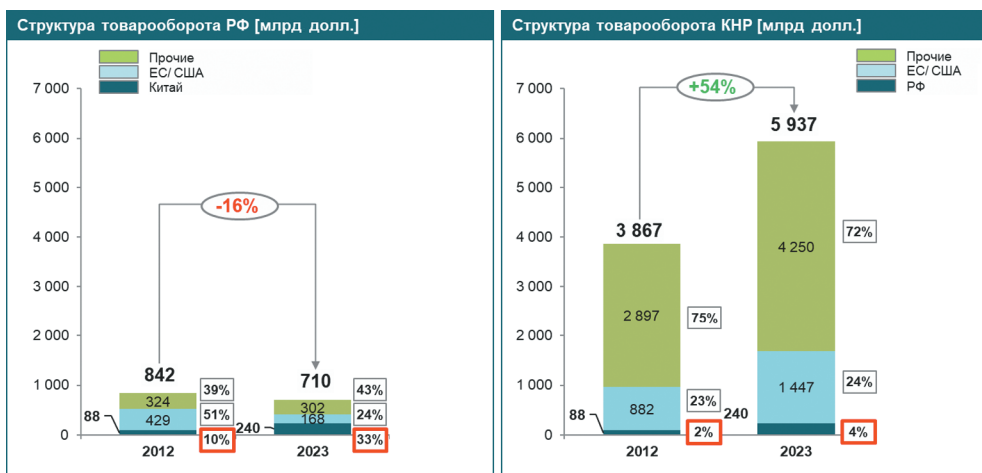

Рис. 3. Структура товарооборота РФ и КНР (млрд долл.).

Источник: Главное таможенное управление КНР, Федеральная таможенная служба РФ

Тем не менее применение позитивного опыта Китая в области мер государственной поддержки технологичных предприятий МСП в России, а также выстраивание сбалансированного взаимодействия между компаниями двух стран и стимулирование создания совместных предприятий, которые будут быстрее осваивать перспективные технологии и выходить совместно на международные рынки, позволят сохранить и существенно повысить вклад российских производственных МСП в ВВП РФ.

В ином случае отечественным предпринимателям эффективнее переносить производства в Китай для поставки продукции на российский рынок. Данная ситуация может привести к сокращению и без того крайне низкой доли МСП в производственном секторе России и установлению монопольного положения китайских компаний на российском рынке.

Библиографический список

1. Вице-президент ТПП РФ Елена Дыбова: «Доступность мер поддержки бизнеса остается крайне низкой». URL: <https://samara.tpprf.ru/ru/news/514598/> (дата обращения: 10.06.2024).
2. Главное таможенное управление КНР, таможенная статистика. URL: <http://english.customs.gov.cn/> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Поддержка инновационных субъектов МСП. URL: <https://corpmsp.ru/podderzhka-innovatsionnykh-subektov-msp/?ysclid=lx2e4aaw141956337> (дата обращения: 10.06.2024).
4. Программа стимулирования кредитования субъектов МСП с изменениями от 28.12.2023. URL: https://corpmsp.ru/bankam/programma_stimulir/?ysclid=lx2zhkzfp317619128 (дата обращения: 10.06.2024).
5. Структура и динамика роста субъектов МСП — получателей государственной поддержки, 2020 г. URL: https://corpmsp.ru/about/deyatelnost/monitoring-okazaniya-podderzhki-subektam-msp/rezultati_issledovaniya (дата обращения: 10.06.2024).
6. Федеральная таможенная служба РФ, таможенная статистика. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 10.06.2024).

References

1. Federal'naya tamozhennaya sluzhba RF, tamozhennaya statistika [Federal Customs Service of the Russian Federation, customs statistics]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (accessed: 06.10.2023). (In Russ.).
2. Glavnoe tamozhennoe upravlenie KNR, tamozhennaya statistika [General Customs Administration of the People's Republic of China, customs statistics]. URL: <http://english.customs.gov.cn> (accessed: 06.10.2023). (In Russ.).
3. Podderzhka innovatsionnykh sub"ektov MSP [Support for innovative SMEs]. URL: <https://corpmsp.ru/podderzhka-innovatsionnykh-subektov-msp/?ysclid=lx2e4aaw141956337> (accessed: 06.10.2023). (In Russ.).
4. Programma stimulirovaniya kreditovaniya sub"ektov MSP s izmeneniyami ot 28.12.2023 [The program for stimulating lending to SMEs as amended on 12/28/2023]. URL: https://corpmsp.ru/bankam/programma_stimulir/?ysclid=lx2zhkzfp317619128 (accessed: 06.10.2023). (In Russ.).
5. Struktura i dinamika rosta sub"ektov MSP — poluchateley gosudarstvennoy podderzhki, 2020 g. [Structure and dynamics of growth of SMEs — recipients of state support, 2020]. URL: https://corpmsp.ru/about/deyatelnost/monitoring-okazaniya-podderzhki-subektam-msp/rezultati_issledovaniya (accessed: 06.10.2023). (In Russ.).
6. Vice-prezident TPP RF Elena Dybova: “Dostupnost' mer podderzhki biznesa ostaetsya krayne nizkoy” [Vice-President of the CCI of the Russian Federation Elena Dybova: “The availability of business support measures remains extremely low”]. URL: <https://samara.tpprf.ru/ru/news/514598> (accessed: 06.10.2023). (In Russ.).

* * *

7. Gerold Heinrichs, Xiaomeng Shen. Comparison of innovation systems China and Germany. Studies on the German innovation system, 2020, no. 9. German Aerospace Center (DLR).
8. Hogmin Yan. Exploration of Chinese SMEs' Export Development: The Role of Managerial Determinants Based on an Adapted Innovation-related Internationalization Model. Thunderbird International Business Review, 2018, no. 60 (1).
9. Lewis Lu. China extends and enhances multiple tax incentives in the post-COVID era. KPMG, 2023, September 22.

10. Liu Xiangfeng, SME Development in China: A Policy Perspective on SME Industrial Clustering, in Lim, H. (ed.), SME in Asia and Globalization, ERIA Research Project, Report 2007—5, pp. 37—68, 2008.

11. Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035, Xinhua News Agency (新华社), March 12, 2021.

12. Qian Zhou. What Are the Tax Incentives in China to Encourage Technology Innovation? (updated) China Briefing Magazine, 2023, March 29.

13. Ru Chen. The Role of SMEs in China's Circular Economy Transition, ed. by Sophia Vlieger de Oliveira, Claire Mahut. Copenhagen, Denmark, Circular Innovation Lab, Circular Press, issue Nb. 5, 13.02.2023.

14. Survey of Global Investment and Innovation Incentives (China). Deloitte, 2023.

15. Yixuan Feng, Xingzhi Guan. China's SME Financing and Shadow Banking's Positive Impact on it, Proceedings of the 7th International Conference on Economic Management and Green Development, 2023.

16. Zhang Yue. Guideline aims to strengthen SMEs, China Daily, Policy Review, 29.12.2021.

17. Zoey Zhang, Qian Zhou, China's Tax Incentives for Small Businesses (Updated). China Briefing Magazine, 2023, August 14.

Сазонов С.Л., Ли Фэн (КНР), Фу Яньцзе (КНР), Каменщиков О.И.

Синьцзян становится основным международным транзитным хабом Китая

Аннотация. В конце 2023 г. Государственный Совет КНР образовал крупнейшую в Китае зону свободной торговли Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), которая охватила столицу региона город Урумчи, и два округа — Кашгар (Каши) и Хоргос, которые являются важными узлами для грузовых поездов Китай—Европа флагманского китайского проекта «Пояс и Путь». СУАР, расположенный в самом сердце континента Евразия, а также на пересечении Китайско-Пакистанского экономического коридора и маршрута Китай—Центральная Азия—Западная Азия, имеет уникальное географическое преимущество в доступе к огромным соседним рынкам с общей численностью населения 2,8 млрд человек. Поскольку СУАР расположен на западной границе Китая и граничит с восемью странами — Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией, этот план имеет стратегическое значение в усилении экономической и торговой интеграции между СУАР, РФ, Центральной, Западной и Южной Азией. Сегодня более 90 % объема транзитного евразийского железнодорожного и автомобильного грузопотока направляется через СУАР в соседние с КНР страны. В 2023 г. объем внешней торговли СУАР составил 50,42 млрд долл., причем ее ежемесячные темпы роста достигали двузначного значения в течение 26 месяцев подряд — автономный район занял второе место в Китае по темпам роста объема внешней торговли среди всех административных единиц провинциального уровня КНР и впервые в истории объем внешней торговли СУАР превысил 350 млрд юаней.

Ключевые слова: Китай, Евразия, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Центральная Азия, Европа, Россия, зона свободной торговли, транзит, пограничный переход, экспорт, транспортный коридор.

Авторы: Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: sazonovch@mail.ru

Ли Фэн (КНР), аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: lf515481@gmail.com

Фу Яньцзе (КНР), сотрудник Института Цинхуа. E-mail: lf515481@gmail.com

Каменщиков Олег Игоревич, аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: oleg.aqtrial@yandex.ru

Для цитирования: Сазонов С.Л., Ли Фэн, Фу Яньцзе, Каменщиков О.И. Синьцзян становится основным международным транзитным хабом Китая // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 17—29. DOI: 10.48647/ICCA.2024.74.15.003.

S.L. Sazonov, Li Feng, Fu Yangie, O.I. Kamenshchikov **Xinjiang becomes China's main international transit hub**

Abstract. At the end of 2023, the State Council of the People's Republic of China established the largest free trade zone in China, the XUAR, which covered the capital of the region, Urumqi, and two districts Kashgar (Kashi) and Khorghos, which are important hubs for China–Europe freight trains of the flagship Chinese Belt and Road project. XUAR, located in the heart of the Eurasian continent, as well as at the intersection of the China–Pakistan Economic Corridor and the China–Central Asia–West Asia route, has a unique geographical advantage in access to huge neighboring markets with a total population of 2.8 billion people. Since the XUAR is located on the westernmost border of China and borders eight countries — Mongolia, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Afghanistan, Pakistan and India — this plan is of strategic importance in strengthening economic and trade integration between the XUAR, the Russian Federation, Central, Western and South Asia. Today, more than 90 % of the volume of transit Eurasian rail and road freight traffic is transported through the XUAR to neighboring countries with the PRC. In 2023 The volume of foreign trade of the XUAR amounted to \$ 50.42 billion, and the monthly growth rate of the volume of foreign trade of the XUAR reached double digits for 26 consecutive months. The autonomous region ranked second in China in terms of growth in foreign trade among all administrative units of the provincial level of the PRC and for the first time in history, the volume of foreign trade of the XUAR exceeded 350 billion yuan.

Keywords: China, Eurasia, Xinjiang Uygur Autonomous Region, Central Asia, Europe, Russia, free trade zone, transit, border crossing, export, transport corridor.

Author: *Sazonov Sergey L.*, PhD (Economy), Leading Researcher Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sazonovch@mail.ru;

Li Feng, postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: lf515481@gmail.com

Fu Yangie, employee of Tsinghua University. E-mail: lf515481@gmail.com

Kamenshchikov Oleg I., postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: oleg.aqtrial@yandex.ru

For citation: Sazonov S.L., Feng Li, Yangie Fu, Kamenshchikov O.I. Xinjiang becomes China's main international transit hub. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 17–29. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.74.15.003.

Государственный Совет КНР 31 октября 2023 г. издал циркуляр об образовании зоны свободной торговли (ЗСТ) СУАР, которая стала 22 пилотной ЗСТ Китая и первой в северо-западных административных единицах провинциального уровня КНР [1]. ЗСТ СУАР, которая официально начала свою деятельность 1 ноября 2023 г., является разновидностью особой экономической зоны, где товары можно импортировать, перерабатывать, производить и экспортировать без прямого таможенного вмешательства. Каждая ЗСТ в Китае имеет конкретную промышленную и экономическую направленность и свой набор стимулов, предназначенных для достижения ее целей, которые соответствуют текущим политическим приоритетам правительства Китая. Общий план строительства пилотной ЗСТ направлен на то, чтобы «сделать СУАР образцом высококачественного развития центра-

льных и западных провинций Китая, повысить его роль в качестве плацдарма для сотрудничества со странами Центральной Азии и Европы и внести позитивный вклад в совместное строительство китайско-центрально-азиатского сообщества общего будущего». Согласно плану, ЗСТ СУАР будет иметь общую площадь 179,66 кв. км (что больше, чем существующие зоны свободной торговли в других частях Китая, площадь которых обычно не превышает 120 кв. км) и охватывать три территории в столице региона Урумчи, городских округах Кашгар (Каши) и Хоргос — все они являются важными узлами для грузовых поездов Китай — Европа, флагманского проекта «Пояс и Путь», который считается «золотым проходом» между Азией и Европой. В городе Хоргос также находится Китайско-Казахстанский центр международного сотрудничества, первая в Китае трансграничная зона свободной торговли [2]. Предполагается, что эти три области будут играть разные роли и им будет предоставлена большая автономия в реформировании. После трех—пяти лет реализации пилотная зона будет преобразована в высококласный парк свободной торговли с развитой транспортной инфраструктурой, предоставляющий преференциальный доступ для инвестиций. Исходя из своего географического преимущества, столица автономного района г. Урумчи сосредоточится на развитии современной логистики, глобальной торговли, передового производства, а также новых развивающихся отраслей, таких как новая энергетика и новые материалы. Город также станет важной платформой для обмена и сотрудничества с соседними странами, в том числе Центральной Азии [3].

В рамках одного из флагманских проектов по строительству центральной зоны «Экономического пояса Шелкового пути» в 2023 г. правительство завершило формирование нескольких функциональных зон, включая комплексную таможенную зону Урумчи, центр консолидации Китайско-европейского экспресса и мультимодальный транспортный центр Урумчи. Из центра консолидации Урумчи, поезда, следующие на запад, могут добраться до Казахстана за два дня, России — за восемь и Нидерландов — за 16 дней [4]. Участие Казахстана в инициативе «Пояс и Путь» стратегически и экономически выгодно для него, поскольку до 85 % железнодорожных маршрутов Китай — Европа проходит через Казахстан, который связует внутреннюю страну с 200 городами в 25 европейских государствах, а также более чем с сотней городов в 11 азиатских странах. Если посмотреть на юг, то более 80 % основных видов товаров Казахстана, таких как минеральные продукты и зерно, экспортируется через порт Ляньюньган в провинции Цзянсу Восточного Китая, где эти товары собираются и отправляются на более чем две сотни международных рынков, причем «Соглашение о транспортировке» осуществляется в рамках логистического сотрудничества между Китаем и Казахстаном, запущенного в 2014 г., которое стало первым китайско-казахстанским проектом в рамках инициативы. Китайский мегапроект превратил страны, не имеющие выхода к морю, такие как Казахстан, Лаос, не только в «связанные сушей», но и «связанные морским путем», еще больше открыв им двери на глобальные рынки.

В циркуляре отмечается, что городской округ Хоргос намерен использовать свои преимущества в качестве центра международного сотрудничества для развития современных отраслей услуг, таких как трансграничная логистика, финансовые услуги, а также стать образцом в трансграничном инфраструктурном

сотрудничестве со странами Центральной Азии. КПП Хоргос — один из ближайших погранпереходов к странам Центральной Азии и Европы и по данным таможенного управления Хоргос с тех пор как в 2016 г. через железнодорожный КПП Хоргос прошел первый грузовой поезд Китай — Европа, количество транзитных поездов увеличилось с менее чем 700 до более чем 7 тыс. в 2022 г. Через КПП проходит 18 железнодорожных линий в 19 стран, в том числе в Германию, Польшу и Бельгию, перевоза более 200 категорий грузов. Экспортируемая продукция включает электронные товары, одежду и автомобили, а импортируемая через КПП — сельскохозяйственную продукцию и продукты питания [5].

В последние годы была проделана большая работа по модернизации КПП Хоргос и упрощению процедур для облегчения экспорта автомобилей. Изначально на КПП Хоргос на въезд и выезд было по одной транзитной дороге. В 2023 г. их число увеличилось до четырех в обе стороны, что привело к увеличению пропускной способности КПП и повышению эффективности работы — оформление каждого транспортного средства занимает примерно 10 секунд. В 2023 г. объем грузоперевозок через КПП Хоргос увеличился до 40 млн т, по объемам грузовых перевозок импортных и экспортных товаров Хоргос занимает первое место в СУАР восьмой год подряд. В целях повышения эффективности таможенного оформления таможня Хоргоса и таможня Казахстана сформировали механизм регулярных встреч и благодаря многочисленным двусторонним консультациям таможенные службы стран оптимизировали скорость таможенного оформления. Кроме этого, в 2023 г. был открыт специальный коридор для экспорта транспортных средств и введено 24-часовое таможенное оформление. КПП Хоргос стал первым автомобильным пунктом пропуска в СУАР, который занимается таможенным оформлением 24 часа в сутки ежедневно за исключением праздничных дней.

На территории округа Кашгар в СУАР площадью 112057 кв. км размещены три КПП, а учитывая еще два КПП, расположенных в соседнем Кезилесу-Кыргызском автономном округе СУАР, городской округ Кашгар имеет прямой выход в Пакистан, Таджикистан, Киргизия и Афганистан, а также служит воротами в Россию и европейские страны. По данным таможенного управления Кашгара, в 2023 г. объем внешней торговли округа по сравнению с 2022 г. вырос на 71,2 % и достиг 83,6 млрд юаней, что составило 23,4 % от объема внешней торговли СУАР [6]. Кроме того, 11 ноября 2023 г. в СУАР была открыта пилотная зона свободной торговли Кашгар площадью 28,48 кв. км, которая будет способствовать развитию современных отраслей услуг, таких как международная логистика и трансграничная электронная торговля, а также создаст базу по переработке и распределению товаров, соединяющую рынки Центральной и Южной Азии. Согласно общему плану развития ЗСТ СУАР, используя преимущества каналов международной торговли и логистики, ЗСТ Кашгар будет расширять и укреплять логистические связи с соседними государствами с упором на укрупнение объемов экспорта товаров, а также на развитие таких отраслей, как переработка сельскохозяйственной продукции, текстильная и швейная промышленность, а также сборка электроники [7].

Поскольку СУАР расположен на самом западном участке границы Китая и граничит с восемью странами — Монголией, Россией, Казахстаном, Киргизией,

Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией, — этот план имеет стратегическое значение в усилении экономической и торговой интеграции между СУАР, РФ, Центральной, Западной и Южной Азией. Следует отметить, что СУАР имеет хорошие возможности не только для расширения торговли и связей Китая с восемью соседними странами, но и служит мостом для КНР в Центральную Азию, Европу и на Ближний Восток. В 2023 г. объем внешней торговли СУАР составил 357,33 млрд юаней (50,42 млрд долл.), увеличившись на 45,9 % по сравнению с 2022 г., причем ежемесячные темпы роста объема внешней торговли СУАР достигали двузначного значения в течение 26 месяцев подряд. Автономный район занял второе место в Китае по темпам роста объема внешней торговли среди всех административных единиц провинциального уровня КНР и впервые в истории объем внешней торговли СУАР превысил 350 млрд юаней. В 2023 г. доля внешней торговли СУАР со странами, участвующими в инициативе «Пояс и Путь», достигла 94 % от общего объема внешней торговли автономного района по сравнению с 89 % в 2013 г. [8]. Оптимизация структуры внешней торговли СУАР отражает стратегический сдвиг в сторону увеличения доли экспорта высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью — в 2023 г. объем экспорта высокотехнологичной электромеханической продукции автономного района составил 259,1 млрд юаней, т. е. почти 86 % от общего объема экспорта СУАР, причем экспорт электромобилей, литий-ионных аккумуляторных батарей и фотоэлектрической продукции вырос по сравнению с 2022 г. более чем на 9 %, до 2,96 млрд юаней [9]. В предстоящий период правительство СУАР ставит перед собой более масштабные цели развития — в 2024 г. автономный район запланировал целевой показатель темпов роста объема ВРП на уровне около 6,5 %, что заметно выше целевых показателей темпов роста объема ВРП в среднем на 5 %, установленных во многих других административных единицах провинциального уровня Китая. В 2024 г. власти СУАР также намерены обеспечить темпы роста внешней торговли на уровне около 20 % [10].

По данным регионального коммерческого бюро, в 2023 г. объем внешнеторговых грузов, прошедших через КПП СУАР, достиг рекордного уровня в 74,7 млн т, т. е. на 8,6 % больше, чем в 2022 г., что было обеспечено повышением эффективности таможенного оформления и бесперебойной работой грузовых поездов Китай — Европа, причем время досмотра каждого поезда на таможне в 2023 г. сократилось с 70 до 35 минут. Кроме того, введенный в 2023 г. «зеленый коридор» для ускоренного таможенного оформления сельхозпродукции охватывает все восемь автодорожных КПП, граничащих с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией [11]. Согласно данным таможенного управления Урумчи, Центральная Азия стала крупнейшим по величине внешнеторговым рынком СУАР. В 2023 г. объем товарооборота СУАР с пятью странами Центральной Азии вырос на 51,2 % по сравнению с 2022 г., составив 79,4 % от общего объема внешней торговли СУАР за 2023 г. [12]. При этом объем торговли СУАР со своими первыми тремя крупнейшими партнерами — Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном — вырос на 70,8 %, 25,8 % и 93,4 % соответственно [13]. Вместе с этим СУАР продемонстрировал более тесную взаимосвязанность в сфере трансграничного транспорта — в 2023 г. в силу активного расширения и обеспечения бесперебой-

ной работы погранпереходов объем товарооборота между СУАР и пятью странами Центральной Азии через автомобильные и железнодорожные КПП по сравнению с 2022 г. увеличился на 52,5 % и 44,5 % соответственно, что составило 90 % и 95,1 % от общего объема внешнеторгового оборота СУАР [14]. Используя железнодорожный, автомобильный и авиационный виды транспорта, СУАР также активно расширяет свое присутствие на региональном и мировом рынках.

По итогам 2023 г. район имел торговые контакты с 192 странами, причем объем товарооборота с Малайзией, ЮАР, Катаром и Алжиром увеличился на 187 %, 88 %, 60 % и 142,7 % соответственно. За первые 11 месяцев 2023 г. объем внешней торговли СУАР со странами — участниками инициативы «Пояс и Путь» вырос на 49,8 %. В конце 2023 г. в СУАР было зарегистрировано 2972 внешне-торговых предприятия, что на 23,8 % больше, чем в 2022 г. При этом в 2023 г. объем импорта и экспорта частных предприятий вырос на 48,4 % и составил 93,2 % от общего объема внешней торговли СУАР. Это означает, что вклад частных предприятий в рост объема импорта и экспорта СУАР в 2023 г. достиг 44,3 % [15]. Что касается экспортных статей СУАР, то в 2023 г. был замечен стремительный рост объема экспорта трудоемких товаров и электромеханической продукции (рост на 39,1 % и 63 % соответственно), на которые пришлось 85,7 % от общего объема экспорта СУАР за 2023 г. [16]. Помимо этого, размер экспорта электромобилей, литий-ионных аккумуляторов и солнечных батарей, которые считаются новыми «двигателями» китайского экспорта, возрос на 9,1 % в годовом выражении. Правительство СУАР ставит перед собой масштабные цели развития экономики автономного района — в 2024 г. местные власти намерены обеспечить увеличение объема ВРП на 6,5 %, что заметно выше целевых показателей темпов роста объема ВРП в пределах 5 %, установленных другими административными единицами провинциального уровня Китая. Также правительство СУАР намерено добиться в 2024 г. увеличения объема внешней торговли автономного района на уровне 20 % [17].

СУАР, расположенный в самом сердце континента Евразия, а также на пересечении Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) и маршрута Китай — Центральная Азия — Западная Азия, имеет большое географическое преимущество в доступе к огромным соседним рынкам с населением в 2,8 млрд человек. В СУАР действуют 18 КПП, открытых для внешнего мира, 118 международных автомобильных маршрутов, 23 маршрута железнодорожного экспресса Китай—Европа (Центральная Азия), 33 международных воздушных маршрута, три ветки газопровода Запад—Восток, 26 трансграничных оптических кабелей и два исходящих канала передачи электроэнергии [18]. Согласно заявлению председателя правительства СУАР Янь Цзиньхуа, к началу 2024 г. в СУАР общая протяженность дорог превысила 120 тыс. км, в автономном районе насчитывалось семь аэропортов, 154 воздушных маршрута соединяли 70 городов мира, а в 2024 г. общий объем пассажирских перевозок СУАР превысит 6 млн человек [19]. С 2012 по 2023 г. общая протяженность железных дорог возросла с 701 км до 1359 км, причем по территории автономного района курсируют высокоскоростные поезда «Фусин», которые достигают административного центра Лхасы. К началу 2024 г. сети мобильной связи формата 5G охватывали все округа и основные поселки

СУАР, в общей сложности в автономном районе было построено 8,1 тыс. базовых станций мобильной связи 5G и почти 313 тыс. км оптоволоконных кабелей. Кроме того, волоконно-оптическая широкополосная связь, мобильная связь 4G, радиотелевизионный сигнал в 2023 г. охватывали практически все административные деревни СУАР.

Раньше Китай использовал евразийские маршруты железнодорожного экспресса Китай—Европа, которые проходили через автономный район Внутренняя Монголия, а сегодня более 90 % объема транзитного евразийского железнодорожного и автомобильного грузопотока направляется через СУАР в соседние с КНР страны. Согласно отчету правительства автономного региона, опубликованному в январе 2023 г., за последние пять лет через СУАР прошло более 30 тыс. грузовых поездов Китай—Европа, а их число ежегодно увеличивалось в среднем на 23,6 % [20]. СУАР будет ускорять строительство перевалочных центров для железнодорожного экспресса Китай—Европа и продолжит активное развитие железнодорожных и автомобильных мультимодальных перевозок между Китаем, Киргизией и Узбекистаном, а также будет способствовать укреплению китайско-пакистанского инфраструктурного сотрудничества. По мере того как Китай активно развивает цепочки создания стоимости, некоторые трудоемкие производства будут перемещаться в СУАР, а учитывая относительно низкую стоимость рабочей силы в западных административных единицах провинциального уровня, автономный район станет идеальным местом для инвестиций и создания новых производственных мощностей. Недавно созданная ЗСТ в Синьцзяне призвана сделать этот регион образцом высококачественного развития центральных и западных районов Китая и облегчить его роль в качестве плацдарма для реализации стратегии «идти на запад» (*цзо чуцзюй*). Очевидно, что строительство пилотной ЗСТ будет стимулировать развитие местных конкурентоспособных отраслей, что повысит привлекательность СУАР для инвестиций в промышленность и перемещения производственного потенциала и цепочек поставок в западные регионы, обеспечивая Китаю структурную перестройку экономики, оптимизацию глобальных цепочек поставок, что окажет влияние как на региональную, так и на мировую экономику.

В наши дни Китай определяет три основных маршрута перевозки грузов из КНР в Европу через территорию СУАР. «Северный маршрут» проходит через СУАР, Казахстан и Россию; «Центральный маршрут» — через СУАР, Казахстан, Туркменистан, Иран, Турцию; «Южный маршрут» — через СУАР и пакистанский порт Гвадар (рис. 1).

Транзитное движение по «Северному маршруту» использует качественную инфраструктуру, но в течение 2022—2024 гг. оно подвергалось геополитическим рискам, поэтому следующим этапом, по мнению китайского руководства, является создание альтернативных маршрутов через Каспийское море — Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), и на юг Средней Азии [21]. Турция активно лоббирует прокладку железнодорожного транзитного маршрута Навои—Туркменбаши—Баку—Тбилиси—Карс, который президент Турции Р. Тайип Эрдоган обсудил с Президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым 30 марта 2022 г. во время проведения заседания узбекско-турецкого Совета стра-

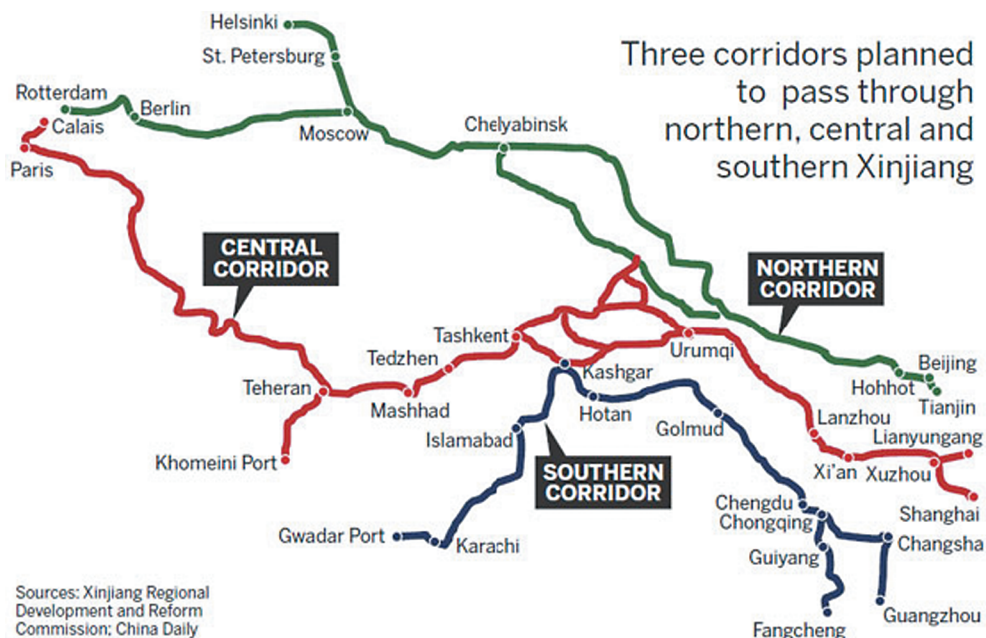

Рис. 1. Три основных маршрута, проходящих из КНР в Европу через территорию СУАР.
 Источник: Cui Jia. China studying new Silk Road rail link to Pakistan. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-06/28/content_17621525.htm

тегического сотрудничества. Планируемый маршрут должен объединить железнодорожные магистрали Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана и Грузии с инфраструктурной сетью Турции и обеспечить странам ЦА через турецкий порт Мерсин проход к Средиземному морю. В конце ноября 2022 г. министры иностранных дел и транспорта Казахстана, Азербайджана, Грузии и Турции согласовали принципы работы ТМТМ на ближайшие пять лет. Этот маршрут позволит к 2030 г. увеличить ежегодные поставки грузов из Казахстана в обход России до 10 млн т, а оборот контейнеров — до 200 тыс. ед. Для достижения этой цели стороны договорились синхронно устранять узкие места, а также утвердили конкретные проекты с точными параметрами, сроками реализации и ответственными исполнителями. Маршрут также предусматривает в том числе поставки нефти из Казахстана, значительная часть которой в настоящее время идет через Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) по территории России. Ранее президент Казахстана Токаев дал поручение нарастить ежегодные поставки нефти через порты Актау и Курык до 20 млн т.

Транскаспийский международный транспортный маршрут, названный «Средним маршрутом» через Центральную Азию, Южный Кавказ и Турцию, выглядит многообещающей альтернативой «Северному маршруту», пролегающему через территорию Казахстана и России. Этот коридор, состоящий из железной дороги протяженностью 4256 км и 508 км морского пути, простирается от китайско-казахстанской границы до казахстанских портов Актау и Курык, пересекает

Каспийское море и доходит до Южной Европы. Движение по ТМТМ неуклонно росло с момента его запуска в 2017 г. В 2022 г. объем грузовых перевозок по маршруту увеличился в 2,5 раза, достигнув 1,5 млн т, по ТМТМ было перевезено около 50 тыс. контейнеров, что на 63 % больше, чем в 2021 г. В 2022 г. по «Среднему маршруту» проследовало 103 грузовых поезда по маршруту Китай — Европа, а добавление в 2023 г. новых маршрутов из Сианя, Чунцина, Чэнду, Ланьчжоу и Урумчи привело к увеличению общего числа железнодорожных направлений. В 2023 г. объем грузовых перевозок по «Среднему маршруту» составил 2,8 млн т, что на 86 % больше по сравнению с 2022 г. Прогнозы на 2024 г. предполагают достижение объема в 4 млн т, а в среднесрочной перспективе ожидается рост до 10 млн т. Этот значительный рост подчеркивает возрастающую роль ТМТМ в международной логистике, особенно в контексте грузовых перевозок из Китая в Европу [22].

Президенты Казахстана К. Токаев и Азербайджана И. Алиев 11 марта 2024 г. в Баку в ходе телемоста приняли участие в церемонии прибытия первого контейнерного поезда из КНР в Азербайджан по ТМТМ. Этой церемонии предшествовали открытие нового казахстанского транспортно-логистического терминала в городе Сиань (пров. Шэньси) и запуск первого поезда сообщением КНР—Казахстан—Азербайджан. По данным пресс-службы компании «Казахстан темир жолы» («Казахстанские железные дороги»), 28 февраля 2024 г. контейнерный состав отправился из нового казахстанского терминала в городе Сиань, проследовал транзитом через территорию СУАР и Казахстана по Транскаспийскому международному транспортному маршруту и 12 марта 2024 г. прибыл на железнодорожную станцию Апшерон в Азербайджане [23]. Поездка по всему маршруту протяженностью около 7 тыс. км заняла 11 дней, причем расстояние в 3128 км от КПП Хоргос-Алтынколь до порта Актау состав преодолел за трое суток. В ходе транзита контейнеры были перегружены в Казахстане дважды — в сухом порту KTZE Khorgos Gateway и морском порту Актау, затем на пароме перевезены по Каспийскому морю в Бакинский международный торговый порт, а оттуда на железнодорожную станцию Апшерон. Первоначально доставка грузов по «Среднему маршруту» занимала 53 дня, но сейчас этот срок сокращен до 18—23 дней. В 2024 г. планируется уменьшить транзитное время по ТМТМ до 16—18 дней, а в будущем — до 10—15 дней, что является значительным улучшением по сравнению с предыдущими показателями, причем особенно впечатляющим стало сокращение транзитного времени внутри территории Казахстана — с 6 до 3 дней. Эти логистические усовершенствования не только ускорят доставку, но и сделают маршрут более конкурентоспособным [24].

Согласно заявлению ассоциации TITR, транспортно-экспедиторского консорциума, состоящего из 20 компаний (в их числе железнодорожные администрации, порты, судоходные и логистические компании из восьми стран), этот маршрут не может заменить все движение по «Северному маршруту» — в 2023 г. доля транзитных грузов, перевезенных по «Среднему маршруту», составила только 5 % объема грузов, перевезенных по «Северному маршруту» [25]. При транспортировке грузов по «Среднему маршруту» транспортировка грузов через Каспийское море является наиболее сложной частью, поскольку она предполагает

многочисленные мультимодальные перегрузки транзитных потоков, что неизбежно приводит к затягиванию сроков доставки и увеличению стоимости транспортировки. Вынужденные мультимодальные перегрузки транзитных потоков (железная дорога—паром—железная дорога), состыковка расписания прихода паромов и железнодорожных составов неизбежно ослабляют конкурентоспособность этих маршрутов. Но прогресс также наблюдается и в этом направлении — Генеральный секретарь ТИГР Г. Абдикеримов заявил, что «с сентября 2022 г. количество судов, курсирующих между портами Актау в Казахстане и Баку в Азербайджане, увеличилось до шести, что означает удвоение пропускной способности» [26]. Для успешного функционирования этого проекта позиция стран Европейского союза имеет решающее значение. ЕС и Азербайджан 18 июля 2023 г. подписали новое энергетическое соглашение и в настоящее время ведут переговоры по новой договоренности — о расширении сотрудничества в области транспортной логистики. В рамках развития ТМТМ Азербайджан реализует ряд крупных инфраструктурных проектов, таких как железнодорожная линия Баку—Тбилиси—Карс (Baku-Tbilisi-Kars railway line) и Международный морской порт Алят (Alat International Sea Port) [27]. В совместной декларации страны ЕС и Казахстан также заявили, что «текущий геополитический контекст высветил необходимость в новых альтернативных маршрутах, соединяющих Азию и Европу». Европейский банк реконструкции и развития 25 июля 2023 г. объявил о планах инвестировать более 100 млн долл. в казахстанские железные дороги. До недавнего времени «Средний маршрут» в основном использовался китайскими логистическими компаниями, но европейские компании начали проявлять гораздо больший интерес к этому маршруту. В апреле 2023 г. датский логистический гигант Maersk запустил железнодорожное сообщение по «Среднему маршруту», а в мае 2023 г. финская компания Nurminen Logistics начала осуществлять регулярные контейнерные перевозки из Чунцина в Центральную Европу. 25 ноября 2023 г. бакинский порт, австрийские компании OBB Rail Cargo Group и Cabooter Group подписали соглашение о расширении грузовых перевозок из Европы в Центральную Азию и Китай по «Среднему маршруту». ТМТМ, возможно, и не самый дешевый транспортный маршрут между Азией и Европой, но новые рынки нескольких стран, не имеющих выхода к морю, вызывают интерес у европейских компаний. Кроме того, по их мнению, «в быстро меняющемся мире диверсификация цепочек поставок всегда будет иметь важное значение для снижения политических и экономических рисков». Особенно примечательно, что все страны и компании активно сотрудничают в целях оптимизации своей инфраструктуры, в том числе в многосторонних форматах. Эти усилия направлены не столько на отвлечение грузов от «Северного маршрута», сколько на развитие региональной торговли и содействие углублению экономического сотрудничества между Китаем, Центральной Азией, Южным Кавказом и Европой. Учитывая большой интерес к развитию этого маршрута для перевозок между двумя ведущими центрами мировой экономики, представленными Китаем и Европой, «Средний маршрут» может занять определенную нишу в рамках транзитных перевозок между КНР и странами Европы, «перетянув» часть транзитных грузов в Европу, которые сегодня выпадают из традиционных маршрутов, проходящих по территории Казах-

стана, РФ и Белоруссии» [28]. В 2023 г. несколько международных финансовых институтов опубликовали свои отчеты о будущем потенциале ТМТМ. В ноябре 2023 г. Всемирный банк опубликовал отчет, в котором говорится, что ТМТМ-коридор к 2030 г. может утроить объемы грузовых перевозок и сократить время в пути вдвое. В июне 2023 г. Европейский банк реконструкции и развития опубликовал отчет, в котором говорится, что инвестиции в размере 18,5 млрд евро к 2040 г. позволят ежегодно перевозить 1,4 млн контейнеров. В ноябре 2023 г. несколько стран на маршруте ТМТМ поставили перед собой задачу к 2029 г. увеличить объем грузоперевозок по этому маршруту в пять раз, до 10 млн т. В начале 2024 г. Евросоюз заявил, что намерен привлечь инвестиции в объеме до 10 млрд евро на создание транспортного коридора из Центральной Азии в Европу через Закавказье и Турцию в обход РФ.

В Брюсселе 29 января 2024 г. открылся форум инвесторов транспортных коммуникаций ЕС—Центральная Азия, в котором участвовали высокопоставленные представители Европейской комиссии, стран — членов ЕС, Центральной Азии, государств Кавказа и Турции, а также представители стран G20. На форуме обсуждался вопрос необходимых инвестиций для трансформации ТМТМ, причем в первый день форума были достигнуты договоренности о выделении на эти цели 2,97 млрд евро. Во время работы форума Европейский инвестиционный банк подписал с правительствами Казахстана, Киргизии и Узбекистана меморандум о взаимопонимании о выделении под гарантии Еврокомиссии займов в объеме 1,47 млрд евро, а Европейский банк реконструкции и развития подписал меморандум о взаимопонимании с Казахстаном по кредитной линии в размере 1,5 млрд евро. Организаторы форума заявили, что «необходимо превратить ТМТМ протяженностью 11 тыс. км в современный, мультимодальный и эффективный коридор, соединяющий Европу и страны Центральной Азии в течение 15 дней [29].

В июне 2022 г. логистические компании Нинся-Хуэйского автономного района (НХАР) на северо-западе Китая запустили первый интермодальный грузовой поезд в направлении Ирана, формируя новый международный логистический канал через Каспийское море. Новая линия в сочетании с другими грузовыми железнодорожными маршрутами Китай — Европа будет способствовать созданию глобальной транспортной сети, охватывающей морские, железнодорожные и автомобильные перевозки. Поезд отправился из столицы НХАР г. Иньчуань, преодолел около 8,5 тыс. км, проехав по территории Казахстана, затем через Каспийское море и через 20 дней прибыл в Бандар-э-Энзели, или порт Энзели, на севере Ирана. Новый маршрут занимает примерно на 20 дней меньше, чем на морском транспорте, и экономит около 6 тыс. юаней (897 долл.) на контейнер по сравнению с прежней международной грузовой железнодорожной линией из Иньчуаня в Тегеран. Эксперты отметили, что открытие грузовой линии создает недорогой трансграничный грузовой канал для НХАР и прилегающих провинций КНР, связывающий Китай с Ираном и странами Ближнего Востока, что способствует развитию экспорта местной продукции [30].

Новый международный маршрут грузовых поездов был открыт 19 января 2024 г. между Сианем (пров. Шэньси) и портовым городом в Грузии Поти, что

ознаменовало создание 18 основного маршрута, обслуживающего грузовой поезд Китай—Европа [31]. Поезд с 55 контейнерами, загруженными экспортными товарами, такими как автомобили и крупная техника, отправился из Сианя, а после пересечения КПП Хоргос в СУАР проследовал через Казахстан и Азербайджан, а затем прибыл в Потти. На всем маршруте мультимодальной перевозки, протяженность которого составляет 7829 км, был использован мультимодальный (железнодорожный-морской-железнодорожный транспорт), а время перевозки составило 15 дней [32].

Библиографический список / References

1. Azerbaijan and China: cooperation for a sustainable energy future. URL: <https://www.china-daily.com.cn/a/202401/24/WS65b06e25a3105f21a507e061.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
2. BRI an 'anchor' for Kazakh economy; global turbulence pushes China and Central Asia to cooperate closer. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202209/1275324.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
3. Chen Meiling, Mao Weihua. Xinjiang trade zone to drive region's growth. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0131/c90000-20128844.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
4. Chen Meiling. Kashgar to facilitate trade with key areas. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202311/25/WS65613adaa31090682a5f0020.htm> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
5. China and Azerbaijan enhance the potential of the Middle Corridor. URL: <https://www.china-daily.com.cn/a/202402/02/WS65bc5d19a3104efcbdae9577.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
6. Chinese national political advisors propose Xinjiang-Central Asia sci-tech innovation center to boost regional development. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202403/1308134.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
7. Explainer: Why does China-Europe Express Rail expand so fast and become more efficient. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0407/c90000-20153818.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
8. Going concern. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/03/WS63dc50a3a31057c47ebaca77.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
9. GT Voice: Xinjiang opening-up vital for cooperation with Central Asia. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1306105.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
10. GT Voice: Xinjiang opening-up vital for cooperation with Central Asia. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1306105.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
11. Hu Weijia. Development of Xinjiang's manufacturing accelerates despite Western sanctions. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202311/1301033.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
12. Ji Jing. Old Xinjiang border pass gets a contemporary restyling. URL: https://www.bjreview.com/China/202311/t20231125_800349860.html (date of access: 26 November 2023).
13. Li Xiping. China's Xi'an sees increasing trips made by China-Europe freight trains. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0409/c90000-20154951.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
14. Li Xuanmin, Zhao Yusha. BRI: A global project of the century, a path to global well-being. Ten years of miraculous BRI development turns the aspiration of people for a better life into reality. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202310/1299943.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).
15. Li Xuanmin. Xinjiang shows 'unlimited potential' in becoming BRI. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202311/1301214.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

16. Lu Yan. NPC Deputy: The Belt and Road Initiative has brought Xinjiang to the forefront of China's opening up. URL: https://www.bjreview.com/China/202303/t20230308_800324679.html (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

17. New China-Europe freight train route links Xi'an, Poti URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0120/c90000-20124639.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

18. Ningxia launches first intermodal freight train to Iran via Caspian Sea. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268604.shtml?id=11> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

19. Northwest China's Xinjiang realizes \$34.3 billion exports to five Central Asian countries in 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306703.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

20. Northwest China's Xinjiang realizes \$34.3 billion exports to five Central Asian countries in 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306703.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

21. Red Sea shipping crisis to accelerate shift to rail freight in Eurasia. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1304671.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

22. The middle way. Time is right to pursue greater Sino-Turkish Silk Road cooperation. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202401/24/WS65b04a55a3105f21a507df5c.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

23. Wang Keju. Xinjiang FTZ to promote digital trade. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202311/02/WS6542fb4ba31090682a5ec017.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

24. Xinjiang 2nd in terms of trade growth. URL: http://www.china.org.cn/business/2024-01/30/content_116974102.htm (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

25. Xinjiang becomes a gateway for westward opening-up with surging agricultural produce and vehicle exports. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1301957.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

26. Xinjiang ports register record high cargo throughput in 2023. URL: http://www.china.org.cn/business/2024-01/28/content_116969780.htm (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

27. Xinjiang sees robust growth in trade, GDP, laying bare failure of Western crackdown. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306742.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

28. Xinjiang sees robust growth in trade, GDP, laying bare failure of Western crackdown. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306742.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

29. Xinjiang sees robust growth in trade, GDP, laying bare failure of Western crackdown. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306742.shtml> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

30. Xizang expects air passenger throughput to exceed 6 mln: official. URL: <http://en.people.cn/n3/2023/1110/c90000-20095870.html> (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

31. Yuan Shenggao. Cooperative projects lead way for China and Turkiye to thrive. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202310/17/WS652de74fa31090682a5e8ec6_2.html (accessed: 25.01.2024). (In Chinese).

Шевчукова А.Е.

Тема насилия в постмодернистской литературе Китая (на примере произведений Юй Хуа и Чжан Юэжань)

Аннотация. В статье выявляется роль темы насилия в китайской постмодернистской литературе. Приводится история возникновения термина «постмодернизм», его развития в Китае. Проводится подробный анализ ранних произведений писателей Юй Хуа и Чжан Юэжань — повести «1986 год», рассказов «Один из видов реальности» и «Повествование о смерти», повести «Красные туфельки». Определяется, с какой целью авторы используют данный прием в каждом из произведений. Выявляются общие тенденции и особенности в подходе к изображению сцен жестокости авторов, а также различия в стилистике произведений. Исследуются различные аспекты насилия в произведениях, его последствия и воздействие на общество. Выявляется связь между изображением насилия и сложными социокультурными и политическими аспектами современного китайского общества. Цель работы — определение роли темы насилия в творчестве китайских писателей-постмодернистов. Актуальность заключается в популярности явления постмодернизма в современной китайской литературе, а также неполной его изученности. Методы, которые были использованы в ходе работы — анализ, синтез, сравнение. Результат заключается в том, что изображение насилия является ключевым для отображения социально-политических процессов прошлого и настоящего, волнующих китайских авторов.

Ключевые слова: Чжан Юэжань, Юй Хуа, постмодернизм, китайская литература.

Автор: Шевчукова Александра Евгеньевна, студентка III курса, Московский городской педагогический университет (МГПУ). ORCID: 0009-0001-9942-1678; E-mail: alexandra.shevchukova@mail.ru

Для цитирования: Шевчукова А.Е. Тема насилия в постмодернистской литературе Китая (на примере произведений Юй Хуа и Чжан Юэжань) // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 30—39.
DOI: 10.48647/ISSA.2024.97.17.004.

A.E. Shevchukova

**The theme of violence in Chinese Postmodern literature
(based on the works of Yu Hua and Zhang Yuezhan)**

Abstract. The article reveals the role of the theme of violence in Chinese postmodernist literature. The history of the term “postmodernism” and its development in China is given. A detailed analysis of the early works of the writers Yu Hua and Zhang Yuezhan — “1986”, “One of the kinds of reality” and “Narrative of Death”, “Red Shoes” — is carried out. The authors determine the purpose for which the authors use this technique in each of the works. The general tendencies and peculiarities in the approach to the depiction of scenes of cruelty of the authors, as well as differences in the stylistics of the works are revealed. Different aspects of violence in the works, its consequences and impact on society are studied. The connection between the depiction of violence and the complex socio-cultural and political aspects of contemporary Chinese society is revealed. The aim of the paper is to determine the role of the theme of violence in the works of Chinese postmodern writers. The relevance lies in the popularity of the phenomenon of postmodernism in contemporary Chinese literature, as well as its incomplete study. The methods that were used in the course of the work are analysis, synthesis, comparison. The result is that the depiction of violence is the key to depicting the socio-political processes of the past and present, which are of concern to Chinese authors.

Keywords: Zhang Yuezhan, Yu Hua, postmodernism, Chinese literature.

Author: *Shevchukova Alexandra E.*, 3d year student, Moscow City University (MCU). ORCID: 0009-0001-9942-1678; E-mail: alexandra.shevchukova@mail.ru

For citation: Shevchukova A.E. The theme of violence in Chinese Postmodern literature (based on the works of Yu Hua and Zhang Yuezhan. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 30—39. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.97.17.004.

Конец 1980-х гг. в Китае отмечен большим интересом к созданию «новой критики», небывалый энтузиазм возник вокруг привлечения на китайскую почву западных теорий. И.С. Скоропанова утверждает, что термин «постмодернизм» все еще не устоялся и применяется наряду с терминами «постструктурализм», «поствангардизм», «трансавангард», «искусство деконструкции» [1, с. 31]. Это вызывает повышенный интерес к литературе данного жанра.

Проведение в Китае политики открытости, расширение образовательного и академического обмена со странами Запада привело к изменениям в китайской литературе, повышению интереса к западной философии и культуре, в том числе к теориям постмодернизма [3, с. 3]. Так как культурные и политические реалии Китая и стран Запада различались, литература постмодернизма в Китае приобрела особенности, которые не присущи западному постмодернизму. Риторика постмодернизма, возможно, потому что она во многом аморфна и противоречива, обладает особым, почти сверхъестественным очарованием для культурного воображения в современном Китае. Постмодернизм с его двусмысленным предложением исторической периодизации легко удовлетворяет потребности возникающей культурной логики, когда он одновременно соединяет постреволюцион-

ное и локальное пространство с постмодернистским миром и позволяет творчески и назидательно высмеивать революционное наследие. Американский исследователь Тан Сяобин называет постмодернизм в Китае «остаточным модернизмом», что указывает на смешанный характер этого явления в стране [11, с. 211]. Исследователь Хуан Личжи считал, что вследствие появления в Китае постмодернистской потребительской культуры возникла «литература потребления», ее основными чертами он называл «отсутствие углубленности, рассеяние смысла и утрату индивидуальности» [7, с. 129].

Зарождению постмодернистских тенденций в китайской литературе способствовало стремление народа освободиться от диктата, желание бороться с тоталитаризмом. Среди народных масс возникла ненависть к пережиткам деспотизма, который проявился в годы культурной революции.

Одним из ярчайших писателей-постмодернистов Китая является Юй Хуа. Взросление писателя пришлось на годы культурной революции, что оказало влияние на формирование его литературных взглядов. Неслучайно его сюжеты тесно переплетены с этим периодом китайской истории — особенность его авторского стиля заключается в подробном описании сцен насилия. В эпоху культурной революции смерть и насилие были неотъемлемой частью общественной жизни. Жестокость и разрушительная сила кампании по истреблению интеллигенции, а также психическая травма, связанная с этим, оказали огромное влияние на целое поколение китайских писателей «новой волны» [5, с. 68].

Оба родителя будущего писателя были врачами, что в определенной степени повлияло на выбор Юй Хуа жизненного пути. После окончания школы он проработал врачом-стоматологом 5 лет, а с 1983 г. начал заниматься литературной деятельностью [6, с. 46]. Юй Хуа стал одним из авторов, творивших под эгидой журнала «Урожай». Помимо него, в эту группу входили Гэ Фэй и Су Тун. Авторы демонстрировали разочарование в гуманизме, увлечение языковой игрой, стиранием границы между реальным и нереальным миром, а также изображением немотивированного насилия. Это направление получило название авангардного [2, с. 404].

Описания насилия, убийств и жестокости в ранних произведениях Юй Хуа подаются в холодной и отстраненной манере. Герои отчуждены, действуют «на автомате», они лишены духовного ядра. Повесть «1986 год» — одно из наиболее жестоких произведений автора. Возвращение членов семей, потерянных или попавших в тюрьму во время ужасов культурной революции (или более ранних политических кампаний), найденных или освобожденных в годы, последовавшие за смертью Мао Цзэдуна и за окончанием культурной революции, было важным и очень трудным периодом в жизни многих людей. Социальные и личные проблемы, связанные с этим, были отражены во многих литературных произведениях конца 70-х и начала 80-х гг. (например, в романе Ши Мо «Незнакомец, вернувшийся домой»), но для Юй Хуа изображение современных социальных и политических явлений в такой очевидной манере было совершенно неприемлемо.

В маленьком городе появляется сумасшедший, который издевается над собой на глазах у горожан, и это приносит ему колоссальное удовольствие. Он начинает преследовать местную женщину, чей муж пропал в годы культурной рево-

люции. Сумасшедший видит весь мир через призму жестокости и насилия — фанари кажутся ему человеческими головами, а лодки — плывущими трупами. Он расправляется с местными жителями, а затем начинает истязать самого себя. В повествовании чередуются галлюцинации, связанные с серией наказаний, которые являются травматическими воспоминаниями героя о периоде культурной революции, и реальность. Действия сумасшедшего представлены очень ярко и абсурдно. В его разорванном сознании присутствует шизофрения, проявляющаяся в борьбе между садистом и мазохистом. Сумасшедший оказывается мужем той самой местной женщины, школьным учителем, который сошел с ума после издевательств, которые ему пришлось пережить.

На протяжении всех его скитаний и членовредительства горожане, как правило, не обращают на него внимания, за исключением случаев, когда он наносит самые ужасные увечья. Затем на короткое время собирается огромная толпа, чтобы посмотреть, но исчезает, как только он заканчивает. Наконец, у него отнимают нож, которым сумасшедший пытался расчленить собственное тело, и он оказывается связанным. Во время этой сцены он видит людей, которые связывают его, как своих палачей, готовящих его к растерзанию. Его оставляют на улице, где он в конце концов умирает от ран, которые нанес себе сам. После его смерти жизнь его семьи возвращается в нормальное русло. Однако в деревню приезжает сумасшедший из другой семьи, и цикл продолжается.

Безусловно, самым поразительным аспектом этой истории является графическое изображение экстремального, шокирующая жестокость, как фантазий сумасшедшего, так и его вполне реальных актов членовредительства. В контексте этой истории описание насилия служит многим целям. Во-первых, оно является попыткой шокировать читателей. Однако, что еще более важно, зверства и членовредительство сумасшедшего используются для того, чтобы вызвать в памяти ужасы прошлого. Прежде чем приступить к применению любого из методов наказания, сумасшедший выкрикивает его древнее китайское название и таким образом делает эту связь явной. В определенном смысле он напоминает о культурной революции, о ее насилии и ужасных последствиях, которые она оказала на многих людей. Он страдал, был оторван от своей семьи и сошел с ума в результате безумия того периода. Можно сказать, что он является воплощением прошлого, о котором жители его родного города забыли и отказываются смотреть правде в глаза. На короткое время люди обращают внимание на него, или, скорее, на его ужасные поступки, но даже в финальной сцене их внимание было недолгим, и они вскоре оставили его. Именно его ужасный голос из прошлого, побуждает их связать его и таким образом заставить замолчать.

«Один из видов реальности» — это шокирующе странная история о жестокости. Читатель знакомится с семьей, состоящей из бабушки-ипохондрика, двух ее сыновей Шаньфэна и Шаньгана, их жен и двух их сыновей. У ее старшего сына, Шаньгана, есть четырехлетний сын Пипи. Однажды, когда единственный в доме взрослый, его бабушка, находилась в своей комнате, Пипи стал издеваться над своим маленьким двоюродным братом, сыном Шаньфэна, а затем вынес его на улицу, где тот упал на землю, разбил себе голову и умер. Позже Пипи признается в совершенном, и Шаньфэн убивает его. На следующий день Шаньган привязывает

вает своего брата к дереву и натравливает на него собаку. После смерти Шаньфэна его жена сообщает об этом инциденте в полицию, и Шаньгана арестовывают и казнят. Жена Шаньфэна принимает решение пожертвовать тело Шаньгана науке, чтобы из него удалили важные органы и его не смогли похоронить целиком. Персонажи этой истории отстранены друг от друга, и взаимное отчуждение и такого рода — важная часть абсурдного, бессмысленного мира этой истории.

«Один из видов реальности» рассказывает о жестокости и порочности людей, которые тесно связаны с взаимным отчуждением персонажей истории. Их изображают далекими друг от друга и от всего мира, и их совершенно не волнуют чувства друг друга. Холодность этой реальности подчеркивает использование отстраненного стиля повествования. Сцена, в которой Пипи бездумно роняет своего маленького кузена и тем самым становится причиной его смерти, служит толчком к будущим убийствам. Важно отметить, что Пипи — четырехлетний ребенок, который не отдает себе полного отчета в содеянном и не понимает последствий своих действий. Однако на него оказывают влияние его семья и реальность, в которой он растет.

Абсурдность, которой полно произведение, подчеркивает неоднозначность человеческой жизни, а использование черного юмора подчеркивает ее еще больше. По мере развития события становятся все более абсурдными, при этом тон повествования остается отстраненным [10, с. 33].

Другое произведение автора с концентрацией сцен насилия — рассказ «Повествование о смерти». Рассказ ведется от лица водителя грузовика. Он в подробностях описывает, как его убивает семья крестьян, потерявшая дочь по его вине. Убивая его, крестьяне используют различные инструменты, в конце от тела водителя остается испещренное ранениями нечто.

Произведения Юй Хуа представляют собой стратегическую реакцию на кризис самоопределения культуры, где основная цель заключается в том, чтобы попытаться расшифровать скрытое значение насильственного характера, который явно представлен читателю. Это демонстрирует, как история, культура и язык взаимодействуют с врожденной способностью к жестокости, создавая политическое насилие.

Таким образом, можно сделать вывод, что в своих произведениях Юй Хуа прибегает к описанию сцен насилия для того, чтобы обратить внимание читателя на важные проблемы социального и политического характера. Крайне жестокие сцены издевательств и членовредительства шокируют читателя, но в то же время открывают глаза на пороки китайского общества и на ужасы, с которым оно столкнулось, например на издеательства, коим подверглись люди в годы культурной революции в повести «1986 год». При помощи этого сильного приема Юй Хуа не дает забыть о прошлом Китая, каким бы спорным и жестоким оно ни было. В произведении «Один из видов реальности» он обращает внимание и на проблему взаимоотношений в китайских семьях. Члены одной семьи абсолютно равнодушны друг к другу. Шаньфэн и Шаньган, потеряв родных сыновей, беспокоятся лишь о том, что лишились продолжателей рода. Вместо того чтобы объединиться в тяжелый для семьи момент, ее члены начинают поочередно убивать друг друга.

Китайские писатели, рожденные в восьмидесятых годах XX в. (восьмидесятники), считаются значительным явлением в культурной и литературной жизни начала нулевых. Многие из них начали свою карьеру еще в подростковом возрасте, быстро становясь популярными и успешными авторами. Отмечается, что их творчество и мировоззрение сформировались под влиянием реформ и открытости времен девяностых годов. Восьмидесятники обладают широким кругозором, многие из них получали образование за границей, что позволяет им хорошо знакомиться с западной литературой. Они не боятся экспериментировать со стилем и создавать новаторские образы и сюжеты, что необычно для китайской литературы. Однако некоторые критики считают, что многие произведения восьмидесятников начала и середины нулевых годов имеют невысокую художественную ценность из-за влияния общества потребления и массовой культуры. Их проза, посвященная в основном жизни современной городской молодежи, часто выглядит коммерчески нацеленной и не обладает глубиной смысла, скорее представляя собой беллетристику, нежели высокую литературу.

Восьмидесятники изображают повседневную жизнь современной городской молодежи в реалистическом стиле, используя персонализированные или индивидуальные приемы письма и элементы неореализма. Однако в отличие от писателей неореалистов девяностых они часто прибегают к магическому реализму. Влияние на восьмидесятников оказали японский писатель Харуки Мураками и китайская писательница Анни Баобэй (安妮宝贝). По словам ряда исследователей, включая Чэнь Сяомина, они стали образцом для современных китайских писателей, успешно сочетающих литературу высокого уровня с популярностью [8, с. 371].

Громким именем современной китайской литературы и одним из писателей-восьмидесятников является Чжан Юэжань. Изучением ее творчества занимались кандидат исторических наук Э.А. Синецкая, доктор филологических наук Е.М. Болдырева и китайские ученые Юй Сяовэй, Сюй Яюнь, Сюй Баодань, Дун Синьюэ.

Чжан Юэжань родилась 7 ноября в 1982 г. в городе Цзинань провинции Шаньдунь. Ее отец — профессор Шаньдунского университета, увлеченный литературой. Это пристрастие передалось его дочери: с четырнадцати лет писательница начала публиковаться в различных журналах, таких как «萌芽» («Мэня»), «芙蓉» («Фужун»), «新华文摘» («Синьхуа Дайджест»), «青年思想家» («Молодой мыслитель»). Обучалась в университете Сингапура, после чего устроилась в газету «Singapore morning post» [12, с. 123]. За красивый язык и способность создавать неповторимую атмосферу в своих произведениях Чжан Юэжань прозвали «нефритовой писательницей» (玉女作家). Писатель Мо Янь говорил: «Фантазия Чжан Юэжань и меланхолический темперамент делают ее романы романтическими и загадочными, элегантными и изящными». Ее дебютный роман «Кокон» стал настоящей сенсацией и был выдвинут на международную литературную премию «Ясная поляна». Однако стоит обратить внимание и на раннее творчество писательницы, которое было достаточно богатым и было хорошо принято не только читателями, но и критиками.

Важными работами этого периода являются сборники рассказов «Подсолнухи, потерявшиеся в 1890-м» (葵花走失在 1890, 2003), «Десять историй любви»

(十爱, 2004); повесть «Красные туфельки» (红鞋, 2004); романы «Разлука вишен» (樱桃之远, 2004), «Нарцисс, оседлавший карпа» (水仙已乘鲤鱼去, 2005) и «Птица клятвы» (誓鸟, 2006) [4, с. 35].

Можно сказать, что проза писательницы раннего периода представляет собой готические сказки, полные магического реализма, обладающие мрачной эстетикой и динамическим повествованием в стиле триллера, сосредоточенном на любви, которая, как правило, заканчивается трагически. Это можно увидеть в сборнике «Подсолнухи, потерявшиеся в 1890-м», упомянутом выше. В нем встречаются странные образы клоунов, черных кошек и красных туфелек, сопровождающие героинь в их поиске любви и «прекрасного принца».

Уже в раннем творчестве писательница стала прибегать к красочному и подробному описанию насилия. В рассказе «Сяо Жань» (小染, 2004) юная героиня убивает своего отца-художника с использованием ножниц из-за его неприемлемых чувств к ней, а затем наносит кровь отца на свои губы вместо помады. Рассказ пронизан особым восприятием мира героиней, поэтому обладает ярко выраженным психологическим характером. Сяо Жань воспринимает мир как огромный сад: предметы превращаются в цветы, а люди характеризуются через их запахи и цвета. Чжан Юэжань создает искаженный мир, но это изменение кажется единственным оружием, с помощью которого героиня может защитить себя от насилия из прошлого и несчастья в настоящем. Отстранение настолько велико, что она просто определяет своего отца как «мужчину», человека, которого она не может любить и который почти принимает облик тюремщика, поскольку его присутствие мешает ей выйти в мир [9, с. 36].

Повесть «Красные туфельки» является одним из главных произведений Чжан Юэжань раннего периода — она соединила в себе не только ключевые стилистические и тематические особенности раннего творчества автора, но и в целом эстетику прозы восьмидесятников первой половины нулевых.

Одна из характерных черт повести, свойственных постмодернизму, — отсутствие однозначного характера у персонажей. Главный герой — киллер, который совершил большое количество убийств, однако этот же человек становится заботливым и добрым отцом для сироты, которую сам же и пытался убить в начале произведения. Возможно, таким образом герой попытался раскаяться за все совершенные им преступления, убежать от прошлой жизни. Искренность его чувств вызывает сопереживание у читателя.

Таким же неоднозначным персонажем можно назвать и девочку, но ее неоднозначность обуславливается контрастом внешнего и внутреннего. В западной литературе образ ребенка традиционно связан с невинностью и беззаботностью. Чжан Юэжань, в свою очередь, наделяет девочку всеми негативными качествами — равнодушием, жестокостью. Этот образ может вызвать у читателя отвращение и страх. С самого раннего возраста она была лишена качеств, присущих ребенку — например, в начале произведения она, увидев убитую мать, не испугалась, а перешагнула через ее тело.

Другая яркая черта постмодернизма, которую можно наблюдать в повести, — дисгармония и деструкция. Мир, в который автор погружает читателей, ужасен. Он пугает их безысходностью происходящего: несмотря на все попытки главного

героя пробудить в девочке добрые качества, ее поступки становятся все более жестокими, и она теряет человеческое лицо. В конце произведения она переступает через тело отца так же, как в детстве — через тело матери, и фотографирует его для своей коллекции. Ее жестокость и равнодушие достигают апогея — смерть близкого человека не вызывает у нее никаких эмоций.

Главные героини повести безымянные. Таким образом автор подчеркивает их типичность и обращает внимание на то, что для представителей поколения ситуация, описанная в произведении, является распространенной. Работы Чжан Юэжань являются в некотором роде отражением социальных проблем того времени, растерянного и запутавшегося мира молодежи, не столь отдаленной возможности существования молодых людей, способных совершить чудовищные преступления.

Еще одна особенность повести — отсутствие оценки автора. Он не встает на сторону кого-либо из героев, не пытается учить читателя и выступает лишь в качестве рассказчика. Для стиля Чжан Юэжань характерна крайняя отстраненность по отношению к описываемому, а также создание бесплотной атмосферы, почти лишенной объективных обозначений, что затрудняет сопереживание читателя героям. Эта эмоциональная отстраненность и вызывает чувство тревоги, которое сохраняется на всем протяжении чтения ее прозы.

Жестокость присуща и герою, и героине, но среди них выделяется именно девочка. Важно отметить, что свою жестокость она направляет на более слабых — на соседского мальчика, животных. Приемного отца или других взрослых эти действия не касаются. Сама героиня объясняет это тем, что ей это неинтересно. Жестокость девочки гиперболизирована — к примеру, мальчику она вырывает все зубы, затем повторяет этот эксперимент на кошке. Также она убивает собаку, подаренную ей отцом. В то время как герой становится лучше и находит в себе положительные качества благодаря заботе о девочке, ее жестокость прогрессирует — она начинает фотографировать все совершенные ею зверства. Природа жестокости девочки не объясняется, но кольцевой композицией произведения автор могла пытаться донести мысль, что любая жестокость всегда порождает жестокость и человек, совершивший убийство, не сможет скрыться от предписанной ему судьбы.

На примере раннего творчества писательницы можно увидеть, что Чжан Юэжань не боится прибегать к гиперболизированной жестокости в своих произведениях. Во-первых, это делается для придания большей эмоциональности и для того, чтобы держать читателя в напряжении. Во-вторых, детальное описание сцен насилия относится к особенностям постмодернизма в китайской литературе. Также важно иметь в виду исторический контекст: родители писателей поколения 80-х пережили культурную революцию, и ее влияние прослеживается в китайском обществе до сих пор; политика открытости, в свою очередь, дала молодым авторам большую свободу творчества и возможность рассуждать на ранее табуированные темы — например, рассказать историю о жизни представителя незаконной профессии. Описание насилия можно встретить и в других произведениях писательницы — например, в рассказах «Лодка» и «Черная кошка никогда не спит», а также в романе «Кокон».

Вышеперечисленные факты позволяют нам сделать вывод о том, что изображение насилия играет важную роль в творчестве китайских писателей-постмодернистов разных поколений. Данный прием является одним из основных в литературе постмодернизма и используется для того, чтобы привлечь внимание читателя к проблемам китайского общества, такие как влияние культурной революции на сознание людей, проблема семейных взаимоотношений, сексуализированного насилия, детской жестокости.

Библиографический список

1. Дрейзис Ю.А. Элементы постмодернистской поэтики в творчестве Юй Хуа и Владимира Сорокина // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2014. № 1. С. 31—41.
2. Дрейзис Ю.А. Назад к модернизму: творчество Юй Хуа в контексте развития китайского литературного авангарда // Общество и государство в Китае: Материалы XLI научной конференции, Москва, 26 марта 2011 года. Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2011. С. 404—406.
3. Завидовская Е.А. Постмодернизм в современной прозе Китая: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 2005. 29 с.
4. Куликова А.А. Художественное своеобразие прозы китайской писательницы Чжан Юэжань // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. № 4: Востоковедение. С. 32—42. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-4-32-42
5. Могильницкая М. С. Творчество Юй Хуа в контексте авангардной прозы и постмодернизма в литературе Китая // МНСК-2020: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10—13 апреля 2020 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 68—69.
6. Поцулан О. В., Хузиятова Н. К. Художественное своеобразие романа Юй Хуа «Братья» в контексте современной китайской литературы // Известия Восточного института. 2015. № 3. С. 44—56.
7. Турушева Н.В. Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 126—132.
8. Чэнь С. Тенденции новейшей китайской литературы. М.: Шанс, 2019. 583 с.

References

1. Drejzsis Ju.A. Jelementy postmodernistskoj pojetiki v tvorchestve Juj Hua i Vladimira Sorokina [Elements of Postmodernist Poetics in the Works of Yu Hua and Vladimir Sorokin]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2014, no.1, pp. 31—41. (In Russ.).
2. Drejzsis Ju.A. Nazad k modernizmu: tvorchestvo Juj Hua v kontekste razvitija kitajskogo literaturnogo avangarda [Back to Modernism: The Work of Yu Hua in the Context of the Development of the Chinese Literary Avant-Garde]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae : Materialy XLI nauchnoj konferencii* [Society and State in China : Proceedings of XLI scientific conference]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies RAS], 2011, pp. 404—406. (In Russ.).
3. Zavidovskaja E.A. Postmodernizm v sovremennoj proze Kitaja : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskix nauk [Postmodernism in modern prose of China : abstract of the dissertation. ... candidate of philological sciences]. Moscow, 2005, 29 p. (In Russ.).
4. Kulikova A.A. Hudozhestvennoe svoeobrazie prozy kitajskoj pisatel'nicy Chzhan Juezhhan' [Artistic uniqueness of the prose of the Chinese writer Zhang Yuezhan]. *Vestnik Novosibirskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University], 2024, no. 4, pp. 32–42. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-4-32-42.

5. Mogil'nickaja M.S. Tvorchestvo Juj Hua v kontekste avangardnoj prozy i postmodernizma v literature Kitaja [Yu Hua's work in the context of avant-garde prose and postmodernism in the literature of China]. MNSK-2020: Materialy 58-j Mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii [MNSC-2020: Proceedings of the 58th International Scientific Student Conference]. Novosibirsk, Novosibirsk National Research State University, 2020, pp. 68–69. (In Russ.).

6. Poculan O.V., Huzijatova N.K. Hudozhestvennoe svoeobrazie romana Juj Hua «Brat'ja» v kontekste sovremennoj kitajskoj literatury [Artistic uniqueness of Yu Hua's novel "Brothers" in the context of modern Chinese literature]. Izvestija Vostochnogo instituta [Oriental University Press], no. 3, pp. 44–56. (In Russ.).

7. Turusheva N.V. Sovremennaja kitajskaja literatura kak otrazhenie social'nyh processov v KNR [Modern Chinese literature as a reflection of social processes in the PRC]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2014, no. 383, pp. 126–132. (In Russ.).

8. Chjen' S. Tendencii novejshej kitajskoj literatury [Trends in Recent Chinese Literature]. Moscow, Shans, 2019, 583 pp. (In Russ.).

* * *

9. Carella C. Il senso tragico e l'immaginario di Zhang Yueran Proposta di traduzione e commento traduttologico dei racconti "Xiao Ran" e "Il fantasma della citta di Sushui" Venezia: Universita Ca' Foscari Venezia, 2013. 101 p.

10. Moen M. Blurring the lines?: postmodernism and the use of tradition in the works of Yu Hua. Vancouver: University of British Columbia, 1993. 113 p.

11. Tang X. Chinese Modern: The Heroic and the Quotidian. Durham & London, 2000. 402 p.

12. 刘桂茹. “玉女”的忧伤与残酷 [The sorrow and cruelty of "Jade Lady"]. 信阳师范学院学报 (哲学社会科学版) [Journal of Xinyang Normal College (Philosophy and Social Science Edition)], 2011年. 第6期. 21–28页. (In Chinese).

Лаврова А.М.

Репрезентация китайских культурных смыслов в кинокартине «Все, везде и сразу»

Аннотация. В статье представлен анализ репрезентации китайских культурных смыслов в кинокартине «Все, везде и сразу». Эти смыслы проявляются как в поверхностных визуальных отсылках — одежде определенного цвета, даосских символах Инь и Ян, — так и в более глубоких смыслах — схожесть жизненного пути главной героини с жизнью принца Гаутамы и т. д. Автор рассматривает элементы традиционной китайской культуры в кинокартине, анализирует влияние философских учений — буддизма и даосизма — на сюжет фильма. В работе также представлен анализ полихронного восприятия времени как отражения китайской картины мира, нашедшей отражение в кинокартине. В статье при помощи философско-культурологического и семиотического анализа раскрываются и анализируются репрезентации китайских культурных смыслов в кинокартине «Все, везде и сразу», делается вывод о том, что кинокартина пропитана культурными смыслами и традициями Поднебесной, что говорит о высоком уровне влияния Китая на мировую культуру. Актуальность исследования обусловлена сложностью в чтении китайских культурных подтекстов и усилением влияния Китая на мировой арене.

Ключевые слова: «Все, везде и сразу», язык кино, буддизм, даосизм, традиционная китайская культура.

Автор: Лаврова Александра Михайловна, студентка III курса факультета Международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ). ORCID: 0009-0002-9875-9383; E-mail: patuskin@yandex.ru

Научный руководитель: Челнокова-Щейка Анна Витальевна, PhD (History), доцент кафедры зарубежного регионоведения, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ).

Для цитирования: Лаврова А.М. Репрезентация китайских культурных смыслов в кинокартине «Все, везде и сразу» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 40—52. DOI: 10.48647/ICCA.2024.93.91.005.

A.M. Lavrova

Representation of Chinese cultural meanings in the film “Everything Everywhere All at Once”

Abstract. The article presents an analysis of the representation of Chinese cultural meanings in the film “Everything Everywhere All at once”. These meanings are manifested both in superficial visual references — clothes of a certain color, Taoist symbols of Yin

and Yang — and in deeper meanings — the similarity of the main character's life path with the life of Prince Gautama, etc. The article examines the elements of traditional Chinese culture in the film, analyzes the influence of philosophical teachings — Buddhism and Taoism — on the plot of the film. The paper also presents an analysis of the polychronous perception of time as a reflection of the Chinese picture of the world, reflected in the film. The article, using philosophical, cultural and semiotic analysis, reveals and analyzes the representations of Chinese cultural meanings in the film “Everything Everywhere All at Once”, concludes that the film is imbued with cultural meanings and traditions of the Middle Kingdom, which indicates a high level of Chinese influence on world culture. The relevance of the research is due to the difficulty in reading Chinese cultural overtones and the increasing influence of China on the world stage.

Keywords: “Everything Everywhere All at once”, cinema language, Buddhism, Taoism, traditional Chinese culture.

Author: *Lavrova Alexandra M.*, 3d year student of the Department of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University (MSLU). ORCID: 0009-0002-9875-9383; E-mail: patuskin@yandex.ru

Supervisor: *Chelnokova-Siejka Anna V.*, PhD (History), Associate Professor at the Department of Foreign Regional Studies, Moscow State Linguistic University (MSLU).

For citation: Lavrova A.M. Representation of Chinese cultural meanings in the film “Everything Everywhere All at Once”. *Sovremennaya Azija: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 40–52. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.93.91.005.

Введение

Последнее десятилетие отмечено укреплением влияния Китая на международной арене и его активным участием в мировых процессах. Эта тенденция просматривается и в духовной сфере. С одной стороны, это стратегически направленное культурное влияние, финансируемое различными государственными организациями, с другой — это естественный процесс, обусловленный растущим влиянием китайских эмигрантов, которыми и для которых воплощается интеграция китайской и западной культуры в различных формах. Одним из примеров последнего стала кинокартина «Все, везде и сразу», фантастический комедийный боевик режиссеров Дэниела Шайнерта и Дэна Квана, который в 2023 г. стал абсолютным рекордсменом по количеству премий «Оскар», получив 7 из 11 возможных наград, в том числе и главную — «за лучший фильм», продемонстрировав растущий интерес к азиатскому восприятию реальности.

Сюжет картины описывает жизнь семьи китайских эмигрантов в США. Главная героиня Эвелин вместе с мужем владеет прачечной, дела в которой идут плохо, отношения с дочерью Джой также оставляют желать лучшего. История приобретает неожиданный поворот, когда в мужа главной героини Вэймонда вселяется его альтернативное «я» из другого мира мультивселенной. Эвелин предстоит пройти долгий путь, чтобы спасти вселенную, принять противополо-

женные стороны своей личности, а также восстановить благоприятные отношения в своей семье. Для нарратива активно используется *улитюу* (无厘头) — особый тип юмора, возникший в Гонконге в конце XX в. и ставший одной из уникальных особенностей азиатского кинематографа. Этот «киноязык» включает в себя изменение грамматических, фонетических и лексических конструкций (использование рифм и каламбуров, совместное использование английского и китайского языков, «изобретение» новых слов для конкретного фильма), несоответствие внешности актера его роли в кинокартине, нелогичные действия персонажей, абсурдное поведение одного или нескольких героев, использование смешной или неуместной атрибутики. Все вышеперечисленное создает впечатление бессмысленности и абсурдности происходящего [19].

Фильм наполнен различными визуальными, символическими и философскими смыслами, которые берут истоки в китайской культуре и без раскрытия которых теряется глубина изложения. По Ю. Лотману, каждое изображение на экране является знаком, а значит имеет свое значение, передает зрителям определенную информацию о герое или ситуации [4, с. 25]. Именно исходя из этой теории о кино как языке, мы выделили несколько существенных отсылок к китайской традиционной культуре.

Визуальные символы в кинокартине «Все, везде и сразу»

Любой знак в кинокартине служит для того, чтобы заменить собой реальное явление или объект. Следовательно, его функция в фильме — подмена реального художественным в соответствии с мироощущением режиссера. По словам Лотмана, «знак — это материально выраженная замена предметов, явлений, понятий в процессе обмена информацией в коллективе. Следовательно, специализация знака — в способности реализовывать функцию замещения» [4, с. 27]. Каждый символ в повествовании передает конкретное смысловое понятие, определенную идею. В кинокартине зритель видит последовательность знаков, которые впоследствии дешифрует, воспринимая различные смыслы, — «зная, что перед нами художественный рассказ, то есть цепь знаков, мы неизбежно расчлняем поток зрительных впечатлений на значимые элементы» [4, с. 307].

Существует множество «приемов», благодаря которым наш мозг способен считать знаки и понимать их реальное значение. Например, Н.Б. Мечковская в своих работах указывает на ключевые среди таких приемов: «Метафора и метонимия выступают как два организующих центра в наборе тех моделей (схем), по которым сознание “умеет” образовывать производные значения и знаки. Одни тропы тяготеют к метафоре (олицетворение, функциональные уподобления, гипербола, литота, ирония); другие основаны на механизмах метонимии (синекдоха, расширение или сужение исходной семантики)» [6, с. 187]. Подобные литературные приемы используются и в языке кино. Так, например, кинокартина «Все, везде и сразу» пропитана иронией, гиперболой, сужением и расширением исходной семантики, что проявляется и в репликах персонажей, и в кадровых решени-

ях. Примечательно, что любое использование метафоры делает текст избыточным, метафора добавляет слова, без которых можно было бы обойтись, поэтому считывая метафору, зритель должен убирать лишнее. Метонимия же, напротив, «убирает лишнее», таким образом, тому, кто считывает символы, нужно «додумывать» и «видеть между кадров». Это и есть два ключевых направления, по которым может работать наш мозг.

В фильме поверхностные визуальные символы видно даже невооруженным взглядом: несмотря на то, что кинокартину не показывали в кинотеатрах КНР, все названия частей фильма дублируются китайскими иероглифами, во множестве сцен актеры сняты в китайских традиционных костюмах, главные герои едят китайскую лапшу и слушают новости на китайском. Ярким примером отражения культуры Поднебесной в фильме является празднование китайского Нового года, причем именно в это время происходит развязка фильма, то есть для самых важных событий режиссеры выбрали именно главный китайский праздник, обогатив его традиционными костюмами в виде драконов, китайскими фонарями, обилием красной одежды, которую в Поднебесной традиционно принято надевать на праздники.

В кинокартине также представлены одни из самых популярных во всем мире китайских видов боевого искусства — кунг-фу и тайцзицюань. Ими владеют почти все «версии» Эвелин и Вэймонда, причем от навыков этого боевого искусства зависит их жизнь. В одном из миров главная героиня прожила несколько лет в монастыре, где обучалась кунг-фу, благодаря чему стала успешной. Более того, поскольку фильм снят в жанре боевика, в нем содержится много сцен драк и боев, каждая из которых наполнена демонстрацией китайских традиционных видов боевых искусств. Примечательно, что сцены состязаний в кинокартине сняты в стиле *улитюу* (无厘头), что проявляется в использовании неуместной атрибутики, в странных и неловких диалогах, несоответствии внешности персонажей образу профессиональных борцов. Это, с одной стороны, делает акцент на проявлении чисто китайской культуры в фильме, обращает внимание зрителей на «китайские методы ведения боя», а с другой стороны, делает кинокартину частью гонконгской юмористической кинотрадиции. Таким образом, кунг-фу и тайцзицюань являются важными визуальными культурными элементами кинокартины «Все, везде и сразу», эти виды боевого искусства создают у зрителей ощущение причастности сюжетных линий к китайским традициям.

Огромную роль играет семиотика цвета в картине. В.Ф. Позин говорит: «Так же, как и в реальной жизни, цвет на экране дает объекту дополнительную атрибутивную характеристику, а также может выступать в качестве одной из характеристик персонажа и окружающего его пространства» [10, с. 416]. То есть «одаряя» того или иного героя или кадр определенным цветом или оттенком, режиссер зачастую может вкладывать в цвет смысл, значение, стремится вызвать у зрителей ассоциативный ряд, придать герою ряд качеств. Известный оператор и режиссер Юрий Ильенко говорил о цвете: «Многие вещи трудно перевести на язык слов, но они зато очень просто и ярко выражаются на языке пластики и живописи. Цвет, например, может быть даже источником информации» [8, с. 234]. Таким образом, цвет в фильме несет определенную цветовую нагрузку, помогает

реципиенту получить дополнительную информацию о герое, передать его настроения и характер.

В рассматриваемой нами кинокартине доминирует китайский подход к восприятию цвета. Например, когда дочь главной героини Джой готовится «умереть», войдя в гигантский бейгл, все вокруг белое: и одежды девочки и ее помощников, и стены в помещении, и арка за «пончиком». В западной картине мира белый цвет ассоциируется с чистотой, непорочностью, чем-то положительным [10, с. 428]. Например, для европейских стран характерно наряжать невесту в белое платье, подчеркивая ее чистоту и непорочность, а также радостный характер мероприятия. В китайской традиции белый символизирует смерть, траур. Так, помимо общеизвестного определения слова «похороны» — 葬礼 — существует и другое — 白事, что в переводе означает «белое событие» [15, с. 170]. Мы видим, что смерть и несчастье в кинокартине оформлены в тонах белого, что указывает именно на китайское видение происходящего.

В другой сцене, когда Джой приходит в Альфа-мир, чтобы убить своего отца, она одета в зеленый костюм. Этот цвет в культуре Китая символизирует предательство [3, с. 28]. То есть героиня предает свою семью, нарушает конфуцианский принцип сыновей почтительности, поэтому она одета в соответствующие цвета.

Инспектор, стремящаяся закрыть семейный бизнес Эвелин, одета в желтую одежду, что в китайской культуре символизирует власть, императора и статусность [14, с. 179]. Она обладает властью, имеет полномочия закрыть прачечную, приносящую семейству основной доход. Взаимоотношения между Вэймондом и Эвелин с налоговым инспектором строятся на основе подчинения и унижения их этой женщиной. Муж главной героини боится сказать инспектору лишнее слово, дарит печенье, трепещет перед ней. Супруги вынуждены соблюдать четкую субординацию, добиваться расположения инспектора, что напоминает взаимодействие вышестоящих чиновников с нижестоящими.

Еще одним примером репрезентации культурных смыслов в кинокартине является образ свиньи, олицетворяющей дом и семью, — даже иероглиф «семья» (家) представляет собой сочетание элементов «крыша» и «свинья». В фильме плюшевая свинья прикреплена к сумке мужа главной героини, когда в него перемещается его «я» из Альфа-мира. Позднее и дочь главной героини Джой появляется на экране с живой свиньей на поводке, но она тоже предстает в образе Всемирного зла, а не своего «настоящего я». Оба этих момента акцентируют внимание зрителя на том, что, какими бы знаниями своих других «я» Вэймонд и Джой ни обладали, они все равно остаются семьей Эвелин, ее мужем и дочерью. Именно к этому осознанию главная героиня и будет идти на протяжении всего фильма.

Таким образом, в кинокартине «Все, везде и сразу» присутствует множество визуальных элементов, заимствованных из культуры Китая. Некоторые из них очевидны, другие требуют более глубокого анализа. Однако все эти визуальные элементы служат для репрезентации китайских культурных смыслов, создания атмосферы традиций Поднебесной, рассказа о происходящих событиях с точки зрения китайской картины мира.

Буддийский подтекст кинокартины

Помимо визуальных элементов китайской культуры, кинокартина «Все, везде и сразу» включает в себя некоторые буддистские смыслы. В основе фильма лежит одно из ключевых буддийских посланий: все вокруг есть пустота (Шуньята), то есть ничто [12, с. 216]. Мир непостоянен и изменчив, не имеет ни начала, ни конца, поэтому, согласно учению Махаяны, все, что относится к внешнему миру, представляет собой «ничто», единственное значение имеет мир внутренний. Главным посылом фильма является то, что жизнь иногда может быть очень грустной, жалкой, может создаться ощущение бессмысленности происходящего, то есть иногда жизнь представляется как «ничто». Однако это «ничто» все же имеет значение, представляет собой какую-то ценность, поскольку именно в нем человек может развивать свой внутренний мир, совершенствовать себя и свои принципы для будущих перерождений [12, с. 217]. К этой логике и приходит дочь главной героини фильма Джой, которая в конце картины решает не погружаться в бездну гигантского бейгла, представляющего собой абсолютную пустоту и хаос, а остаться в своей ничтожной и ничего не значащей жизни. Героиня приходит к пониманию, что даже грустная и жалкая жизнь представляет ценность, может помочь в развитии внутреннего мира, принести пользу и радость, поэтому любой жизненный путь стоит того, чтобы его пройти. Это направление мыслей очень схоже со смыслом учения о дхарме, согласно которому просветления можно достичь только путем накопления положительной кармы в последовательных перерождениях, то есть в разных жизнях, не существует пути, по которому можно было бы просто опуститься в бездну небытия [7, с. 30]

Истории о мультивселенной, такие как «Все, везде и сразу», основаны на вере, будто каждый выбор, который мы когда-либо делали, и каждое событие, которое двигало нас по пути, могли бы быть другими. Результат даже незначительной разницы в поступках может кардинальным образом изменить жизнь. Каждый выбор героев формирует два новых мира, где судьба развивается по определенному пути, то есть после каждого события реальность расщепляется, в зависимости от принятого героями решения начинают существовать две реальности, где персонаж в один момент принял разное решение. Все это очень схоже с концепцией кармы — действий, которые имеют последствия для нас самих и других, определяют наше будущее, события нашей жизни и жизни окружающих нас людей [12, с. 217]. Следовательно, все альтернативные реальности в мультивселенной «Все, везде и сразу» показывают, какими были бы события в жизни персонажей в зависимости от их кармы, то есть принятых ими решений.

Фантастическая реальность «Все, везде и сразу» предполагает, что можно использовать знания и опыт наших параллельных «я» для расширения возможностей нашего нынешнего мира. Когда Эвелин или Вэймонду в фильме нужны боевые навыки, они связываются с параллельным «я», которое владеет боевыми искусствами. В других мирах они оперные певцы, миллиардеры, звезды кино. Существует даже вселенная «хот-договых пальчиков» и даже «енотов, управляющих людьми». Поначалу мы можем отличить «реальный» мир от множества дру-

гих вселенных, по которым перемещаются герои: это «настоящая» Эвелин, «настоящий» Вэймонд, «настоящая» Джой. По мере того, как вселенные начинают накапливаться и мелькать, то соединяясь, то разъединяясь, стандартное повествование ломается, теряется понимание того, какая сюжетная линия является «реальной». Поскольку истории о мультивселенной предлагают череду бесконечного размножения «я», мы приходим к выводу: все вокруг есть ничто, ведь уже не существует ни «реального мира», ни «других» вселенных, окружающий мир есть ничто, пребывающее в постоянном хаосе. Это и есть истинный смысл Шуньяты: все объекты и события окружающего мира лишены независимого существования, прочной субстанции и смысла [1, с. 156].

Когда Будда Шакьямуни увидел свои прошлые жизни после противостояния с демоном Марой, это была не просто цепочка индивидуальных перерождений, но бесчисленные космические эпохи прошлого, расширяющиеся и сжимающиеся с бесконечно повторяющимися «я», взаимодействующими с другими в бесконечной комбинации отношений. Следствием этого является то, что все мы были для каждого родителем, ребенком, братом или сестрой, партнером, другом, врагом во всех возможных отношениях. То же самое происходит и в фильме: главным злодеем на протяжении его большей части является версия дочери Эвелин из параллельной вселенной, Джой, чей разум «сломался», когда она обрела способность познавать все возможные вселенные одновременно. То есть один и тот же персонаж является и любимой дочерью главной героини, и ее врагом, антагонистом. Все это только подтверждает буддийскую теорию о бесконечном количестве перерождений, в каждом из которых можно очутиться на месте кого угодно. Как во временном (перерождение), так и в пространственном (мультивселенная) видения бесконечности индивидуальность превращается в бесформенную взаимосвязь. Индивидуальное «я» было пустым с самого начала — лишенным постоянства, условий, какой-либо прочной основы.

В фильме «Все, везде и сразу» прослеживается классическое буддийское путешествие главной героини: страдания, затем тренировка разума и тела, открытие видения того, как устроен мир на самом деле, достижение сверхъестественной силы и просветления, а после возвращение в мир освобожденной.

Сначала Эвелин страдает, испытывая постоянный стресс. Ее налоги, семья и бизнес в прачечной — все в полном беспорядке. После этого наступает период тренировки разума главной героини, когда она учится перемещаться из одной вселенной в другую, контролировать свои чувства и эмоции. Затем Эвелин заглядывает в бейгл, в который Джой поместила «все» (по словам самой Джой, она поместила в бейгл смысл всех вещей во вселенной), то есть главная героиня постигает суть устройства вселенной и становится бодхисаттвой — бесконечно сострадательным и умелым воином, который в конце концов теряет всякую застенчивость, нерешительность и сомнения, исцеляя своих противников вместо того, чтобы причинять им вред. В этот момент Эвелин становится просветленной, после чего возвращается к обычной жизни со своей семьей, но уже с совершенно новыми знаниями и ценностями. Мы видим, как главная героиня проходит по тому же пути, по которому когда-то прошел принц Гаутама, став Буддой Шакьямуни.

Другой важной и очевидной параллелью сюжета кинокартины с буддизмом является одна из основных его ценностей — любящая доброта (Метта). В учении о дхарме любящей доброты должен добиваться любой желающий достичь просветления и разорвать круг вечных перерождений Сансары. Любящая доброта представляет собой бескорыстное стремление к благосостоянию каждого с целью достижения счастья другими [9, с. 383]. Сослано буддизму, ни у одного живого существа нет врагов, нужно постоянно проявлять заботу и любовь абсолютно ко всем, вне зависимости от того, как они повели себя. «Человеческая способность заботиться о других не является чем-то тривиальным или тем, что должно приниматься как должное. Сострадание — чудо человеческой природы, драгоценный внутренний ресурс и фундамент нашего благополучия и гармонии в обществе. Если мы пытаемся обрести собственное счастье, нам следует практиковать сострадание; если мы стремимся к счастью других, нам также следует практиковать сострадание», — сказал Далай-Лама XIV [2, с. 156]. Те же ценности мы видим и в фильме «Все, везде и сразу»: главная героиня очень долго пытается бороться с окружающими, видит в них врагов и отвечает злом на зло, отчего чувствует себя только хуже. Однако как только она понимает, что в мире для нее не существует врагов, чувствует, что способна сострадать и желать счастья каждому, она «побеждает», в ее сердце наступает покой, а жизнь налаживается. Примечательно также, что в период тренировки разума Эвелин должна искренне признаться своему врагу Дейдре в любви, чтобы получить способность перемещаться по мультивселенной с целью получения навыков своих «я».

Таким образом, в кинокартине «Все, везде и сразу» присутствует множество как очевидных, так и более скрытых параллелей с буддизмом, весь сюжет пронизан такими классически буддийскими понятиями, как «карма», «пустота», «любящая доброта». Вся история фильма и судьба главной героини напоминают жизнь принца Гаутамы, а счастливый финал наступает лишь тогда, когда Эвелин начинает жить согласно буддийским канонам доброжелательности и сострадания.

Даосский философский смысл картины

Даосские идеи также нашли отражение в фильме «Все, везде и сразу» в виде черно-белых глаз, мелькающих на протяжении всего фильма. Они появляются с первых кадров, когда главная героиня сидит за столом и пытается разобраться с налоговыми выписками, они мелькают на мешках с одеждой и стиральных машинах в прачечной, они приклеены к камням в последней части фильма. Эти глаза отсылают зрителя к классическому круглому изображению Инь и Ян. Помимо чисто визуального сходства этих фигур, наблюдается и четкая взаимосвязь в значении. Так, в учении Лао-цзы Инь и Ян символизируют единство противоположностей [16, с. 63]. Ян отождествляется с активностью, силой, напряжением и мужским началом во всем сущем. Инь представляется его противоположностью, то есть символизирует умеренность, слабость, спокойствие, расслабленность и женское начало. Оба они должны взаимодействовать как компоненты

единого целого, как противоположности, они дополняют друг друга, обеспечивая стабильную и благотворную циркуляцию энергии Ци, обеспечивающей гармонию в мире.

Когда Эвелин начинает идти по пути тренировки разума и тела, она обучается боевым навыкам, постоянно находится в движении, все время активна, проявляет лидерские качества. В этот момент ее Ян значительно перевешивает, поэтому вокруг нее творятся хаос и несчастья. Но стоит ей остановиться, задуматься, всмотреться в окружающий мир, все налаживается. В момент финальной битвы и развязки кинокартины, когда Джой пытается войти в гигантский бейгл в здании налоговой, действия всех героев замедляются. Мы видим, что именно в этот момент главная героиня, наконец, может не сражаться, не совершать никаких активных действий. Она просто замирает и смотрит на окружающих, вдумывается в то, какие у них переживания, мечты, заботы. В этот момент Эвелин принимает свое женское, слабое, миролюбивое начало, ее энергия Ци вновь обретает баланс. Восстановление баланса Инь и Ян в фильме символически обозначено тем, что главная героиня приклеивает себе на лоб тот самый черно-белый глаз. Теперь в ней все гармонично: она выражает свой Ян тем, что все еще играет лидирующую роль, она вступает в битву, однако ее Инь раскрывается не за счет активного боя, а за счет победы над врагами путем объятий, исполнения их желаний. Так гармония в жизни семьи Эвелин и во всей мультивселенной восстанавливается.

Таким образом, черно-белые глаза, постоянно мелькающие в кадре на протяжении всего фильма «Все, везде и сразу», символизируют типичное даосское изображение Инь и Ян, то есть единство противоположностей. Когда Ян главной героини перевешивает над Инь, она и все вокруг нее страдают, но как только ей удастся восстановить баланс, приняв свое женское начало, потоки энергии Ци начинают циркулировать с прежней эффективностью, а жизнь, по канонам даосизма, стабилизируется.

Восприятие времени

Во второй половине XX в. американский антрополог Эдвард Холл предложил идею о культурах с монохронным и полихронным восприятием времени. Согласно его теории, люди в обществах с монохронным восприятием времени стремятся четко планировать свои действия, отделять одно дело от другого, выстраивать четкую последовательность, согласно которой эти дела должны быть решены. В обществах с такой культурой люди обычно строго придерживаются плана, для них крайне важна пунктуальность. В полихронных же культурах отсутствует четкое разделение дел, имеет место выполнение нескольких дел одновременно с разными людьми и в одном физическом месте. В такой культуре планирование и пунктуальность — вещи условные, а не обязательные для выполнения [17, с. 173—177].

Эту идею Холла развивает британский специалист по культурной коммуникации Ричард Льюис. Он выделяет реактивные, полиактивные и моноактивные

культуры (где реактивные и полиактивные схожи с полихронными, а моноактивные — с монохронными) [11, с. 52]. По Льюису, в моноактивных культурах время видится линейно, одно событие происходит за другим, в полиактивных культурах время — не столь четкое понятие, события движутся по нескольким линиям сразу, не существует четкого разделения на разные времена-пространства, все находится в едином взаимодействии, несколько дел совершается единомоментно. Сам Льюис относил китайскую культуру к реактивной (то есть к полихронной), говоря: «Реактивные — культуры, придающие наибольшее значение вежливости и уважению, предпочитающие молча и спокойно слушать собеседника, осторожно реагируя на предложения другой стороны. Представители этой категории — китайцы, японцы и финны» [5, с. 24]. Также Льюис отмечал, что для жителей Поднебесной характерно скорее не линейное (как для североамериканцев), а цикличное восприятие времени: «В некоторых восточных культурах единственно возможным отношением ко времени признается адаптация людей к нему. В этих культурах время не линейно, но и не привязано к людям или событиям, оно циклично» [5, с. 92].

Таким образом, для китайцев чужда концепция четкого разделения дел на последовательности, разные события могут происходить в одно и то же время, имеет место скорее цикличное, а не линейное восприятие действительности. То же самое мы наблюдаем и в фильме. Различные «аватары» всех героев существуют в разных мирах, события там развиваются не друг за другом, а как бы параллельно. Жизнь каждого героя кинокартины развивается в различных циклах в один и тот же момент, отсутствует понимание каждого мира как «прошлого» или «будущего», все это просто циклы, «наслаивающиеся» друг на друга.

Вывод

В кинокартине «Все, везде и сразу» представлен широкий спектр отсылок к культуре Китая. Во-первых, зритель может заметить огромное количество визуальных элементов, напрямую отсылающих нас к китайской традиционной культуре — кунг-фу, празднование китайского Нового года, образ свиньи, символизирующей дом. Картина изобилует цветовой символикой, которая отражает китайское видение мира. Например, белый цвет появляется в фильме для обозначения горя, смерти, страдания. Все эти визуальные символы не только служат для создания атмосферы китайской культуры в фильме, но и указывают на некоторые сюжетные повороты, дают скрытый подтекст для более глубокого понимания героев и сюжетных поворотов, иными словами, несут в себе четкий культурный смысл.

Во-вторых, в фильме присутствуют отсылки к религиозным учениям — буддизму и даосизму. Такие классические буддистские понятия, как «карма», «любящая доброта», «пустота», легли в основу сюжета и действий основных персонажей. Более того, жизнь главной героини Эйвелин имеет сходства с жизнью принца Гаутамы — последнего Будды. Кинокартина также пронизана даосским философским смыслом о поиске баланса между мужским и женским началом в человеке.

В-третьих, сюжетная линия демонстрирует китайское восприятие времени как параллельно развивающихся циклов. Жизни всех «аватаров» проходят не в прошлом или будущем, а параллельно с жизнями «настоящих» героев.

Таким образом, в фильме широко представлены культурные смыслы, отсылки к китайским обычаям и религиозным учениям, а также визуальная символика китайской культуры, все это говорит об укреплении ее влияния на международной арене. Однако европейскому зрителю не всегда понятны китайские культурные подтексты с первого взгляда, сложность их прочтения говорит о необходимости их более глубокого изучения в контексте зарубежной продукции.

Библиографический список

1. Босенко А.В. Представления буддистов о пустоте в традиции Карма Кагью // Наследие в руках молодежи: новые тренды. СПб.: Санкт-Петербургский технологий и управления экономикой, 2022. С. 189—194.
2. Далай-Лама XIV Тензин Гьяцо. Вне религии: этика для целого мира. Новосибирск: Изд-во Дзе Цонкапа, 2013.
3. Дегтярников А.В., Вертинский А.В. Значение цветов в традиционной китайской культуре // Вестник НАСА. 2014. № 1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-tsvetov-v-traditsionnoy-kitayskoj-kulture> (дата обращения: 08.06.2023).
4. Ильенко Ю.Г. Преодоление материала // Кинопанорама. 1977. № 2. С. 232—44.
5. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство — СПб., 1998. 704 с.
6. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. 2-е изд. М.: Дело, 2001.
7. Мечковская Н.Б. Семиотика Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2007. 432 с.
8. Музафарова Н.Р. Понятие «карма» в философии северного буддизма // Вестник Бурятского государственного университета. 2022. № 2. С. 25—37. DOI: 10.18101/1994-0866-2022-2-25-37.
9. Наркевич А.В. Религиозно-философские принципы медитации в традициях буддизма // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 1(39). С. 380—386.
10. Познин В.Ф. Цвет как элемент драматургии фильма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. № 3. С. 410—436.
11. Сериков А.Е. Восприятие времени в китайской культуре // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-vremeni-v-kitayskoj-kulture> (дата обращения: 15.02.2024).
12. Смирнова Е.В. Категория Шуньята в буддизме и ее связь со временем и вечностью // ОБЩЕСТВО — НАУКА — ИННОВАЦИИ: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2020. С. 215—218.
13. Хао Цзюй. О религиозном и философском даосизме. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-religioznom-i-filosofskom-daosizme> (дата обращения: 08.06.2023).
14. Чаплинская Ю.А. Цветовая символика традиционной и современной китайской одежды // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 37. С. 177—183. URL: <http://e-koncept.ru/2017/771266.htm> (дата обращения 07.02.2024).

References

1. Bosenko A.V. Predstavleniya buddistov o pustote v tradicii Karma Kag'yu [Buddhist ideas about emptiness in the Karma Kagyu tradition]. *Nasledie v rukah molodezhi: novye trendy* [Heritage in the hands of youth: new trends]. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of Technology and Economic Management, 2022, pp. 189—194. (In Russ.).
2. Chaplinskaya Yu.A. Cvetovaya simbolika tradicionnoy i sovremennoy kitayskoy odezhdy [Color symbolism of traditional and modern Chinese clothing]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Koncept"* [Scientific and methodological electronic magazine "Concept"], 2017, no. 37, pp. 177—183. URL: <http://e-koncept.ru/2017/771266.htm> (accessed: 07.02.2024). (In Russ.).
3. Dalai-Lama XIV Tenzin G'yaco [Dalai Lama XIV Tenzin Gyatso]. *Vne religii: etika dlya celogo mira* [Beyond religion: Ethics for the whole world]. Novosibirsk: Publishing House of Je Tsongkhapa, 2013. (In Russ.).
4. Degtyarnikov A.V., Vertinsky A.V. Znachenie cvetov v tradicionnoy kitayskoy kul'ture [The meaning of flowers in traditional Chinese culture]. *Vestnik NASA* [Bulletin of NASA], 2014, no.1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-tsvetov-v-traditsionnoy-kitayskoy-kulture> (accessed: 06.08.2023). (In Russ.).
5. Hao Ju. O religioznom i filosofskom daosizme [About religious and philosophical Taoism]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-religioznom-i-filosofskom-daosizme> (accessed: 08.06.2023). (In Russ.).
6. Ilyenko Yu.G. Preodolenie materiala [Overcoming the material]. *Kinopanorama*, 1977, no. 2, pp. 232—44. (In Russ.).
7. Lewis R.D. Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu [Business cultures in international business. From collision to mutual understanding], 2nd ed. Moscow: Delo, 2001. (In Russ.).
8. Lotman Y.M. Ob iskusstve [About art], St. Petersburg: Iskusstvo — SPb, 1998. 704 p. (In Russ.).
9. Mechkovskaya N.B. Semiotika Yazyk. Priroda. Kul'tura [Semiotics Language. Nature. Culture]. Moscow: Publishing center "Academy", 2007. 432 p. (In Russ.).
10. Muzafarova N.R. Ponyatie "karma" v filosofii severnogo buddizma [The concept of "karma" in the philosophy of Northern Buddhism]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2022, no. 2, pp. 25—37. (In Russ.). DOI: 10.18101/1994-0866-2022-2-25-37.
11. Narkevich A.V. Religiozno-filosofskie principy meditacii v tradiciyah buddizma [Religious and philosophical principles of meditation in the traditions of Buddhism]. *Chelovecheskiy faktor: Social'nyy psiholog* [The human factor: a social psychologist], 2020, no. 1(39), pp. 380—386. (In Russ.).
12. Poznin V.F. Cvet kak element dramaturgii fil'ma [Color as an element of the dramaturgy of the film]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2021, no.3, pp. 410—436. (In Russ.).
13. Serikov A.E. Vospriyatie vremeni v kitayskoy kul'ture [Perception of time in Chinese culture]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology], 2016, no.2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-vremeni-v-kitayskoy-kulture> (accessed: 15.02.2024). (In Russ.).
14. Smirnova E.V. Kategoriya Shun'yata v buddizme i ee svyaz' so vremenem i vechnost'yu [The category of Shunyata in Buddhism and its connection with time and eternity]. *OBSHCHESTVO — NAUKA — INNOVACII* [SOCIETY — SCIENCE — INNOVATIONS]: collection of articles of the International scientific and practical conference]. Ufa: OOO "OMEGA SAYNS" [OMEGA SCIENCES LLC], 2020, pp. 215—218. (In Russ.).

* * *

15. Danylova T. Taoism: Eastern Message of Non-Duality, 2016, no. 11, pp. 62—65. DOI: 10.22178/pos.16-7
16. Hall E. T. The Hidden Dimension. N.Y.: Anchor Books, Doubleday, 1990 (1966).
17. Lewis R. D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. 3rd ed. L., Boston: Nicholas Brealey International, 2006.
18. Zhang Shulin. 服饰色彩 [The color of the suit]. Beijing: Gaodeng jiaoyu Publishing House, 1995, no. 81, pp. 160—180. (In Chinese).
19. 无厘头的概念. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%97%A0%E5%8E%98%E5%A4%B4/125607> (accessed: 16.07.2023). (In Chinese).

Кондратова Т.И., Леонченко К.А.

Интертекстуальность как прием художественной реконструкции истории в романе Су Туна «Последний Император»

Аннотация. Целью работы является изучение различных способов реконструкции истории в произведении. Ее актуальность и новизна определяются отсутствием исследований интертекстуальности как одного из главных принципов организации текста данного романа. Авторы выявляют различные рецепции китайской классической литературы, которые позволили создать в романе своеобразный диалог текста с уже знакомыми литературными сюжетами, изобразить реальность прошлого без исторической достоверности. В статье выявлены многочисленные аллюзии и реминисценции, которые, благодаря приему пастиша, создают ощущение размытого художественного времени, повторяемости событий, что дает автору романа возможность сосредоточить внимание читателя на философском осмыслении проблемы свободы или зависимости личности от исторических событий.

Ключевые слова: китайская литература, постмодернистская проза, Су Тун, «Последний император», реконструкция истории, интертекстуальность, рецепции китайской классики.

Авторы: Кондратова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка, Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета (МГПУ). ORCID: 0000-0002-5053-0179; E-mail: KondratovaTI@mgpu.ru

Леонченко Кронид Александрович, бакалавр кафедры китайского языка, Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета (МГПУ). E-mail: cronide.leon@yandex.ru

Для цитирования: Кондратова Т.И., Леонченко К.А. Интертекстуальность как прием художественной реконструкции истории в романе Су Туна «Последний Император» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 53—62. DOI: 10.48647/ICCA.2024.98.80.006.

T.I. Kondratova, K.A. Leonchenko

Intertextuality as a Technique of the Artistic Reconstruction of History in Su Tong's novel the Last Emperor

Abstract. The purpose of the work is to study various ways of reconstructing history in a work. Its relevance and novelty are determined by the lack of research on intertextuality as one of the main principles of the organization of the text of this novel. The authors identify various receptions of Chinese classical literature, which made it possible to create in the novel a kind of dialogue of the text with already familiar literary plots, to depict the reality of the past without historical authenticity. The article reveals nu-

merous allusions and reminiscences, which, thanks to the pastiche technique, create a feeling of blurred artistic time, the repeatability of events, which gives the author of the novel the opportunity to focus the reader's attention on a philosophical understanding of the problem of freedom or dependence of the individual on historical events.

Keywords: Chinese literature, postmodern prose, Su Tong, "The Last Emperor", reconstruction of history, intertextuality, reception of Chinese classics.

Authors: *Kondratova Tatiana I.*, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor at the Chinese Language Department of Institute of Foreign Languages of Moscow City University (MCU). ORCID: 0000-0002-5053-0179;

E-mail: KondratovaTI@mgpu.ru

Leonchenko Kronid A., bachelor at the Chinese Language Department of Institute of Foreign Languages of Moscow City University (MCU).

E-mail: cronide.leon@yandex.ru

For citation: Kondratova T.I., Leonchenko K.A. Intertextuality as a Technique of the Artistic Reconstruction of History in Su Tong's novel the Last Emperor. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 53–62. (In Russ.).
DOI: 10.48647/ICCA.2024.98.80.006.

Введение

Китайская литература на протяжении всего своего развития проявляла интерес к осмыслению прошлого, выявлению в нем примеров нравственного и не-нравственного поведения, ведь изображение уже свершившихся событий становилось своеобразным уроком для современных автору читателей. Исторические события в китайских романах классического периода часто воспроизводились через призму народного сознания, фольклорного освещения, поскольку историческое время и период создания произведений были удалены друг от друга на века, а порою и тысячелетия. Так, созданный в XIV в. роман Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» описывает события III в., написанные Ши Найанем в этот же период «Речные заводы» повествуют о народном восстании XII столетия. Элементы фантастики в этих произведениях объясняются тем, что сведения о реальных событиях, передаваясь из уст в уста, обрастали необычными, часто волшебными, деталями, превращались в легенды, трансформируя изображение реального хода истории.

Осмысление принципов художественного воспроизведения истории в китайской литературе начинается в XX столетии: новая китайская литература обращалась к событиям глубокой древности, усвоив многие положения художественного реализма, опираясь на принципы историзма, народности, классовой борьбы как движущего средства истории. Например, в пьесе Го Можо «Цюй Юань» причины и суть трагедии первого индивидуального поэта Китая были показаны именно с классовой точки зрения, и на первом плане оказывается не только личность Цюй Юаня, но и представители народа: служанка, рыбак. В пьесе «Сыма Цянь» Сюн Чжаочжэн в образе первого китайского историка, создателя «Исторических записок», показывает идеал конфуцианской личности в ее жертвенном служении государю, народу и истине.

Методы и материалы

Один из исследователей литературных процессов современного Китая Чэнь Сяомин полагает, что сегодня в изображении исторической темы китайские писатели как сохраняют традиционный «телеологический подход, в целом, свойственный китайскому мышлению», так и следуют тенденции к «персонализированному» творчеству [9, с. 448]. Под телеологическим подходом в данном случае понимается установление причинно-следственных связей, детерминация поступков людей, зависящих от определенных целей, лежащих вне желаний отдельной личности. В качестве этих объективных целей, в соответствии с которыми движется история, в китайской культуре веками понималось соответствие человека в отдельности и государства в целом идеальному макету государственности, созданному Конфуцием. Идеология второй половины XX в. создала политизированную, то есть классово ориентированную на принципы социализма и коммунизма модель, в которой над интересом личности довели интересы государства. Очевидно, поэтому многие современные китайские писатели разочаровались в принципе историзма, детерминизма при изображении прошлого. Появился термин «неисторизм», который связан с вольной интерпретацией истории, ее национальных символов [2, с. 8].

Феномен переписывания и художественного переосмысления истории осуществляется с помощью приемов нереалистического письма: конструирования новой реальности, поэтики абсурда, повышенной метафоричности, «демонтажа образов истории и традиции» [2, с. 8]. Чэнь Сяомин тоже считает, что «вслед за периодом историзации наступает “реисторизация” и “деисторизация”, в запутанном клубке историзации и деисторизации литературы объект творчества то освобождается от истории, то втягивается в ее переосмысление и пытается найти дорогу в двойном языковом контексте — модернизма и постмодернизма» [9, с. 31].

Естественно, что представители китайского постмодерна, неореализма, отвергая телеологический принцип движения истории, ищут новые способы изображения и выражения оценки истории Китая. К таким писателям можно отнести современного прозаика Су Туна: анализ его произведения «Последний император» может продемонстрировать различные приемы художественной реконструкции истории. Сам писатель называет роман «увлекательным путешествием» в свой внутренний мир [8, с.3]. Он просит не относиться к произведению как к историческому полотну. Особенность реконструкции древности писатель определил тем, что в «романе не обозначена конкретная эпоха»: «Попытки истолковать намеки и определить, насколько точно выстраиваются события, лягут слишком тяжким бременем и на вас, и на меня» [8, с. 4]. Су Тун образно формулирует здесь принцип своего неореалистического изображения далекой истории: «...то, что я пишу, и моя жизнь берут начало в мире грез. «Последний император» — «это еще одна греза в мире грез» [8, с. 4]. Здесь реализуется один из принципов неореализма: стремление изображать реальность вне ракурса «достоверного отображения актуальной исторической и социальной действительности» [7, с. 76]. В этом писателю помогает его читательский опыт, опора на литературный

материал, воссоздающий атмосферу китайского Средневековья, который, благодаря использованию приема пастиша, совмещает детали различных эпох, нашедших отражение в предшествующей литературе.

На некоторые проблемы изображения исторических событий в романе уже обращали внимание исследователи. Так, А.В. Новосельцева, указывая на «авантюрно-приключенческую событийную основу» «Последнего императора», замечает, что писатель «делает акцент не столько на исторической достоверности, сколько на морально-этическом содержании отечественного прошлого» [5, с. 134]. К.А. Леонченко выделяет несколько важных приемов художественной реконструкции, среди которых использование факторов исторической случайности, смены социальных статусов героев, а также использование нестандартных факторов [4]. Вопросы поэтики и проблематики романа Су Туна на фоне специфики неореалистической прозы современного Китая касались в своих работах А.М. Букатая [1], Е.Н. Шульгина [10]. Однако проблема интертекстуальности в романе Су Туна «Последний император» еще не была всесторонне изучена, что определяет актуальность и новизну работы.

Анализ

Целью данного исследования является выявление разных проявлений интертекстуальности и ее функций в романе Су Туна «Последний император», в поиске «явных и неявных аллюзий, реминисценций, цитат, литературных и культурных переключек» [3, с. 429]. В произведении изображена судьба императора несуществующего царства Се — Дуаньбая. На фоне медленного, но неуклонного приближения династии и всего государства к полному краху автор рисует путь духовного становления своего главного героя: от жестокого, безвольного и бездарного правителя, посаженного на трон в результате подмены завещания императора, до обретения им истинной свободы и нравственных качеств. Это путь от императора до циркача-канатоходца, а потом — буддистского отшельника.

Местом действия является Поднебесная, однако реальное историческое время в романе установить невозможно. Определенные ассоциации размытого времени и пространства возникают у читателя, благодаря использованию в тексте упоминаний хорошо известных читателям классических произведений китайской литературы, а также аллюзий на них и фрагменты древней истории, что создает диалог между текстом романа и предшествующей литературой. Поиск данных форм чужого слова в романе представляется нам особенно важным, поскольку именно это взаимодействие смыслов помогает читателю проникнуть в глубину поставленных автором проблем.

Представление об эпохе, художественно воссозданной в романе, в повествовании неясно и размыто. Изображенная здесь междоусобная борьба царств Се, Пан и Пэн напоминает многие периоды китайской междоусобицы: периода Сражающихся царств (V—III вв. до н.э.), Троецарствия (III в.), Периода пяти династий и десяти царств (X в.). В тексте есть упоминание рассказчиком о книге Сунь Цзы (VI—V вв. до н.э.) «Искусство войны», об академии Ханлинь, основанной

в VIII в., о стихах Ли Цинчжао (1084—1151) — поэтессы, жившей в эпоху Сун, над строками которой совершенно равнодушный к страданиям и пыткам людей император льет слезы. А история крестьянина Ли Ичжи, ставшего во главе огромного войска восставших, напоминает многих предводителей мятежников разных периодов истории Китая, например Ли Цзычэна (1606—1645), подавление восстания которого привело в итоге к маньчжурскому завоеванию Поднебесной. Однако в словах Ли Ичжи, обращенных к императору, возникает картина, очень напоминающая время, предшествующее восстанию Ихэтуаней (1898—1901): «Могут появиться благородные борцы за правое дело и выступить против безнравственных правителей, а продажные чиновники и взяточники, пользуясь тяжелыми временами в стране, будут набивать себе карманы <...>, иностранные захватчики и местные бандиты, что не прочь пожить чужим добром, смогут половить рыбку в мутной воде...» [8, с. 134]. Су Тун смешивает приметы разных эпох и прием пастиша создает своеобразную игру — это разгадывание деталей, ставших основой для имитации в данном тексте. Этот постмодернистский прием проявляется на протяжении всего текста.

Истории дворцовых интриг, жестоких расправ женщин-правительниц, ближайших родственниц малолетнего и безвольного императора, над наложницами рождают аллюзии на легенды о жестокости китайских правительниц У Цзэтянь (624—705) и Цыси (1835—1908): отрубание рук, вырывание языков, захоронение с умершим императором его любимой наложницы, подмена рожденного ребенка — в романе есть сцены чудовищной жестокости, многие из них имеют явно литературное происхождение. Госпожа Мэн, мать главного героя, приказывает отрубить руки наложнице Дайнян, которая прекрасно играет на инструменте пипа. Подобный эпизод с отрубанием рук присутствовал в одном из самых древних рассказов неизвестного автора «Яньский наследник Дань», сюжет которого был известен всем образованным китайцам по «Историческим запискам» Сыма Цяня: наследник Дань, задабривая выбранного им мстителя Цзин Кэ, который потребовал понравившиеся ему руки игравшей наложницы, выполнил это жестокое и абсурдное требование. Возникает аллюзия: Дуаньбай, такой же слабый и бессильный, похож на наследника Дая. Намек на это произведение появится в романе еще один раз, в описании покушения на императора Дуаньбая во время театрального представления актеров. Несостоявшийся мститель Сяо Фэнчжу ведет себя точно так же, как и Цзин Кэ, мечтавший оставить свое имя в истории. Задача обоих не просто покарать недостойных правителей, но объявить об этом всему миру, публично разоблачив их злодеяния. Сяо Фэнчжу, подобно Цзин Кэ, произносит долгий монолог: «Смерть тебе, бездарный и распутный правитель, любитель развлечений и женщин. Уступи дорогу светлому новому миру, миру благоденствия страны и благосостояния народа» [8, с.158]. Как и в древней повести о Цзин Кэ, время произнесения приговора становится причиной неудачного покушения. В уста главного героя-рассказчика автор вкладывает рассуждения о причинах сохранения и забвения имен в истории. Дуаньбая обидно, что несостоявшийся убийца воспеваётся, а предполагаемая жертва покушения неизвестна, его имя «вообще не попали в поле зрения историков» [8, с.160]. Здесь

опять можно увидеть параллель с повестью «Яньский наследник Дань», потому что в истории осталось только имя несостоявшегося мстителя Цзин Кэ.

Судьба любимой наложницы Дуаньбая Хуэй-фэй тоже отчасти опирается на литературные сюжеты: здесь и отголоски суеверий, связанных с лисами-обольстительницами, воспетыми Пу Сунлином в книге «Лисьи чары». Рожденного героиней ребенка подменяют на лисенка, обвиняя ее таким образом в колдовстве. Дальнейшая судьба Хуэй-фэй повторяет путь героини популярного романа эпохи Цин «Полуночник Вэйян, или подстилка из плоти» Ли Юя. Жена Вэйяна, оставленная им ради других удовольствий, стала жрицей любви. Ища сильных любовных впечатлений, герой Ли Юя встретит ее в заведении для развлечений, он переживет душевное потрясение, которое станет началом его духовного перерождения. В романе «Последний император» Дуаньбай тоже находит свою возлюбленную, отправленную ранее в монастырь, в заведении с говорящим названием «Чарующий феникс». Его робкая, тихая и нежная Хуэй-фэй превратилась в торгующую любовью «густо накрашенную девицу». Отталкиваясь от уже известной ситуации, Су Тун показывает другой вариант развития событий, что представляет тип особой постмодернистской игры. Бывшая наложница утешает бывшего императора, в ее уста автор вкладывает размышления о влиянии обстоятельств на личность человека, его жизненные принципы: «Да, я — женщина, потерявшая стыд, <...> и кто мне скажет, что такое стыд?» [8, с. 232]. Встреча героев, некогда нежно любящих друг друга, не оборачивается для них новой волной чувств: оба они, изменяясь согласно векторам случайно обрушившихся на них обстоятельств, не приближаются друг к другу, а стремительно отдаляются в разные стороны.

Особенностью нарратива романа является форма рассказа-воспоминания Дуаньбая, начиная с его странного воцарения на престоле царства Се и заканчивая его монашеской жизнью в буддистском монастыре, периодически дополняемая его комментариями изложенных им самим событий, взятых из «Тайной истории дворца Се». Рассказчик передает состояние своей души в момент происходящих событий, но не рефлексировать, не дает им оценки с высоты прожитых лет, приобретенного опыта. Дуаньбай-нарратор постоянно фиксирует детали искажений, допущенных автором этой истории: «В “Тайной истории дворца Се” я изображен бесталанным свергнутым правителем, который живет за счет брошенной им и ставшей проституткой наложницы. На самом деле я провел в уезде Сянсянь всего три дня, а потом отправился дальше...» [8, с. 234]. Такие несоответствия фактов разных нарративов подчеркивают заявленную в начале романа автором мысль, что история — это греза, в данном контексте сумма разнородных грез о прошлом, лишённая какой бы то ни было объективности.

Литературный багаж помогает автору реконструировать древнюю историю: показывая начало разложения власти в царстве Се, превращения монархии в жестокую деспотию, Су Тун использует реминисценцию из одного из самых популярных романов XIV в. — «Троецарствия» Ло Гуаньчжуна, который тоже начинается с сентенции о причинах скорого падения государства: власть перешла в руки женщин и евнухов. Эта же мысль звучит и в «Последнем императоре», вложенная в уста сумасшедшего старика Сунь Синя: «Раз евнухи в фаворе, бедствие

скоро обрушится на царство Се» [8, с.45]. Братскую вражду, изображенную на страницах романа, можно назвать рецепцией отношений сыновей Цао Цао, показанных в этом же романе и еще ранее нашедших отражение в лирике Цао Чжи (192—232): можно вспомнить его «Стихи за семь шагов», направленные против братской вражды.

Прием интертекстуальности дает возможность автору обратиться к философской проблеме выбора смысла жизни, а также помогает поставить вопрос истинного влияния на общество конфуцианской морали: с иной стороны посмотреть на, казалось бы, этот бесспорный факт. На протяжении всего романа многократно упоминается книга, которая определяла особенности идеологии, государственности Китая на протяжении более чем двух тысяч лет — это «Луньюй» Конфуция. Буддистский монах Цзюэкун, наставник Дуаньбаю, приносит новопосаженному императору книгу, которую он не успел дочитать со старым правителем, умершим императором — отцом Дуаньбаю, чтобы продолжить чтение с сыном с той самой страницы, на которой остановился отец. Юному Дуаньбаю интересны игра в сверчков, наблюдение за жестокими казнями и участие в них — книга о человеколюбии кажется ему совершенно ненужной. Станным в этой ситуации является факт чтения «Луньюя» буддистом, пропаганда им учения Конфуция. И хотя три религии в средневековом Китае всегда уживались, разделяя сферы влияния, сам факт такой приверженности буддистского монаха к конфуцианскому канону кажется своеобразной игрой — сознательным размыванием смысла. Взяв, хоть и неохотно, книгу, Дуаньбай между тем всем своим поведением будет олицетворять образец полного несоответствия тем моральным и нравственным качествам, которыми должен обладать благородный муж (君子, *цзюнь цзы*), согласно учению Конфуция. В какой-то степени его деятельность является гиперболизированной иллюстрацией зависимости стабильности государства от нравственных качеств правителя. История его правления царством Се показывает, что случается, если наверху власти оказывается маленький человек (小人, *сяо жэнь*), руководствующийся не долгом, а только личными, в данном случае по-детски глупыми интересами. Выросший в мире ненависти и злобы, он сам демонстрирует своеволие, жестокость, безнравственность, полное пренебрежение к человеческой жизни. А вот простолюдины, изображенные в романе, живут по законам Конфуция, хотя думают о личном, а не об общем благе. Случайно встреченный Дуаньбаем юноша на улице Пинчжоу, охваченного эпидемией чумы, с горечью воспроизводит слова матери, в которых выражен главный принцип человеческого благородства, согласно законам Конфуция, — это почитание предков: «Мать не отпускает меня, — проговорил он, понунив голову. — Говорит, что мы должны остаться, чтобы почитать покойников у их гробов и блюсти траур, и что если всем суждено умереть, то умрем всей семьей» [8, с. 238]. Здесь не дана оценка такому противопоставлению следования долгу и нарушения его, что соотносимо в данном случае с противопоставлением жизни и смерти, отсутствием выбора, лишаящем молодое поколение права на будущее. Главный герой не огтягощен этой конфуцианской моралью: к этому моменту уже бывший император Дуаньбай, «бросив последний взгляд на этого соблюдающего траур молодого человека, поспешил вернуться на дорогу» [8, с. 238]. В этом эпизоде проявляется

один из литературных приемов неореализма, названный «нулевым градусом эмоций» (情感零度, *цингань линду*). Автор романа в данном случае не дает оценки описываемым событиям, остается «невозмутимым и хладнокровным», «отказывается от эмоционального накала, драматизма как инструментов построения сюжета» [6, с. 88].

В финале романа герой, нашедший свой идеал свободной жизни в монастыре Горького Бамбука на горе Горького Бамбука, проводит свое время за чтением «Луньюя»: «Иногда мне кажется, что в этой исполненной мудрости книге заключена суть всего мира; иногда же я чувствую, что почерпнуть оттуда мне нечего» [8, с. 277]. Судьба героя убеждает в относительности нравственных законов, идеалов и норм поведения, сформулированных в книгах. Конфуцианство, основанное на положениях книги «Луньюя», и буддизм, определивший образ жизни героя в конце романа, в теории противопоставлены как активное действие и отказ от него — в реальной жизни сближаются и соединяются для героя с идеей индивидуальной свободы. Все это выражено через парадоксальный образ: буддистский монах Император Огородной Грядки рано утром ходит по канату, натянутому между двумя соснами, а вечером читает главную книгу конфуцианцев — «Луньюя».

Результаты

Таким образом, изобразив жизнь императора Се, ставшего жертвой «злой шутки» [8, с. 268], сыгранной над ним и его соперником-братом силами истории, писатель-неореалист убеждает, что путь каждой личности непредсказуем: он во многом зависит от случайностей, предугадать которые невозможно. Однако у каждого все же есть шанс обретения внутренней свободы, реализации своих глубинных стремлений, не зависящих от социальной среды и политической ситуации. Роман, начавшийся с изображения ужасов пыток и убийств, завершается картиной покоя и умиротворенности. В этом образе единения бывшего императора с природой можно увидеть и аллюзию на последние годы жизни последнего императора Китая — Пу И (1906—1967).

Художественная реконструкция истории царства Се, данная через изображение судьбы ее последнего императора, опирается на приемы интертекстуальности (реминисценции, аллюзии, пастиш), которые создали представление об обобщенной картине истории, когда размываются границы и приметы эпох. Это дало автору возможность заострить внимание на исследовании духовного пути героя, его нравственном возрождении.

Библиографический список

1. Букатая А.М. Своеобразие историзма в новейшей китайской прозе // Китайско-белорусские языковые, литературные и культурные связи: материалы международной научной конференции / отв. ред. Н.Н. Хмельницкий. Минск, 2019. С. 170—179.

2. Завидовская Е.А. Постмодернизм в современной прозе Китая: автореферат диссертации. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 29 с.
3. Игнатенко А.В., Кондратова Т.И. Введение в китайскую литературу. От древности до наших дней. М.: Издательский дом ВКН, 2022. 448 с.
4. Леонченко К.А. Приемы художественной реконструкции истории в романе Су Туна «Последний император» // Наука в мегаполисе. 2024. № 1(57).
5. Новосельцева А.В. Художественный синтез авантюрно-приключенческого и морально-этического осмысления прошлого в белорусском и китайском романе // Труды XIII Евразийского научного форума: Сборник статей. Часть III. СПб.: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС», 2022. С. 134—143.
6. Рыжова С.В. Неореализм в литературе Китая и России. Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий, методический аспекты: материалы X Международной научной конференции. Чита: Издательство «Забайкальский государственный университет», 2017. С. 86—88.
7. Семенюк М.В. Черты китайского «неореализма» в творчестве Ван Аньи // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2015. № 3. С. 65—78.
8. Су Тун. Последний император. М.—СПб.: АСТ; Астрель—СПб., 2008. 288 с.
9. Чэнь Сяомин. Тенденции новейшей китайской литературы. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. 583 с.
10. Шульгина Е.Н. Психологизм в изображении внутреннего мира персонажей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 208—210.

References

1. Bukataya A.M. Svoeobrazie istorizma v noveyshey kitayskoy proze [The originality of historicism in the latest Chinese prose]. Kitaysko-belorusskie yazykovye, literaturnye i kul'turnye svyazi: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii [Chinese-Belarusian linguistic, literary and cultural relations: materials of the international scientific conference], ed. by N. N. Khmel'nitsky. Minsk, 2019, pp.170—179. (In Russ.).
2. Chen Xiaoming. Tendencii noveyshey kitayskoy literatury [Trends in the latest Chinese literature]. Moscow: International Publishing Company “Shans” LLC, 2019. 583 p. (In Russ.).
3. Ignatenko A.V., Kondratova T.I. Vvedenie v kitayskuyu literaturu. Ot drevnosti do nashih dney [Introduction to Chinese literature. From antiquity to the present day]. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2022. 448 p. (In Russ.).
4. Leonchenko K.A. Priemy hudozhestvennoy rekonstrukcii istorii v romane Su Tuna “Posledniy imperator” [Techniques of artistic reconstruction of history in Su Tong's novel “The Last Emperor”]. *Nauka v megapolise* [Science in megapolis], 2024, no. 1(57). (In Russ.).
5. Novoseltseva A.V. Hudozhestvennyy sintez avantyrno-priklyuchencheskogo i moral'no-eticheskogo osmysleniya proshlogo v belorusskom i kitayskom romane [Artistic synthesis of adventurous, adventurous and moral-ethical understanding of the past in the Belarusian and Chinese novel], in coll. Trudy XIII Evraziyskogo nauchnogo foruma [Proceedings of the XIII Eurasian Scientific Forum: Collection of articles], part III. St. Petersburg: Autonomous non-profit Organization of Higher Education “University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC”, 2022. pp. 134—143. (In Russ.).
6. Ryzhova S.V. Neorealizm v literature Kitaya i Rossii [Neorealism in the literature of China and Russia]. Interpretaciya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy, metodicheskiy aspekt: materialy H Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii [Text interpretation: linguistic, literary, methodological

aspects: proceedings of the X International Scientific Conference]. Chita: Zabaikalsky State University Publishing House, 2017, pp. 86—88. (In Russ.).

7. Semenyuk M.V. Cherty kitayskogo “neorealizma” v tvorchestve Van An’i [Features of Chinese “neorealism” in the works of Wang Anyi]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie* [Bulletin of the Moscow University. Episode 13: Oriental Studies], 2015, no. 3, pp. 65—78. (In Russ.).

8. Shulgina E.N. Psihologizm v izobrazhenii vnutrennego mira personazhey [Psychologism in the image of the inner world of characters]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2013, no.10 (28), pp. 208—210. (In Russ.).

9. Su Tun. Posledniy imperator [The Last Emperor]. Moscow — St. Petersburg: AST; Astrel-St. Petersburg, 2008. 288 p. (In Russ.).

10. Zavidovskaya E.A. Postmodernizm v sovremennoy proze Kitaya: avtoreferat dissertatsii [Postmodernism in modern Chinese prose: abstract of the dissertation]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies RAS], 2005. 29 p. (In Russ.).

Кондратова Т.И., Сентюрин А.А.

Пейзажная лирика Сюй Чжимо и Линь Хуэйинь через призму поэтического ракурса

Аннотация. В статье анализируется пейзажная лирика китайских поэтов группы «Новолуние» через призму поэтического ракурса, авторы обосновывают данный термин, который отражает как тип авторского сознания, так и чисто технические характеристики (масштаб, перспективу), что становится главным в методологии исследования. Новизна и актуальность определяются также введением в научный оборот новых переводов китайских поэтов, выполненных авторами данной статьи. Используя в пейзажах приемы контраста как одну из форм смены поэтического ракурса (день—ночь; свет—мрак—полумрак; небо—земля, суэта—тишина; красота—безобразие; вечное—сиюминутное и т. д.), Сюй Чжимо и Линь Хуэйинь подняли многие экзистенциальные темы: писали о любви, одиночестве человека, быстротечности и бренности жизни, мечтали о постоянстве памяти. Частая смена поэтического ракурса во многих стихотворениях давала им возможность осветить и монументальное, и едва заметное, вписать множество мелких деталей в единую картину мира.

Ключевые слова: поэтический ракурс, пейзажная лирика, группа «Новолуние», Сюй Чжимо, Линь Хуэйинь.

Авторы: Кондратова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка, Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета (МГПУ). ORCID: 0000-0002-5053-0179; E-mail: KondratovaTI@mgpu.ru

Сентюрин Алексей Александрович, бакалавр кафедры китайского языка, Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета (МГПУ). E-mail: sentyurinaa953@mgpu.ru

Для цитирования: Кондратова Т.И., Сентюрин А.А. Пейзажная лирика Сюй Чжимо и Линь Хуэйинь через призму поэтического ракурса // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 63—80.
DOI: 10.48647/ISSA.2024.47.65.007.

T.I. Kondratova, A.A. Sentyurin

Landscape lyrics by Xu Zhimo and Lin Huiyin through the prism of epy poetic perspective

Abstract. The article analyzes the landscape lyrics of the Chinese poets of the New Moon group through the prism of a poetic perspective, the authors justify this term, which reflects both the type of author's consciousness and purely technical characteristics (scale, perspective), which becomes the main thing in the research methodology. The novelty and relevance are also determined by the introduction into scientific circulation of new translations of Chinese poets made by the authors of this article. Using contrast techniques in landscapes as one of the forms of changing the poetic perspective

ve (day—night; light—darkness—semi-darkness; sky—earth, vanity—silence; beauty is ugliness; eternal is momentary, etc.), Xu Zhimo and Lin Huiyin raised many existential topics: they wrote about love, human loneliness, transience and transience of life, dreamed of the permanence of memory. The frequent change of poetic perspective in many poems gave them the opportunity to illuminate both the monumental and the barely noticeable, to fit many small details into a single picture of the world.

Keywords: poetic perspective, landscape lyrics, New Moon group, Xu Zhimo, Lin Huiyin.

Authors: *Kondratova Tatiana I.*, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor at the Chinese Language Department of Institute of Foreign Languages of Moscow City University (MCU). ORCID: 0000-0002-5053-0179;

E-mail: KondratovaTI@mgpu.ru

Sentyurin Alexey A., Bachelor at the Chinese Language Department of Institute of Foreign Languages of Moscow City University (MCU).

E-mail: sentyurinaa953@mgpu.ru

For citation: Kondratova T.I., Sentyurin A.A. Landscape Lyrics by Xu Zhimo and Lin Huiyin through the Prism of a Poetic Perspective. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 63—80. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.47.65.007.

Введение

Лирика китайских поэтов первой половины XX в. Сюй Чжимо (1897—1931) и Линь Хуэйинь (1904—1955), входящих в поэтическое общество «Новолуние», привлекает внимание исследователей, поскольку их творческие манеры формировались как под влиянием глубоких знаний китайской классической поэзии, так и под воздействием новых для Китая западных тенденций, в частности символизма.

Исследованию произведений членов общества «Новолуние» посвящены многочисленные работы китайских и отечественных синологов: Т.Б. Савиновой [11], Т.Э. Шохоевой [14], Лэй Ся [9], Ю.А. Дрейзис [2], есть работы и сравнительного характера: М. Дай [1], Д. Кан, Я.Л. Березовской [4]. Между тем многие вопросы поэтики и проблематики творчества поэтов еще не освещены детально, и каждый новый взгляд на их поэзию дает возможность открыть новые грани их сложных поэтических миров. Целью данного исследования становится анализ пейзажной лирики Сюй Чжимо и Линь Хуэйинь через призму поэтического ракурса, а также обоснование данного подхода к анализу поэтического текста.

Методы и материалы

Понятие поэтического ракурса не введено в широкое употребление литературоведов, изучающих поэтические тексты. Близким по звучанию, но не идентичным термином пользуется В.А. Макарова, исследуя в своей работе «Авторский ракурс как основа построения поэтического текста» произведения разных жанров, преимущественно поэмы, и понимая под авторским ракурсом «линейно-плоскостное выражение фабульной идеи в психолого-мировоззренческой ин-

терпретации автора» [10, с. 2]. Рассматривая глубинный и поверхностный уровень текста, она выделяет в авторском ракурсе три аспекта: значение, структуру, мировоззрение.

Понимая под ракурсом в широком смысле слова особенность художественного взгляда, особую точку зрения на объект изображения, попытаемся прояснить значение самого термина «поэтический ракурс». С нашей точки зрения, это понятие тесно связано с формами выражения авторской речи в лирике, но не исчерпывается ими. Приведем устоявшееся в литературоведении деление форм авторского сознания, воплощенного в том или ином поэтическом тексте: это лирический герой (он же субъект лирики, лирическое «я»), лирический персонаж, лирический характер и поэтический мир [5, с. 31]. Понятие лирического героя, введенное Ю.Н. Тыняновым в начале XX в., предполагает, что лирический герой — это субъект, носитель переживания, выраженного в лирике, он лишен черт социального портрета, объектом изображения является его внутренний мир: мысли, чувства, переживания, рожденные часто от созерцания картин мира внешнего. Лирический персонаж отличен от лирического героя определенными чертами социального портрета: в китайской поэзии Ду Фу, Бо Цзюйи могли писать стихи от лица человека иной социальной группы: нищих, больных, женщин, солдат и т. д. По словам Б.О. Кормана, в наличии лирического персонажа в стихотворении проявляется «лирический способ овладения эпическим материалом» [8, с. 80]. Особый интерес для пейзажной лирики представляет осмысление такого типа выражения авторского сознания, как поэтический мир: между ним и читателем нет личности как предмета изображения или «остро ощутимой призмы, через которую преломляется действительность» [8, с. 90]. То есть такая форма выражения авторского сознания предполагает отсутствие взгляда человека на окружающий мир, проявляющегося в личных формах глаголов и местоимений. Лирический характер как форма выражения авторского сознания, по мнению Б.О. Кормана, характеризует уже не отдельное произведение автора, а все его творчество в целом.

Таким образом, в лирике ракурс определяется одной из форм выражения авторского сознания, своеобразием темы и сопутствующих ей мотивов, а также наличием чисто технических характеристик: перспективы, масштаба изображения, детальной или обобщенной прорисовки объекта, определенного природного и эмоционального освещения, что и создает своеобразие каждого стихотворения, а в пейзажной лирике — картины природы. Именно призма поэтического ракурса даст нам возможность детально исследовать своеобразие пейзажной лирики китайских поэтов группы «Новолуние».

Анализ

Поскольку китайская литература имеет более чем двухтысячелетнюю богатейшую поэтическую традицию, важным становится выяснение, чем же стихи поэтов «Новолуния» существенно отличались от произведений их предшественников? Бесспорно, что этому способствовала и политическая ситуация в стране,

когда после «Движения 4 мая» 1919 г. в Китае были осуществлены повсеместный отказ от вэньяня, древнего литературного языка, и переход на новый, европейский, принцип записи стихов: слева направо по горизонтали, а не справа налево и сверху вниз, что было традиционно для Китая предшествующих эпох. Еще одно обстоятельство, способствовавшее стремлению к обновлению поэзии, — это учеба поэтов за пределами Поднебесной, овладение иностранными европейскими языками и знакомство с образцами мировой поэзии. Такой новый для Китая тип образования накладывался на традиционные знания, которые для любого образованного китайца предполагали освоение древних текстов, например «Книги песен» («Шицзин»), стихов великих поэтов древности Ду Фу, Ли Бо, Бо Цзюйи, Су Ши и т. д. [7].

В программе общества «Новолуние» были сформулированы принципы поэтического творчества, которые шли вразрез с конфуцианским отношением к поэзии, цель которой предполагала демонстрацию нравственных идеалов, воспитание чувства долга, что должно быть присуще любому *цзюн-цзы* — благородному мужу. В противовес конфуцианской этике поэты «Новолуния» выдвигают идеал чистой красоты, которая создается не копированием действительности, а усиленной эмоцией творческого воображения самого поэта.

Темы созерцания природы, дружбы и любви, социальной несправедливости присутствовали и в классической поэзии Китая, но в стихах Сюй Чжимо, Линь Хуэйинь и других поэтов «Новолуния» их звучание, безусловно, меняется. Тоска лирического героя, страдающего от одиночества, была воспета многими поэтами древности: Цао Чжи, Ли Бо, Су Ши. Однако у Сюй Чжимо мотивы тоски и одиночества перерастают в ощущение полной безысходности, жизненного тупика. Особую роль в создании этого впечатления играют пейзажи, в которых сочетаются реальные и мистические картины, жизнь все время соседствует со смертью. В стихах возникает целая система таких оппозиций, включая традиционные для романтизма противопоставления неба и земли, идеала и действительности, света и темноты, так и более реальные оппозиции социального характера — мира и войны, городской и деревенской действительности, богатства и бедности.

Для анализа нами были взяты стихотворения Сюй Чжимо из сборника «Дождливая аллея» в переводе Л. Черкасского [13], а также новые переводы, выполненные авторами данной статьи, многие из которых еще не были опубликованы.

Романтические абстрактные пейзажи возникают в стихотворении «В поисках яркой звезды». Лирический герой представляет свой жизненный путь как стремление к недостижимому идеалу.

Ворвался в нескончаемую ночь,
Ищу мою звезду,
За ней во мрак иду,
Но мрак ночной нас снова гонит прочь.
(Перевод Л. Черкасского)

Ночной пейзаж здесь построен на символах: бесконечная скачка коня, беспросветный мрак, безуспешный поиск света, усталость от этого слепого и беско-

нечного движения — пейзаж лишен зримых деталей обычного мира: ночь на все накладывает пелену тайны. Финал стихотворения загадочен.

Но вдруг пронзают темноту хрустальные лучи.
Свалился конь, и труп коня
На землю, вниз, увлек меня.
Но вдруг пронзают темноту хрустальные лучи.

Строфа закольцована: образ света, «хрустальные лучи», рассекающие мрак беспросветной темноты, таят и тревогу, и надежду одновременно.

В стихотворении «Трусливый мир» авторское сознание тоже передано через форму лирического героя, который мечтает о разрыве связи с суетным миром, обретении абсолютной свободы, что характерно для романтического мироощущения. Именно его глазами в стихотворении дан пейзаж.

Взгляни на край небес,
Туда,
Где чуть мерцает синяя звезда.
Нет, это остров, а на нем цветы,
Трава и птицы редкой красоты.
Скорее в челн, дорога далека,
Дворец небесный скрыли облака...
(Перевод Л. Черкасского)

В стихотворении тоже присутствует контраст земного и небесного миров как оппозиция неволи и абсолютной свободы. Красота природы возникает в мечте лирического героя, который видит остров ее на «краю небес». Пейзаж обобщенный, лишенный детальной прорисовки, поскольку сам лирический герой слишком удален от объекта своего взгляда. Он мечтает проститься с «земной суетой», приблизиться к той природе, которая воплощает для него идеал свободы и любви.

В романтических пейзажах Сюй Чжимо раннего периода творчества лирический герой предстает то сверхчеловеком, который стоит над миром и видит в природе равную ему по силе стихию, то, напротив, слабым и беспомощным, запутавшимся в лабиринте жизни или оказавшимся в ее тупике. Такая смена поэтического ракурса свидетельствует о постоянном поиске поэта, который пытается разобраться в сложностях мира и человеческой души. В стихотворении «Прочь!» создана характерная для европейского романтизма байроновская ситуация.

Прочь, люди, прочь!
Один стою над горной крутизной...

Поэтический ракурс здесь помогает прояснить внутренний мир лирического героя, понять охватившие его думы при созерцании природы, земного мира, раскинувшегося под ним. Это взгляд небожителя, отвергающего все мелкое, нестойкое, открывающего в себе великие возможности.

Я вижу пик, взнесенный над землей;
Все прочь, все прочь!
Какая безграничность предо мной!
(Перевод Л. Черкасского)

Лирика Сьюй Чжимо очень разнообразна по эмоциональным оттенкам, это дает возможность увидеть разные грани восприятия поэтом окружающего его мира. Одно из самых мажорных, светлых стихотворений Сьюй Чжимо — «Хутун Шиху № 7». Оно строится на принципе анафоры и кольцевой композиции строф, что характерно для поэтики символистов.

Порою в маленьком саду струится безгранично радость:
Вот лозы-девы пред хурмой смеются, с шумом обнажаясь,
Вот софора, как господин, склонившись, грушу обнимает,
А рыжий пес здесь сторожит янтарь, что тихо засыпает,
Вот ищущий невесту птах выводит трель, в ней лести сладость —
Порою в маленьком саду струится безгранично радость.
(Перевод Т. Кондратовой)

Именно стремление остановить мгновение, вобрать в «объектив» своего взгляда как можно больше мелких деталей окружающего мира природы определяет поэтический ракурс этого стихотворения.

Порою в маленьком саду плывут, качаясь, сновиденья:
В безмолвный полумрак слилась вся зелень сада, как виденье;
И лягушонок на груди у орхидеи дышит в такт
И слушает, как на дворе хлопочет дождевой червяк.
На кроне софоры, устав, уснула туча — звук донес.
А у крыльца танцует кто? Тут хоровод мышей, стрекоз.
Летят, летят — все шире круг — растают за мгновенье —
Порою в маленьком саду плывут, качаясь, сновиденья.
(Перевод Т. Кондратовой)

В этих пейзажах сливаются реальность и мечта, загадкой же восприятия поэтического текста является слово «порой», то есть иногда, редко, что объясняет желание лирического героя запечатлеть эти редкие минуты умиротворения и покоя.

Совсем иной взгляд на мир передан в стихотворении «Ночь», пейзаж которого рисует безысходность жизни человека.

Ночь глуха и пуста,
Фонари — как мечта.
Мгла на ветви легла,
Все окутала мгла.
Сбился путник с пути,
И себя не найти.
(Перевод Л. Черкасского)

Пейзажная лирика Сюй Чжимо часто окрашена горькой иронией. Поэтический ракурс стихотворения «Известие» основано на таком типе авторского сознания, как поэтический мир, здесь нет призмы прямого взгляда человека, обозначенного вербально.

Стихотворение открывается картиной умиротворенной природы:

Стихла на время гроза,
Радуги, как два дракона,
В дымке далекой дрожат.
Небо высоко, дышит покоем.

Русскому читателю сравнение радуги с драконом может показаться символом скрытой тревоги, поскольку в европейской традиции этот мифологический, сказочный образ ассоциируется с враждебностью к человеку. Однако в китайской культурной традиции дракон — символ благородства, благоволения к человеку. Здесь сталкиваются восточные и европейские ценностные ориентиры.

Знаменье это! Ждет ясный день!
Чу! Снова грома раскаты.
Тучи на землю бросили тень.
Радуга скрылась куда-то.
(Перевод Т. Кондратовой)

Горькая ирония звучит в финале стихотворения, оформляя в целом очень пессимистический взгляд на жизнь: все приметы и предчувствия мира и добра рассеиваются.

Не выживает в мире надежда,
Снова разрушат ее, как и прежде.
(Перевод Т. Кондратовой)

Особая группа пейзажей Сюй Чжимо — это урбанистические зарисовки, которые появляются в стихотворениях на военную и социальные темы.

Пейзаж построен на образах-символах: мгла ночи — беспросветность жизни, в которой человек не может отыскать верного пути. Используя приемы европейского романтизма и символизма, Сюй Чжимо смог показать через пейзажные зарисовки общее настроение, моральное состояние своего поколения в 1920—1930-е гг. китайской военной междоусобицы [3, с. 252].

В стихотворении «Господин! Господин!» дана жанровая картинка: нищий ребенок бежит, чтобы спасти мать от голода, за коляской богатого господина с мольбой о милостыне. Редкие пейзажные зарисовки помогают увидеть все несовершенство мира, построенного на величии одних и бесправии других.

Как торнадо, клубится дорожная пыль,
Серебристые мчатся колеса.
На отечном лице фиолетовый свет,
Задыхается крик, прерывается,

Но колеса стучат, убыстряя свой бег,
Равнодушно всё мчатся и мчатся.

(Перевод Т. Кондратовой)

Стихотворение «Поделом попрошайке» построено на совмещении двух планов: картины реальной жизни города с его контрастом роскоши и нищеты, а также раздумий лирического героя о себе и своем месте в мире. Пейзажные зарисовки здесь помогают передать глубину человеческих страданий: в первом случае это безжалостность общества к судьбе нищенки, сидящей у запертых ворот. Природа здесь так же жестока и равнодушна, как и люди.

Ветер колет в лицо кинжалом,
Трудно стоять под северным ветром.
«Отдайте мне ваши объедки, пожалуйста...»

(Перевод Т. Кондратовой)

Прекрасная природа в таких стихотворениях становится символом сытости и глухоты богатых горожан: «Но за воротами смех раздается, // В доме тепло, пионы цветут». Сюй Чжимо меняет традиционное романтическое наполнение образа природы — она, как и сама жизнь, сурова и жестока.

Только северный ветер смеется в ответ:
«Поделом попрошайке! Сочувствия нет!»

(Перевод Т. Кондратовой)

Пейзаж играет важную роль в антивоенном стихотворении Сюй Чжимо «Картина великого спокойствия», где показаны ужасы гражданской войны в Китае в эпоху «милитаристов», последовавшую за революцией.

Стихотворение демонстрирует тупиковость ситуации, когда оторванные от земли крестьяне должны бессмысленно отдать жизни за «великое спокойствие» — этот идеал Лао-цзы кажется здесь недостижимым. В стихах Сюй Чжимо последнего периода звучат мотивы безысходности, тоски, что сближает его лирику с европейским и русским декадансом [3, с. 255]. Пейзажи Сюй Чжимо здесь уже не абстрактны и не обобщены. Поэтический ракурс здесь иной: взгляд автора как бы выхватывает из общей картины окружающего мира конкретные детали, которые говорят о безумии происходящего.

Рассказывал: там впереди на полях рисовых трупы повсюду,
Лежат на земле как коровий навоз — такого не позабудешь...
Целые, рубленные на куски останки людей забытые,
Зловоньем смердящие стынут в грязи, сверху землей не прикрытые.

(Перевод Т. Кондратовой)

Пейзажи здесь соединены с темой смерти, они рожают протест против бессмысленного убийства ни в чем не повинных людей, которые воюют, не понимая цели этой войны.

Вон кожей обитый гроб стоит у края дороги покатой.
Здесь в зелени трав, деревьев тиши покойник найдет свой приют.
А поле могильным станет холмом, и птицы над ним запоют.
— Не то, что мы (Ой, тронулся поезд!) станем навозом на поле.
Небом рожденные, о боже мой, станем навозом на поле...

(Перевод Т. Кондратовой)

Низкие образы и соответствующая им лексика призваны заставить читателя ужаснуться происходящим.

Влияние на творчество Сюй Чжимо европейского романтизма, его декаданских мотивов проявилось в стихотворении «Кто ж знает». Сюжет, начинающийся жанровой картинкой городской жизни с деталями урбанистического пейзажа, завершается мистически. Рефреном на протяжении описания всего пути лирического героя и его рикши будет пейзажная зарисовка.

Нет фонарей, и беззвездное небо.
Качает коляску то вправо, то влево.
Свет огонька на земле остается,
Рикша неверной походкой плетется.

(Перевод Т. Кондратовой)

Пейзаж в стихотворении векторный, он меняется по мере путешествия лирического героя: постепенно движение в реальном пространстве города превращается в мистический и безысходно тупиковый путь человечества вообще. Об этом свидетельствуют меняющиеся детали пейзажа: «Тащит по улице, мимо ворот, // Вот повернули — глухой поворот», «Тащит, прижавшись к забору, как будто — // Будто Великая это Стена. // Берегом тихо прошел у реки, // Пустоши видит — темны, далеки», «Я промерзаю уже до костей. // Чьи это тени: духов, людей? // Всхлипы и смех будто слышны вполсилы. // Господи, здесь же повсюду могилы!», «Вижу, дорога теперь изменилась... // Эх, господин, кто же знает пути... // Этот ли — тот ... по какому идти...».

Таким образом, пейзажная лирика Сюй Чжимо имеет определенные особенности: ей сопутствуют преимущественно романтические мотивы тоски, уныния, безысходности, а также социальные мотивы человеческого неравенства, жестокости сытых и богатых к бедным и обездоленным, братоубийственной сути гражданской войны. Эмоциональная окраска, доминирующая в пейзажах Сюй Чжимо, пессимистическая. Отдельные стихотворения, овеянные настроением умиротворенности и покоя, маркируются указаниями на их редкость, исключительность.

В пейзажных стихотворениях Сюй Чжимо преобладает такой способ выражения авторского сознания, как лирический герой — носитель чувств, переживаний, чей взгляд на мир отражен в стихотворении. Своеобразие пейзажей с их абстрактно романтическими, мистическими, бытовыми, прозаическими картинками свидетельствует о неоднозначности его поэтического видения.

Исследование пейзажной лирики Сюй Чжимо сквозь призму поэтического ракурса дало возможность увидеть определенную закономерность: в абстрактно

романтических пейзажах поэт смотрит на природу с очень дальнего расстояния, создавая обобщенные, лишенные яркой индивидуальности картины. Пейзажи, связанные с социальными мотивами, более приземленны, но и более выразительны, потому что наполнены запоминающимися деталями.

Лирика Линь Хуэйинь, как и творчество Сюй Чжимо, которого поэтесса считала своим учителем, возникает на пересечении влияния западного искусства и проявления поэтической традиции китайской поэзии. Поэтический талант Линь Хуэйинь дополнялся способностью к живописи, архитектуре, в чем она достигла в зрелые годы огромных успехов, став первой в КНР женщиной-архитектором.

Основными в творчестве Линь Хуэйинь являются темы природы, любви, философские раздумья о бренности жизни и постоянстве памяти. Одним из главных мотивов творчества становится мотив вечного изменения жизни, ее обновления, постоянных метаморфоз [3, с.258]. Это отражается и на особенностях поэтического ракурса ее пейзажной лирики, которая часто соединена с любовной темой. Лирическая героиня Линь Хуэйинь пытается хранить свое прошлое в памяти, воссоздавая детали событий давних лет, которые с годами превратились в символы определенных отношений.

Той ночью скитался мой чёлн по реке.
Была вся лазурь звездами усеяна.
Той ночью мы рядом, рука в руке,
Смотрели на небо в тоске рассеянной.
(Перевод Т. Кондратовой)

Ночной пейзаж, звездное небо, лодка, плывущая по реке — все эти детали характерны для традиционной китайской поэзии. Однако описание разлуки, расставания двух влюбленных людей, данное через призму женского взгляда, очень необычно. Здесь нет упреков, описания страданий, присущих женским персонажам классической китайской поэзии. Это осмысленный шаг, на который решаются оба героя: лирика оставляет конкретизацию деталей за рамками сюжета, но сама метаморфоза отношений здесь очевидна.

Той ночью мы оба нашли пути,
Но вместе по ним нам уже не идти.
(Перевод Т. Кондратовой)

Линь Хуэйинь сохраняет метафору судьбы, переданную через образ плывущей лодки, обозначив временной ракурс, — это уже не единичное событие в жизни лирической героини, а образ дальнейшего существования. Детали пейзажа здесь создают ощущение вечно меняющихся состояний света и тьмы, покоя и движения.

И до сих пор лодка моя все плывет
И тонкая мачта гнется под ветром.

И до сих пор солнце за мною бредет
И тени ложатся, спасаясь от света.
(Перевод Т. Кондратовой)

Память лирической героини хранит мгновения счастья, которые сопряжены для нее с ощущением радости от созерцания природы.

И до сих пор помню далекую ночь,
И звезды, и слезы, просторы речные.
И до сих пор помню запах цветочный,
Рассветы алые, звуки живые.

Именно это чувство гармонии лирическая героиня хранит в своей памяти, оно помогает ей в жизни, дает силы и надежду, являясь эстетическим мериллом всех человеческих отношений.

И если потом я вершин достигала,
То слаще, чем мед, была память о прошлом.
И если потом под прицелом стояла,
Красиво ль натянут был лук, я тревожилась.
И если потом пенье птиц слушать будешь
И им восхитишься, мне будет отрада.
И если цветочную тень не забудешь,
К тебе я вернусь, все разрушив преграды.
(Перевод Т. Кондратовой)

В пейзажной лирике Линь Хуэйинь ощущается желание запечатлеть мгновения, выразить суть переходных состояний. В стихотворении «Небо после дождя» взгляд ее лирической героини перемещается с неба на землю, потом смотрит уже в душу человека и, наконец, снова устремляется в небо, поскольку там она видит идеал красоты — хрупкой, нежной, еле уловимой.

Люблю от дождя отдохнувшее небо,
Травы изумрудной зыбкую гладь.
И сердце стремится туда, где не был,
Где ветер на флейте играл.
Уносит листву ветра река,
И летят, растворяясь, за ним
Ванильный запах и облака.
Все исчезает, как дым.
Как дым.

(Перевод Т. Кондратовой)

В стихотворении «Времена года» автор акцентирует внимание на цикличности сезонов и влиянии на мир, окружающий лирическую героиню. Стихотворение начинается с описания прошедшей весны, затем переходит к осеннему сезону в ожидании зимы. Такие быстрые передвижения создают ощущение непре-

рывного цикла времени и подчеркивают его бесконечность и незыблемость. Использование ярких образов и метафор в детальном описании характерных черт времен года — весны и осени — погружает читателя в философские раздумья о быстротечности жизни.

Сезоны в природе извечно сменяют друг друга:
Проходит весна, оставляя лишь россыпь цветов,
Чуть позже приходит осенних пора холодов,
В смятенье опавшей листвы уж мерещится выюга.
(Перевод А. Сентюрина)

Концовка стихотворения ознаменована образом «пустоты в серых небесах», что характерно для периода смены сезонов и может выступать отражением неопределенности и растерянности, которое наступает со сменой одного периода жизни другим, на их стыке, когда один этап только закончился, а второй еще не был начат. Помимо этого, образ пустоты, в которой кружит ветер, может показывать возвращение к начальной точке цикла времен года, создавая кольцевую композицию: осень уступает время зиме, которая в свою очередь закончится весной: «Пустая пустота, где ветры кружат над холмами...»

Описание природы служит не только фоном для повествования, но и выступает отражением внутреннего состояния лирической героини и ее отношения к миру. Стихотворение одновременно подчеркивает контраст времен года, но в то же время и их неразрывную связь и очередность.

В стихотворении «Сохрани» Линь Хуэйинь передает ощущение опустошенности человеческой души через картину природы.

Придет и исчезнет страсть.
Вслед не кричи,
Но храни, не дай в темноте пропасть.
Так горный родник в ночи
Тих. И сосны молчат,
Вздохи воды лишь слышны.
И бесконечна печаль
Истины, что должны
Мы, как и прежде, хранить.
С нею нам жить.
(Перевод Т. Кондратовой)

Природа дает пример достойного поведения в любой ситуации: это смирение и спокойное принятие всего, что предначертано судьбой.

Светит луна, как тогда,
Опять за горою огни.
Хоть людям всех звезд не видать,
Знаем: над нами они.
(Перевод Т. Кондратовой)

Ночной пейзаж здесь неясный, таинственный, размытый, поскольку не изображение природы здесь является главной целью. Природа дает возможность увидеть истинные ценности, которые заключаются не в буйстве страстей, а в рас творенности в ночной тиши, в смиренном созерцании.

Всё теперь, как во сне:
Черную ночь зовешь
И получаешь в ответ
Слово, которого ждешь.
И веришь, как прежде, и ныне:
То эхо осталось в долине.

(Перевод Т. Кондратовой)

Как и в лирике Сюй Чжимо, в стихотворениях Линь Хуэйинь возникают урбанистические пейзажи. У них есть свои отличительные черты: лирическая героиня пытается понять суть изменений городского пространства, в котором дневная суета неизбежно сменяется ночной тишиной. В стихотворении «Конец года» главным является чувство удивления, а лирическая героиня задается вопросами.

Откуда приходит, куда течет
Поток беспрерывный людей?
Машины суетные без счета
Хлопочут о чём в дороге своей?
Красный, лиловый, зеленый свет —
Страх человеческий соткан из них?
Или ошибка сознания, бред —
Вечером город так мило затих.

(Перевод Т. Кондратовой)

Ракурс здесь определяется однозначно: это взгляд из окна, очевидно, многоэтажного дома, дающий возможность посмотреть на движение городских улиц сверху.

На что похож силуэт домов,
Смутно видимый из окна?
И как из всех городских шумов
Вдруг рождается тишина?
Как в живости речи спрятать печаль?
Оставшись на месте, отправиться вдаль?

(Перевод Т. Кондратовой)

Именно этот ракурс стороннего наблюдателя дает возможность мысленно совершать путешествие по улицам города, сознавая быстротечность жизни, отнюдь не беззаботной. Финал стихотворения усилен романтическим образом «искр одиноких сердец», а также аллюзией на мифологический сюжет предначиненной судьбой разлуки любящим друг друга Ткачихе и Волопасу.

Вот и приходит года конец —
Время подумать и побродить
По улицам, где одиноких сердец
Искры летают до самой зари.
А впереди опять трудный год.
В небе Ткачиха бисером шьет.

(Перевод Т. Кондратовой)

Стихотворение «Древний город на закате» повествует о прекрасном старинном городе, который когда-то посещала лирическая героиня или который являлся ей в мечтах и грезах. Урбанистический пейзаж древнего поселения залит лучами заката. Использование автором теплого света, предшествующего заходу солнца, создает романтическое впечатление, поражающее читателя своей внеземной красотой, а описание архаичных построек и их архитектурных элементов позволяет представить в мельчайших деталях великолепие городского пейзажа.

Я видел города древнего дали
В косых лучах багряного заката,
Где башни друг на друга взирали,
Поверх куполов сияющего злата.

(Перевод А. Сентюрина)

Для того чтобы придать ландшафту города еще более манящий вид, автор прибегает к использованию верхнего ракурса: лирическая героиня смотрит на город сверху — то ли с высоты птичьего полета, то ли с вершин одной из башен стены, опоясывающей город. Читатель вместе с ней охватывает взглядом раскинувшийся внизу пейзаж, и весь город простирается у его ног.

У ног моих десятки улиц закружились,
Где люди словно мошки копошились.

(Перевод А. Сентюрина)

Город показывается огромным и необъятным по сравнению с людьми, которые издалека схожи с маленькими мошками, бессмысленно копошащимися внизу, что придает его образу большую монументальность.

В дополнение к верхнему ракурсу повествования автор использует метафоры, создавая нереальную атмосферу, что прослеживается в строках «башни друг на друга взирали», «десятки улиц закружились», словно все части этого города живые, могут мыслить, двигаться по своему желанию и настроению, как и сам город, который реагирует на происходящее и испытывает чувства и эмоции.

Я видел город древний в час заката,
Оглушенный криками воронья...

(Перевод А. Сентюрина)

Картину природы дополняют образы величественных кипарисов, которые выступают символом надежности и устойчивости, наравне с непобедимой арма-

дой кораблей, они стоят стеной, окружая город. В данном контексте кипарисы, уходящие ввысь до самого неба, могут выступать символом нерушимой, но незримой связи неба с землей.

... Там, где кипарисов древняя армада
Подпирает кроной небосклон бытия.
(Перевод А. Сентюрина)

В последнем отрывке точка поэтического ракурса сменяется на противоположную, теперь мы смотрим не сверху вниз, а снизу вверх, с земли на огромные стволы кипарисов, простирающихся до небес, что усиливает эффект их монументальности.

В еще одном урбанистическом стихотворении «Днем ты дышишь с трудом...» лирическая героиня обращается к улице, которая, как и она сама, живет настоящим, но хранит память о прошлом.

Днем ты дышишь с трудом,
Ночью горишь, не желая спать.
Улица, улица! Без суеты
Бежишь, чтоб вернуться опять.
(Перевод Т. Кондратовой)

Ракурс здесь постоянно меняется, то устремляясь вверх («Вслед за движением солнца / Люди потоком твоим текут»), то опускаясь на землю и снова поднимаясь ввысь («Подобны воде — свободы всем хочется, / Только зданья, как горы, их путь стерегут»). Урбанистический пейзаж здесь включает в себя гражданский мотив, ведь улица хранит память о социальных и политических трагедиях.

Сердце города бьется годами.
Пот и кровь сотен тысяч людей
Питают страшный фонарь над нами,
Что освещает тьму площадей.
(Перевод Т. Кондратовой)

Но память стирает страшные воспоминания, и ночной пейзаж поглощает все в туманной пелене теней. Природа здесь становится лекарем, исцеляющим от дурных воспоминаний, учителем, дающим мудрые уроки жизненного мужества.

Ты видишь, на улицу тень уж легла,
На лампе настольной цветы расцвели.
Кровавых следов туманная мгла
Исчезает в песчаной пыли.
Так людям напомним природа,
Что близится конец года.
(Перевод Т. Кондратовой)

В изменчивом мире природы, человеческой жизни, даже сильных чувств лирическая героиня Линь Хуэйинь принимает бренность как закон жизни, противопоставляя этому память как одну из главных основ человеческого бытия [6, с. 167].

Результаты

Таким образом, анализ стихотворений Сюй Чжимо и Линь Хуэйинь сквозь призму поэтического ракурса дал возможность убедиться, что пейзажная лирика двух поэтов группы «Новолуние» отразила главный эстетический принцип всего направления — посредством усиления впечатления отображать красоту окружающего мира. Оба поэта обращались к пейзажам как способу раскрытия не только внешнего мира, но и мира души их лирических героев. Используя в пейзажах приемы контраста как одну из форм смены поэтического ракурса (день — ночь; свет — мрак — полумрак; небо — земля, суeta — тишина; красота — безобразия; вечное — сиюминутное и т. д.), Сюй Чжимо и Линь Хуэйинь подняли многие экзистенциальные темы: писали о любви, одиночестве человека, быстротечности и бренности жизни, мечтали о постоянстве памяти. Частая смена поэтического ракурса во многих стихотворениях давала им возможность осветить и монументальное, и едва заметное, вписать множество мелких деталей в единую картину мира. Однако в лирике Линь Хуэйинь все же преобладает не философский пессимизм, а скорее чувство светлой, но неизбывной печали, не ощущение безысходности и тоски, а мудрое приятие жизни в самых драматических ее ситуациях.

Библиографический список

1. Дай М. Сравнительный анализ любовной лирики А.А. Фета и Сюй Чжимо // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 439—441.
2. Дрейзис Ю.А. Тополектизация поэтического текста в годы формирования китайской «новой поэзии» // Этническая культура. 2023. Т. 5. № 3. С. 29—36.
3. Игнатенко А.В., Кондратова Т.И. Введение в китайскую литературу. От древности до наших дней. М.: Издательский дом ВКН, 2022. 448 с.
4. Кан Д., Березовская Я.Л. Образы природы в художественной системе А. Блока и Сюй Чжимо // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 2 (4). С. 6.
5. Кондратова Т.И. Анализ лирического произведения: учебное пособие. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. С. 89.
6. Кондратова Т.И. Литература Китая: учебное пособие. М.: МГПУ, 2020. 224 с.
7. Кондратова Т.И. Уважение к древности как один из главных принципов развития поэзии Китая // Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы XV международной научной конференции. В 3-х частях. Коломна, 2022. С. 49—54.
8. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972. 113 с.
9. Лэй Ся. Элементы неореализма в поэзии Сюй Чжимо // Актуальные проблемы современной филологии: материалы научно-практической конференции с международным участием. 2023. С. 68—70.

10. Макарова В.А. Авторский ракурс как основа построения поэтического текста // Автореферат на соискание степени к. филол. н. М.: МГГУ им. Шолохова, 2007. 12 с.

11. Савинова Т.Б. Идеино-художественное своеобразие стихотворения «Время» Линь Хуэйинь // Вестник современных исследований. 2020. № 7—4 (37). С. 38—40.

12. Сентюрин А.А. Поэтический ракурс в пейзажной лирике поэтов группы «Новолуние» // Восточный калейдоскоп: материалы докладов и сообщений IV Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных-востоковедов, М.: Издательство: Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 2024. С. 367—374.

13. Черкасский Л. Дождливая аллея: китайская лирика 20-х, 30-х годов. М., 1969. 200 с.

14. Шохоева Т.Э. Лингвистическая характеристика лирического субъекта в стихотворении Линь Хуэйинь «Ты в этом мире день апрельский» // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность — XIII. материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Улан-Удэ, 2020. С. 220—222.

References

1. Cherkassky L. Dozhdlivaya alleya: kitayskaya lirika 20-h, 30-h godov [Rainy Alley: Chinese lyrics of the 20s, 30s]. Moscow, 1969, 200 p. (In Russ.).

2. Dai M. Cravnitel'nyy analiz lyubovnoy liriki A.A. Feta i Syuy Chzhimo [Comparative analysis of the love lyrics of A.A. Feta and Xu Zhimo]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, and education], 2021, no. 4 (89), pp. 439—441. (In Russ.).

3. Dreyzis Yu.A. Topolektizatsiya poeticheskogo teksta v gody formirovaniya kitayskoy “novoy poezii” [Topolectification of the poetic text in the years of formation of the Chinese “new poetry”]. *Etnicheskaya kul'tura* [Ethnic culture], 2023, vol. 5, no. 3, pp. 29—36. (In Russ.).

4. Ignatenko A.V., Kondratova T.I. Vvedenie v kitayskuyu literaturu. Ot drevnosti do nashih dney [Introduction to Chinese literature. From antiquity to the present day]. Moscow: Publishing House of VKN, 2022. 448 p. (In Russ.).

5. Kang D., Berezovskaya Ya.L. Obrazy prirody v hudozhestvennoy sisteme A. Bloka i Syuy Chzhimo [Images of nature in the artistic system of A. Blok and Xu Zhimo]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii* [Language. Culture. Communications], 2015, no. 2 (4), p. 6. (In Russ.).

6. Kondratova T.I. Analiz liricheskogo proizvedeniya: uchebnoe posobie [Analysis of a lyrical work: a textbook]. Kolomna: Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute, 2013, p.89. (In Russ.).

7. Kondratova T.I. Literatura Kitaya: uchebnoe posobie [Literature of China: textbook]. Moscow: MGPU, 2020. 224 p. (In Russ.).

8. Kondratova T.I. Uvazhenie k drevnosti kak odin iz glavnyh principov razvitiya poezii Kitaya [Respect for antiquity as one of the main principles of the development of Chinese poetry]. *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoe deystvie. Materialy XV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Language: categories, functions, speech action. Proceedings of the XV International Scientific Conference]. In 3 parts. Kolomna, 2022. pp. 49—54. (In Russ.).

9. Korman B.O. Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedeniya [Studying the text of a work of art]. Moscow, 1972, 113 p. (In Russ.).

10. Lei Xia. Elementy neorealizma v poezii Syuy Chzhimo [Elements of neorealism in the poetry of Xu Zhimo]. Aktual'nye problemy sovremennoy filologii: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Actual problems of modern philology: materials of a scientific and practical conference with international participation], 2023, pp. 68—70. (In Russ.).

11. Makarova V.A. Avtorskiy rakurs kak osnova postroeniya poeticheskogo teksta [The author's perspective as the basis for constructing a poetic text]. Abstract for the degree of PhD., Moscow: Moscow State University named after Sholokhov, 2007, 12 p. (In Russ.).

12. Savinova T.B. Ideyno-hudozhestvennoe svoebrazie stihotvoreniya "Vremya" Lin' Hueyin' [The ideological and artistic originality of the poem "Time" by Lin Huiyin]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy* [Bulletin of modern research], 2020, no. 7—4 (37), pp. 38—40. (In Russ.).

13. Sentyurin A.A. Poetic perspective in the landscape lyrics of the poets of the Novolunie group [Poetic perspective in the landscape lyrics of the poets of the Novolunie group]. *Vostochnyy kaleydoskop: materialy dokladov i soobshcheniy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii molodykh uchenykh-vostokovedov* [Oriental kaleidoscope: materials of reports and messages of the IV All-Russian scientific and practical Conference of Young Orientalists]. Moscow, Publishing House: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 2024, pp. 367—374. (In Russ.).

14. Shokhueva T.E. Lingvisticheskaya harakteristika liricheskogo sub"ekta v stihotvorenii Lin' Hueyin' "Ty v etom mire den' aprel'skiy" [Linguistic characteristics of the lyrical subject in Lin Huiyin's poem "You are an April Day in this world"]. *Aziatsko-Tihookeanskiy region: istoriya i sovremennost' — XIII. materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii molodykh uchenykh, posvyashchennoy 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Asia-Pacific region: History and modernity — XIII. materials of the international scientific and practical conference of young scientists dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Ulan-Ude, 2020, pp. 220—222. (In Russ.).

Цветкова М.А.

Факторы брачного выбора в Южной Корее

Аннотация. Все большее значение начинают приобретать субъективные психологические мотивы над социальными при выборе супруга. Рост значения процессов модернизации, урбанизации, цифровизации современного общества затрагивает все сферы жизнедеятельности индивидов и групп, в том числе и сферу семейно-брачных отношений. Без изучения факторов брачного выбора невозможно повлиять на показатели рождаемости, процессы брачности и разводимости, на брачно-семейные отношения, так как качество семьи, семейных связей формируется еще в момент выбора брачного партнера, стандартный образ которого сегодня нередко навязывается традициями, СМИ, Интернетом, обществом в целом. В статье рассмотрена трансформация брака и брачного выбора в Южной Корее, раскрываются критерии и факторы брачного выбора, дается понимание развода как атрибута брака, приводится статистика заключения браков и уровня рождаемости в Южной Корее, анализируются феномены семей-одиночек, супругов, живущих раздельно.

Ключевые слова: факторы, брак, Южная Корея, феномен одиночек, рождаемость, вестернизация, трансформация.

Автор: *Цветкова Маргарита Александровна*, студент бакалавриата, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
E-mail: margozvetcova2004@yandex.ru

Для цитирования: Цветкова М.А. Факторы брачного выбора в Южной Корее // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 81—87.
DOI: 10.48647/ICCA.2024.64.88.008.

М.А. Tsvetcova

Factors of marriage choice in South Korea

Abstract. Subjective psychological motives are becoming increasingly important over social ones when choosing a spouse. The growing importance of the processes of modernization, urbanization, and digitalization of modern society affects all spheres of life of individuals and groups, including the sphere of family and marital relations. Without studying the factors of marital choice, it is impossible to influence fertility rates, the processes of marriage and divorce, and marital and family relations, since the quality of family and family ties is formed at the moment of choosing a marriage partner, the standard image of which is often imposed by traditions, the media, the Internet, and society as a whole. The article examines the transformation of marriage and marital choice in South Korea, reveals the criteria and factors of marital choice, gives an understanding of divorce as an attribute of marriage, provides statistics on the decline of marriage and the birth rate in South Korea, analyzes the phenomena of single families, families living separately.

Keywords: factors, marriage, South Korea, the phenomenon of singles, fertility, Westernization, transformation.

Author: *Tsvetcova Margarita A.*, Bachelor's Degree Student, Lomonosov Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: margozvetcova2004@yandex.ru

For citation: Tsvetcova M.A. Factors of marriage choice in South Korea. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 81—87. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.64.88.008.

На сегодняшний день довольно остро стоит вопрос предпочтений людей, когда дело касается выбора брачного партнера. Сложности при его выборе могут приводить к ухудшению качества семейных отношений, увеличению числа разводов, усилению социальных и культурных конфликтов. Расторжение браков, снижение брачности, рост внебрачной рождаемости и другие проблемы свидетельствуют об институциональном кризисе брака и семьи. Психологизация (увеличение значимости психологических мотивов) брачного выбора привела к тому, что браки заключаются по любви, но этих чувств оказывается недостаточно для сохранения брачных отношений. Доминирование субъективных психологических мотивов над социальными при выборе супруга — ключевая характеристика современной брачной культуры. Эта психологизация, свойственная и южнокорейскому обществу, но в Южной Корее выбор брачного партнера зачастую сопровождается давлением со стороны родителей, семьи или общества в целом, что оказывает влияние на характерную ограниченность свободы выбора.

Процессы модернизации, урбанизации, цифровизации которые происходят в современном обществе, затрагивают все области жизнедеятельности индивидов и групп, в том числе и сферу брачно-семейных отношений: растет количество разводов, сожителев, увеличивается средний возраст вступления в брак у мужчин и женщин, снижается уровень брачности. Это влияет на показатели рождаемости. Без изучения факторов брачного выбора и систем ценностей невозможно повлиять на процессы брачности и разводимости, на брачно-семейные отношения.

Совокупность различных факторов выбора партнера воздействуют на процесс формирования индивидуальных посылок, мнений, установок, определяющих модели брачного поведения. Семья — один из важнейших социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство населения, первичное воспитание индивида. Качество семейных связей формируется еще в момент выбора брачного партнера, стандартный образ которого сегодня нередко навязывается традициями, СМИ, Интернетом, обществом в целом.

Что касается Южной Кореи, она добилась быстрого экономического роста, но в процессе этого возникло несколько социальных проблем. Современные социально-экономические и социокультурные тенденции оказывают влияние на брачное поведение, реализацию полоролевых функций в брачных отношениях, а также на формирование представлений о браке. За последние несколько десятилетий регулирующее воздействие ранее установленных в обществе и закреплённых в общественном сознании норм и стандартов брачно-семейного поведения, значительно ослабло, следствием чего стали изменения в добрачном поведении

молодых людей. Об этом свидетельствует распространение феномена сожительства, которое становится практически обязательным этапом, предшествующим браку, или абсолютной его альтернативой. Согласно опросу, проведенному в Южной Корее в ноябре 2022 г., около 82,6 % респондентов ответили, что «в наши дни брак не является необходимостью, но это вопрос выбора». Около двух третей респондентов также ответили, что хотят жить, встречаясь с кем-то, даже если они не поженятся [6].

Добрачное поведение и последующий брачный выбор являются началом формирования будущей семьи. На этом этапе закладываются ее основные характеристики и начинает определяться характер будущих взаимоотношений супругов. Следовательно, для сохранения и укрепления институтов семьи и брака, что является одной из приоритетных задач государства, необходимо изучить процесс изменения брачного выбора в обществе и факторы (социокультурные, экономические и пр.) этой трансформации.

Говорить о готовности потенциальных супругов к браку недостаточно, основываясь на одном чувстве любви и желании создать семью. Наличие нравственной и психологической подготовленности личности к этому важному шагу есть восприятие полного комплекса требований, обязанностей и социальных стандартов поведения, которыми регулируется семейная жизнь. С ростом личности каждого партнера происходит рост требований к супругу. То есть психологическая зрелость, которая заключается в готовности человека к брачно-семейным отношениям — это социально-психологическое состояние, интегрирующее принятие ценностей социального института семьи, личностный смысл знаний и умений в области психологии семейных отношений, рационального ведения домашнего хозяйства, семейной педагогики, межличностного общения в семье. Формирование готовности к браку — длительный процесс, который предполагает комплексное воспитательное воздействие, учитывающее не только возрастные, но и половые различия. Подготовка к браку включает в себя важнейшие компоненты жизнедеятельности семьи, особое значение среди которых занимают нравственные и психологические аспекты.

Важнейшим исходным фактором, определяющим прочность будущей семьи, является мотивация вступления в брак. В свою очередь, человек, готовый к семейной жизни в мотивационно-смысловом аспекте, стремится к браку, считая его наиболее естественным и удобным способом удовлетворения потребностей. Данное желание является осознанным и подкрепляется многими причинами, так как семейная жизнь привлекает человека процессом самореализации, осознанного и эмоционального участия, реализации ценностей партнера.

Сексуальная и брачная культура в Южной Корее

Общий коэффициент брачности в Южной Корее — количество браков на 1000 человек — снизился до 3,7 с 3,8 в 2021 г. [9]. Этот показатель каждый год устанавливает новый антирекорд (рис. 1). В 2023 г. число южнокорейских браков упало до рекордно низкого уровня.

Marriages and Babies

Fewer people are getting married, resulting in falling fertility

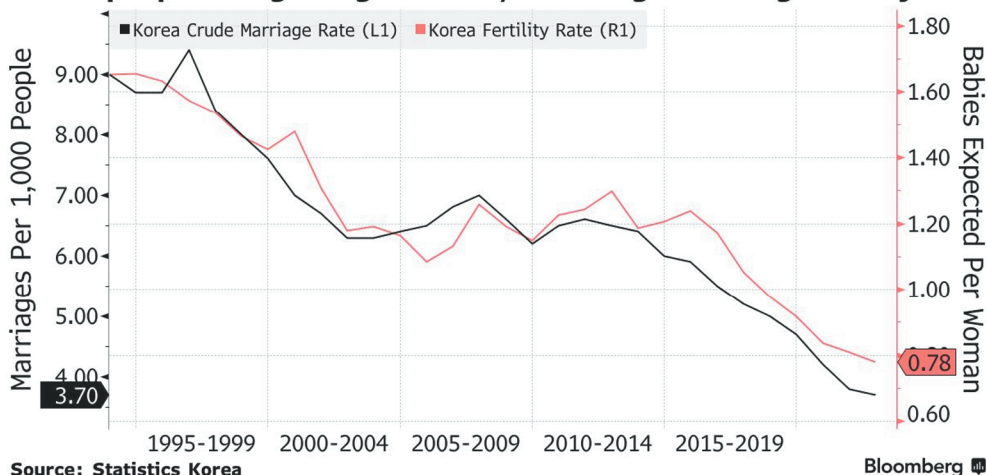

Рис. 1. Коэффициент брачности и рождаемости в Южной Корее

В Южной Корее наблюдается тенденция сокращения брачности. Основная причина этого — снижение потребности в браке, что объясняется:

- 1) спецификой сексуальной культуры;
- 2) процессуальной сложностью развода;
- 3) снижением потребности в детях.

Гендерная культура и стратификация также влияют на брачный выбор. Равенство полов — одна из важнейших социальных проблем в стране. Индекс гендерного разрыва в Южной Корее составил 0,69 п.п., что указывает на сохранение среднего гендерного разрыва приблизительно в 31 %. Согласно четырем измерениям, установленным Всемирным экономическим форумом, в стране наблюдалась большая разница в участии мужчин и женщин в экономической и политической деятельности [3]. Менее защищенное положение южнокорейских женщин выражается в том, что в Южной Корее практически невозможно для женщины совмещать карьеру и воспитание детей. Некоторые исследования показывают, что именно южнокорейские женщины в меньшей степени заинтересованы в браке. Женщина в Южной Корее должна быть уверена, что муж может ее обеспечить, поэтому одним из наиболее важных критериев брачного отбора являются доход, профессия, материальное положение супруга, т. е. на первый план выходят экономические мотивы при выборе спутника жизни.

Чем более строгие социальные и гендерные нормы существуют при выборе партнера, тем более жестким становится брачный рынок, а в странах Восточной Азии наблюдаются относительно сильные нормы разделения гендерных ролей.

Отсутствие длительной и укорененной христианской традиции в Южной Корее не предполагает представлений о внебрачных сексуальных отношениях как о грехе. В традиционном южнокорейском обществе сексуальные потребности

можно было удовлетворять только в браке, а сейчас такая социальная норма потеряла силу. Отсюда конфликт между традиционностью (патриархальностью) и вестернизацией. О специфике сексуальной культуры в Южной Корее говорит следующий факт: возраст согласия в этой стране — 13 лет.

В эпоху глобализации и распространения либеральных ценностей в Южной Корее, особенно под влиянием западноевропейских стран и США, можно предсказать, что с каждым годом социальное разрешение на поведение свободного характера будет увеличиваться, что, в свою очередь, трансформирует представления южнокорейцев о добрачном сексе. Все более либеральный подход к сексуальной инициации приводит к тому, что формальности в органах записи актов гражданского состояния или в церкви становятся необязательными. Здесь важны любовь, привязанность и даже спонтанность без привязанности, а именно потребность в удовлетворении полового влечения, сексуальных «приключениях», переживании ощущений. Все это способствует более широкому распространению феномена совместного проживания и принятию жизни в неформальных отношениях [5].

Нормативно-социальная и процессуальная сложность развода. Государство и общественная мораль защищают институт брака. С 1953 по 2015 г. супружеская измена каралась тюремным заключением сроком до двух лет как для прелюбодея, так и для его партнера. Развод порицается в обществе, его сложно юридически оформить. По этой причине южнокорейцам проще не жениться вообще, чем сталкиваться со сложностями при расторжении брака. Выстраивать свои индивидуальные траектории и удовлетворять потребности можно и вне официального брака.

Снижение потребности в детях. В южнокорейском обществе рождение детей санкционировано, социально одобрено в браке: в Южной Корее большинство рождений происходит в законных союзах. Другими словами, брак нужен для рождения детей — такова традиционная норма. Однако в стране десятилетиями снижается потребность в детях, из чего следует уменьшение потребности в браке. Но даже если имеется потребность в ребенке, ее можно удовлетворить вне официального союза. По данным отчета Южной Кореи, почти 40 % респондентов заявили, что могут иметь ребенка вне брака, что является отступлением от традиционных норм в стране. В заключении законных отношений нет необходимости даже в этом случае [8].

Молодые южнокорейцы все чаще избегают брака и родительских обязанностей, наглядное тому подтверждение — резкое падение рождаемости в стране. Но в докладе правительства от 2023 г. подчеркивается, что эти негативные тенденции резко ускорилась за последнее десятилетие. Отчет, в котором каждые два года опрашиваются жители в возрасте от 19 до 34 лет, был опубликован Статистическим управлением Южной Кореи.

В 1996 г. было зарегистрировано более 400 000 союзов по сравнению с менее чем 200 000 в 2021 г. Это снижение привело к резкому падению уровня рождаемости (до самого низкого в мире), упавшего с почти 400 000 рождений в 2017 г. до рекордно низкого уровня в количестве 229 970 рожденных в 2023 г. [10]. В 2023 г. впервые более чем за десятилетие было зарегистрировано больше браков, чем в прошлом году, — почти 194 000. В 2023 г. было заключено 193 657 бра-

ков, что на 1 % больше по сравнению с 2022 г. Этот сдвиг примечателен, учитывая давнюю *тенденцию снижения уровня браков* в стране [1]. Больше представители молодого поколения, похоже, не беспокоятся о том, чтобы связать себя семейными узами.

Говоря об особенностях южнокорейской семьи, необходимо отметить, что в настоящее время в стране происходит переход от традиционной расширенной патриархальной ячейки общества к современной, нуклеарной. В соответствии с растущей урбанизацией и индустриализацией расширенная семья больше не является домашней ячейкой. Преобладающей формой последней, особенно в городах, становится нуклеарная семья, хотя также распространена переходная форма основной семьи [12]. Для южнокорейцев по-прежнему характерны чрезвычайно прочные семейные связи, но многие молодожены живут отдельно.

Сотрудники ПСР (PSR — Power Systems Research) по имеющимся данным в начале 2024 г. выдвинули гипотезу, что почти половина южнокорейцев будут жить в одиночестве. В декабре 2023 г. правительственные данные показали, что доля одиночек в стране достигла рекордно высокого уровня — 42 %. По данным Министерства внутренних дел и безопасности, число одиноких людей увеличилось с 9,72 млн до 9,93 млн.

Министерство сообщило, что этот рост связан с тем, что все больше и больше людей, не состоящих в браке, и пожилых людей, проживающих в одиночестве, составляют 21,8 % всех пожилых граждан, живущих самостоятельно. Данные правительства также основаны на адресах проживания, это означает, что семьи из двух человек, которые живут раздельно, считаются двумя отдельными семьями, состоящими из одного человека. Это относится к «парам выходного дня», которые живут порознь из-за работы или других обстоятельств [2]. Те же данные также показывают, что размер южнокорейской семьи сокращается, а среднее число людей в домохозяйстве уменьшилось с 2,17 в 2022 г. до 2,15 в 2023 г.

В Южной Корее усиливается феномен «культуры одиночек». В 2019 г. исследовательский центр по финансам и управлению банка Кукмин представил отчет о семьях, состоящих из одного человека (인가구, *иль—инкагу*). Согласно результатам исследования, в 2017 г. число подобных семей, проживающих в одиночестве или ведущих уединенный образ жизни, достигло значения 5 млн 620 тыс. человек. Это составляло около 10,9 % общего населения Южной Кореи. В отчете было отмечено, что при условии сохранения данной тенденции к 2045 г. количество подобных семей может составлять уже 16,3 % всего населения Южной Кореи [4].

Южнокорейцы живут в поколении, где упорный труд во имя светлого будущего не приносит ожидаемого удовлетворения и не соответствует ожиданиям общества старшего поколения или политике страны. Молодое поколение предпочитает одиночество и независимость [11].

Треть неженатых мужчин и незамужних женщин считают, что брак по-прежнему является чем-то обязательным, в то время как для других даже свидания — это пустая трата денег. Молодые люди считают финансовую стабильность наиболее важным фактором в наши дни, свободное время — второй по важности фактор, а третьим является позитивное мышление и постановка целей, в то время как свидания или женитьба на ком-то — далеки от основных приоритетов [7].

Библиографический список / References

1. 2023 Marital Divorce Statistics // Kostat. URL: https://kostat.go.kr/board.es?mid=a10301010000&bid=204&list_no=429995&act=view&mainXml=Y (accessed: 10.06.2024).
2. Almost half of South Koreans living alone // Allkpop. URL: <https://www.allkpop.com/article/2024/01/almost-half-of-south-koreans-living-alone-at-start-of-2024> (accessed: 10.06.2024).
3. Gender equality in South Korea — statistics & facts // Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/10884/gender-equality-in-south-korea/#topicOverview> (accessed: 10.06.2024).
4. KB. URL: <https://eiec.kdi.re.kr/policy/domesticView.do?ac=0000148503> (accessed: 10.06.2024).
5. Lee Kuamah. Korean Wedding Culture: The Old and New // Gwangju. URL: <http://gwangjune.wsgic.com/arts-culture/korean-culture/korean-wedding-culture/> (accessed: 10.06.2024).
6. Opinion on the necessity of marriage in South Korea as of November 2022 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1409089/south-korea-opinions-on-the-necessity-of-marriage/> (accessed: 10.06.2024).
7. Park Si Soo. More singles feel dating costs 'wasteful' // KoreaTimes. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/culture/2019/02/703_228650.html (accessed: 10.06.2024).
8. Perceptions of married women on childbirth and sex preference and related factors // KoreaScience. URL: <http://koreascience.or.kr/article/JAKO201028552428784.page> (accessed: 10.06.2024).
9. Sam Kim Korean marriages slump to record low in blow to world's lowest birth rate // Bloomberg, 16.03.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-16/korean-marriages-slump-to-fresh-record-low-in-blow-to-fertility> (accessed: 10.06.2024).
10. South Korea Faces Demographic Crisis As Birth Rates Plummet to Historic Lows // CTN. URL: <https://www.chiangraitimes.com/news/south-korea-faces-demographic-crisis-as-birth-rates-plummet-to-historic-lows/#:~:text=South%20Korea's%20Birth%20Rate%20Hit,the%20same%20month%20in%202022> (accessed: 10.06.2024).
11. Stella Ko Photographers capture the rise of South Korean's 'loner' culture // CNN. URL: https://edition.cnn.com/style/article/honjok-south-korea-loner-culture/index.html?fbclid=IwAR02GT7nNvoYVLqLxXcGZvQTZvM97NEmNEljgGMT5Ioec_EcPPppUPNDAr8 (accessed: 10.06.2024).
12. Yum J.O. Korean philosophy and communication. San Diego: Academy press, 1987, pp. 71—86.

Хлебникова Е.А.

Культ белого камня у национальности цян

Аннотация. Автор статьи исследует обрядовую практику, связанную с почитанием белого камня, которая имеет особое значение для национальности цян. Рассматривается история происхождения культа белого камня у цянской национальности, а также его ритуалы, символика и влияние на культурные и религиозные аспекты жизни этого народа. Автор описывает, как белый камень стал символом почитания для цянов и как через него они устанавливают связь с богами своей веры. Исследуется влияние культа белого камня на мировоззрение, традиции и обычаи цянского народа, а также его роль в формировании и поддержании социокультурной идентичности. В статье поднимается вопрос о том, как вера цянов в белый камень отражается в архитектуре, костюмах и культуре данной этнической группы. Автор также обращает внимание на современное состояние культа белого камня у цянской национальности, его изменения под воздействием современных тенденций и вызовов. В целом, фокус статьи сосредоточен на том, как белый камень стал неотъемлемой частью религиозной и культурной идентичности народа цян, как его почитание передается из поколения в поколение. Исследование представляет собой вклад в понимание религиозных и культурных практик этой национальности, а также способствует сохранению и изучению их культурного наследия. Актуальность данной работы основана на том, что в отечественном востоковедении отсутствуют исследования, посвященные культу белого камня народа цян.

Ключевые слова: культ белого камня, национальность цян, национальная вера, ритуал, церемония.

Автор: Хлебникова Елизавета Александровна, студентка III курса, Московский городской педагогический университет (МГПУ). ORCID: 0009-0009-4156-6901; E-mail: Khlebnikovaea@mgpu.ru

Для цитирования: Хлебникова Е.А. Культ белого камня у национальности цян // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 88—93. DOI: 10.48647/ICCA.2024.42.17.009.

E.A. Khlebnikova

The cult of the white stone of the Qiang nationality

Abstract. This scientific article explores the ritual practice associated with the veneration of the white stone, which is of particular importance for the Qiang nationality. The article examines the history of the origin of the white stone cult of the Qiang nationality, as well as its rituals, symbols and influence on the cultural and religious aspects of the life of this people. The author describes how the white stone became a symbol of reverence for the Qiangs and how through it they establish a connection with the gods of their faith. The article explores how the cult of the white stone affects the worldview, traditions and customs of the Qiang people, as well as its role in the formation and maintenance of socio-cultural identity. The article raises the question of how the Qian fa-

ith in white stone is reflected in the architecture, costumes and culture of this ethnic group. The article also draws attention to the current state of the cult of the white stone among the Qiang nationality, its changes under the influence of modern trends and challenges. In general, the main topic of the article is how the white stone has become an integral part of the religious and cultural identity of the Qiang people, as well as how its veneration is passed down from generation to generation. The study makes an important contribution to understanding the religious and cultural practices of this nationality, as well as contributes to the preservation and study of their cultural heritage. The relevance of this work is based on the fact, that there are no studies in Russian Oriental studies devoted to the cult of the white stone of the Qiang people.

Keywords: white stone cult, Qiang nationality, national belief, ritual, ceremony.

Author: *Khlebnikova Elizaveta A.*, 3d year student, Moscow City University (MCU). ORCID: 0009-0009-4156-6901; E-mail: Khlebnikovaea@mgpu.ru

For citation: Khlebnikova E.A. The Cult of the White Stone of the Qiang Nationality. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 88–93. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.42.17.009.

Введение

Изддревле люди, погруженные в свой мир религиозных представлений, воспринимали непонятные для себя явления в повседневной жизни как нечто, обладающее сверхъестественной силой. В связи с этим они присваивали объектам, сущностям, животным священное значение, происходил процесс сакрализации. Человек мог приблизиться к пониманию сакрального лишь через таинственные обряды и символы, посредством которых устанавливалась связь с объектом поклонения. В связи с этим народы различных культур всегда испытывали особое влечение к определенным предметам, символам и явлениям. Одним из таких культовых объектов, обладающих особым значением и мистической силой, является белый камень у национальности цян (цянский: Rḡmea; китайский: 羌族).

Цяны — одна из 56 этнических групп в Китае, они живут в основном в горном районе на северо-западе провинции Сычуань на восточной окраине Тибетского нагорья. Феномен существования культа белого камня у национальности цян привлекает внимание исследователей, антропологов и археологов со всего мира своей уникальностью и загадочностью.

Народ цян придерживается примитивных религий, а именно анимизма, веры в многочисленных богов и разнообразных культов. Согласно работам американского исследователя Дэвида Грэхема, цяны поклонялись пяти великим, двенадцати меньшим и многим местным богам. Верховным богом цянов считается «Шаньван» (кит.: 山王), или дословно «Князь гор», однако чаще всего жители разных деревень называют его «Мубясей» (цянский транскрипция: Mu-byu-sei). Из-за того, что первые две части (Mubyu) обозначают «небо», а последняя часть (Sei) обозначает бог, цяны называют его богом неба. Цяны связывали его с китайским понятием *Тянь* (天), то есть небо, и четко отождествляли с даосским Нефритовым императором или небесным Верховным владыкой [1, с. 45]. Поскольку верховным богом цянов был бог гор или бог неба, нельзя не отметить

очевидное наличие соответствующих культов у данной национальности. Цяны верят, что бог неба может властвовать над всеми вещами, бедствиями, людьми и животными. В некоторых деревнях, которые находились под влиянием христианства, этого бога иначе называли Abba Ch'i «Абба-мула» (цянский, транскрипция: Aba mula; китайский: 阿爸木纳) («Бог-отец») [1, с. 45].

Основная часть

Как сказано выше, одной из главных особенностей национальной веры цянов является почитание белого камня. Сами по себе эти камни не считаются божествами, однако цяны верят, что с помощью ритуалов в них можно вложить силу некоторых богов. В связи с этим в районах проживания национальности цян белые камни встречаются повсеместно: на вершинах гор, посреди леса, на крышах зданий. Они являются символом уважения народа цян ко всем своим богам. Так, например, на крыше каждого дома обычно находится пять белых камней. Каждый из них символизирует пять высших богов — бога неба, бога Земли, бога и богиню гор, а также бога деревьев. Помимо этого, белые камни также хранятся во внутренних комнатах дома, символизируя духов предков семьи. Во многих храмах цянов можно обнаружить священные камни. Так, в храме *Пай-к'унг-су* (цянский, транскрипция: Pai-k'ung-ssu) находятся три больших белых камня, которым поклоняются как богам. Четыре китайских священника заботятся о храме и его богах, а жители этого региона поклоняются этим богам, чтобы получить исцеление от своих болезней [1, с. 50].

Важно заметить, что в каждом регионе проживания цянов существуют собственные боги, поэтому можно предположить, что их количество соразмерно количеству географических названий. В связи с этим в разных районах белые камни могут символизировать различных местных богов. Так, например, в деревне *Кеку* (克枯乡等) уезда *Вэньчуань* (汶川县) одни почитают белые камни как божество зерна, другие — как китайского бога ученых *Цанцзе* [1, с. 50; 13].

Интересно, что во многих верованиях существуют изображения богов, однако у национальности цян они отсутствуют, за исключением *Аббасэя*, бога-покровителя, голова которого вырезана на некоторых священных тростях. Иными словами, цяны целенаправленно не изображали своих богов, хотя могли. Вместо этого они возвели в культ белый кварцевый камень. Объяснение этому факту можно найти в их легендах. Фольклор цянов очень разнообразный и многогранный, поэтому существует несколько сказаний об этом священном камне, однако большая их часть связана с историей о борьбе между цянами и вражеским народом Гэ. Согласно первой из них во время этой долгой и ожесточенной войны цяны несли большие потери. Когда надежда на победу стала покидать народ цян, их великий предок, бог неба («*Мубясэй*»), ниспослал им три белых камня, которые превратились в три снежные горы. Эти величественные горы заблокировали продвижение армии противников, и, воспользовавшись удобным моментом, цяны смогли наконец-то победить своих врагов. Спасенные от уничтожения и гибели, они стали почитать белый камень и нарекли его своим божеством-покровителем [10, с. 157].

Другая легенда рассказывает, что в прошлом предкам цянов приходилось постоянно кочевать и поэтому они нередко вели бои с разными народами. Однажды враги пришли устроили осаду, и предки цянов оказались в опасности, потому что у них не осталось оружия. В этот критический момент один из предков обнаружил вокруг себя груды белых камней размером с булочку *маньтоу* (馒头), приготовленную на пару. В момент отчаяния люди подняли белые камни и обрушили их на врага. Глядя на белые камни, летящие с горы, враги подумали, что это булочки *маньтоу*, и решили отступить без боя. Таким образом, горстка белых камней стала защитником народа цян [16, с. 57].

Еще одна легенда, повествующая о получении народом огня, записана в одном из писаний цянов. В ней говорится, что этот народ знает, как добывать огонь, и может сделать это в любое время. Для этого достаточно сильно ударить по белому камню — вот почему цянам было не страшно оставаться без огня. «Волшебный» огонь, добываемый таким образом, считался даром небес, поэтому цяны стали поклоняться белому камню [10, с. 157].

Самым важным религиозным ритуалом народа цян является Церемония жертвоприношения горе (祭山会). Это ежегодная церемония, которая начинается с процессии во главе с шаманом, которого по-китайски называют «*Дуаньгун*» (端公), а сами цяны называют его «*Шиби*» (释比) [8, с. 2611]. За шаманом следуют музыканты, играющие на барабанах, гонгах и др. Затем *шиби* подходит к алтарю, который представляет собой каменное сооружение со священным белым камнем у основания, и благодарит богов, просит их о хорошем урожае. После в жертву приносит животное (обычно корова). Следующий этап — так называемый обход горы, или обход пагоды, во время которого *шиби* в сопровождении музыкантов и других участников обходит алтарь, распевая «Священное писание о мире и защите». По завершении обряда все участники отпивали вино из кувшинов через тонкие трубочки [10, с. 158].

Ворования цян постепенно стали неотъемлемой частью системы архитектурного убранства этого народа. Белый камень на крыше стал типичным символом архитектуры цян. Три, пять или семь белых камней кладут на гребень крыши друг за другом по порядку, от самого маленького к самому большому по размеру, иногда небольшие камни также помещают на дверную перекладину над входом в дом или на перемычку оконной коробки передней стены. Эти белые камни, в первую очередь, являются религиозными объектами, поэтому нельзя просто поместить их в определенное место — необходимо провести определенный церемониал установки священного объекта, чтобы из обычных камней, выполняющих лишь декоративную функцию, они превратились в духовный предмет, наделенный определенной степенью божественности. После проведения *шиби* церемонии, возникают определенные правила в отношении священных белых камней. Запрещается трогать или передвигать священный предмет; чтобы попросить о чем-либо камень, необходимо сначала сделать жертвоприношение (обычно забивают крупный рогатый скот, овец, свиней, кур) [5, с. 2].

Помимо архитектуры культ белого камня нашел отражение и в других сферах жизни народа цян. Например, орнаменты в виде белого камня встречаются в элементах национального костюма, также популярный как среди женщин, так и

мужчин нации цян жилет из козьей кожи является отражением не только распространённого среди этого народа культа овцы, но и культа белого камня [6, с. 227], от которого происходит и культ белого цвета у цянов. Белый камень воспринимается ими как символ истины, добра и красоты, в связи с чем белый является очень благоприятным цветом. Так, народ цян издавна предпочитал его в одежде, например в головных уборах, платьях и жилетах [6, с. 226].

В настоящее время в некоторых деревнях стали появляться туристические компании, продвигающие и развивающие культ белого камня. Однако его сакральный смысл исчезает из-за того, что эти фирмы не могут провести ритуальную церемонию, чтобы наделить белый камень божественной силой [8, с. 2613]. Однако, помимо этого, ведётся строительство новых памятников истории и культуры цянь, которые используются как торговая точка для туризма по сохранению наследия и возвращения к традициям [17, с. 62].

В начале XX в. китайские и западные ученые стали уделять особое внимание религиозной культуре этнической группы цян, благодаря чему сейчас мы имеем материалы для изучения их религиозной культуры и ее изменений. Ученые исследовали влияние ханьской и тибетской культур на религию цянов и то, основывалась ли она на моно- или политеизме [9, с. 1].

В 1920 г. Торранс-старший выдвинул предположение, что религия цян имеет монотеистический характер, с практиками и религиозной системой, аналогичными иудейской религии [4, с. 3]. Торранс писал, что цянские жертвоприношения имеют те же корни, что и жертвоприношения древних иудеев, также сами цянские церемонии похожи на описанные в заповедях и в Библии. Исследователь описывает ритуал, в ходе которого на алтаре приносили в жертву овцу и ее кровью окропляли белый камень, символизирующий чистое и святое божество (иуд. Яхве) [3, с. 4; 4, с. 3]. Окропление кровью являло собой очищение участников ритуала, и только после этого возможно нисхождение небесного духа.

В обеих культурах камень, скала, гора, дерево или роща — все эти понятия символически взаимосвязаны. Для цянов белый цвет символизировал высшую святость, что совпадало с древними еврейскими верованиями и практиками — евреи использовали только белую бумагу и белые камни для представления бога. Торранс также считал, что цяны верили в чистоту высшего бога и греховность человека. Бог отправляет посланника в виде шамана *шиби*, чтобы помочь людям освободиться от греха через проведение ритуала жертвоприношения. Это находит отражение в религиозной системе иудаизма [13]. Однако впоследствии эта теория была опровергнута американским исследователем Дэвидом Грэхемом, который установил, что религия цянов является политеистической [2, с. 100].

Библиографический список / References

1. A brief introduction to the Qiang People. Religion. URL: https://ethno.ihp.sinica.edu.tw/en/southwest/main_QI-04.html (accessed: 10.06.2024).
2. Graham D.C. The Customs and Religion of the Ch'iang. Washington: Smithsonian Institution, 1958. 114 p.

3. Oppitz M. Ritual Objects of the Qiang Shamans. *RES: Anthropology and Aesthetics*, 2004, no 45, pp. 10—46.
4. Seed C.G. Reception of the Gospel of John among the Isawa of Northern Nigeria and the Qiang of Western China, 1913—35. *International Bulletin of Mission Research*, 2019, no. 44.3, pp. 1—10. DOI:10.1177/2396939319872095
5. Seed C.G., Liyo D., Fick R. Thomas F. Torrance: Theology and mission in practice. In *die Skriflig*. In *Luce Verbi*, 2016, no. 1, pp. 1—10. DOI:10.4102/ids.v50i1.2098
6. Shi J.R., Hou X.L. A Study on the Architectural Decoration System of Qiang Nationality Based on Symbolism Theory — A Case Study of Muka Qiang Village in Li County. *Open Access Library Journal*, 2021, no. 8, pp. 1—6.
7. Song C., Zhao B. Study on the Qiang's Costume Culture — A Case Study of the Qiang's Costumes in Li County. *Open Journal of Social Sciences*, 2018, no. 6, pp. 225—234. DOI: 10.4236/jss.2018.66020
8. Wang M. Searching for Qiang Culture in the First Half of the Twentieth Century. *Inner Asia*, 2002, no. 4.1, pp. 131—148.
9. Wang W.H., Zhang W.J. Qiang Nationality's Traditional Ecological Culture and Environmental Consciousness Education and Their Realistic Significances. *Advanced Materials Research*, 2012, vol. 524—527, pp. 2611—2614. DOI: 10.4028/www.scientific.net/AMR.524-527.2611
10. Yan W., Guo Y., Wang Q., Han Y., An Y. Cognitive characteristics of the Qiang religious culture and its influencing factors in Southwest China. *Open Geosciences*, 2023, no. 15, pp. 1—16. DOI: 10.1515/geo-2022-0498.
11. Yu S. Sacrifice to the Mountain: A Ritual Performance of the Qiang Minority People in China. *TDR*, 2004, vol. 48, no. 4, pp. 155—166. DOI: 10.1162/1054204042442035
12. Zevik E. First Look: The Qiang People of Sichuan. *Asian Anthropology*, 2002, vol. 1, no. 1, pp. 195—206. DOI:10.1080/1683478X.2002.10552525
13. Zhang Y. Beyond minority: ethnicity, modernity, and the invention of the Qiang identity in China. California : Stanford University, 2018. 24 p.
14. 邓宏烈 [Deng H.] 西方传教士眼中的羌族神灵信仰 [Faith of Gods of the Qiang People from the Western Missionaries]. *贵州民族研究 [Guizhou Ethnic Studies]*, 2006年, 第 111期, 133—139页. (In Chinese).
15. 沈群英 [Shen Q.] 羌族多神崇拜与基督教一神崇拜的相通性探微 [An exploration into the similarities between Qiang polytheistic worship and Christian monotheistic worship]. *四川民族 [Journal of Sichuan University for Nationalities]*, 学院学报, 2013年, 第 22.3期, 24—29页. (In Chinese). DOI: 10.13934/j.cnki.cn51-1729/g4.2013.03.014
16. 岳永逸 [Yue Y.] 学术田野与媒体田野: 直面灾后族群文化的传承 [Academic field and media field: Facing the inheritance of ethnic culture after disaster]. *文化研究 [Cultural studies]*, 2008年, 第3期, 56—60页. (In Chinese).
17. 张巧运 [Zhang Q.] 浴“难”重生: 一个羌族村寨灾难旅游和遗产旅游的案例研究 [Rebirth after «difficulty»: A case study of disaster tourism and heritage tourism in a Qiang village]. *民俗研究 [Folklore researches]*, 2014年, 第1期, 58—67页. (In Chinese).

Бредихин А.В.

День Вьетнама в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова

Автор: Бредихин Антон Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). ORCID: 0000-0003-4097-3854; E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Для цитирования: Бредихин А.В. День Вьетнама в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 94—98. DOI: 10.48647/ICCA.2024.42.67.010.

A.V. Bredikhin

Vietnam Day at the Plekhanov Russian University of Economics

Author: Bredikhin Anton V., PhD (History), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-4097-3854; E-mail: bredikhin90@yandex.ru

For citation: Bredikhin A.V. Vietnam Day at the Plekhanov Russian University of Economics. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 94—98. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.42.67.010.

День Вьетнама состоялся 29 мая 2024 г. на площадке Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Насыщенное мероприятие, сочетающее в себе элементы культурного форума и научной конференции, стало центром притяжения для дипломатов, деятелей науки и образования, вьетнамоведов и вьетнамских студентов. Презентация вьетнамской кухни, национальные вьетнамские игры, выставка картин и концертная программа привлекли большое внимание абсолютно всех присутствующих.

С приветственным словом к присутствующим обратился ректор РЭУ Г.В. Плеханова **И.В. Лобанов**, подчеркнувший, что идет процесс укрепления

российско-вьетнамских связей в международной, межпартийной, экономической сферах и образовании. Более 400 вьетнамских студентов обучается в университете. Политика, экономика, народное хозяйство, наука и культура Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) получают высококвалифицированных специалистов. День Вьетнама в университете — это не только новая глава в сфере взаимодействия России и Вьетнама, но и гарантия дружбы и партнерства между странами.

П.А. Шевцов, заместитель руководителя Россотрудничества отметил, что вьетнамские студенты видят то уважение, которое университет и страна оказывают своему внешнеполитическому партнеру. С вьетнамской стороны активно ведется изучение русского языка, тысячи молодых ребят приезжают учиться в Россию, реализуются программы молодежного обмена. Во Вьетнаме в прошлом году прошел форум выпускников советских и российских вузов со всего азиатского континента. Проведение подобных форумов в университетах создает смысловую рамку: куда мы движемся и к чему хотим прийти.

Д.А. Протасовский, генеральный директор ассоциации «Российский дом международного научно-технического сотрудничества» рассказал об опыте проведения недели Вьетнама на их площадке по теме науки, культуры и образования с участием различных вузов.

После приветственных слов состоялась церемония торжественного подписания соглашения между РЭУ и ООО «РБ-Эксим Солюшнс».

Выступления спикеров продолжил руководитель Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН **Д.В. Мосяков**. По его словам, отношения между Вьетнамом и Россией строились в прошлом и развиваются в настоящем, потому невозможно воспринимать их без знания истории этих двусторонних связей. Хо Ши Мин и руководители СССР закладывали фундамент связей в очень сложное время, во времена французского неокOLONИализма. Вьетнам героически сражался под руководством своих лидеров, но и получал помощь от Китая и СССР. Эта поддержка была не только материальной, но и моральной. «Мы понимаем, насколько американцы были жестоки. Советско-вьетнамское сотрудничество продолжалось и в дальнейшем: это и наши летчики, и система ПВО. Это было сотрудничество, которое четко показывало взаимное доверие и братские отношения. В 1979 г. во время кризиса с Китаем первым на помощь пришел Советский Союз. Нынешние отношения очень сложно сравнивать с советским периодом, когда 65 % торговли Вьетнама велось с СССР и СЭВ. Тот фундамент взаимодействия никуда не делся. Вьетнам — самая доброжелательная страна по отношению к России. Есть сложности и проблемы в торговле и коммуникациях. Мы находимся на низком старте, предстоят большие события, открывающие новую эпоху российско-вьетнамских отношений. Настанет настоящий прорыв», — отметил **Д.В. Мосяков**.

Зьонг Хоанг Минь, торговый советник посольства Вьетнама в России поблагодарил университет и вьетнамское землячество студентов. Россию и Вьетнам связывают дружеские отношения еще с советских времен. Страны выступают стратегическими партнерами, а в 2015 г. Вьетнам и ЕАЭС подписали соглашение о свободной торговле. По итогам 2021 г. товарооборот достиг рекордной отметки

в 7 млрд долларов США. Это в два раза больше, чем в 2016 г. Неблагоприятные условия экономической и геополитической ситуации в мире привели к сокращению торговли в 2022—2023 гг. В 2024 г. торговля активно растет, за первые полгода она исчисляется 1,6 млрд долл.

Товарооборот составляет еще скромный характер и занимает меньше 1 % внешней торговли как Вьетнама, так и России. В РФ присутствует 26 вьетнамских проектов с капиталом около 3 млрд долл. Россия реализует в СРВ 180 проектов с капиталом около 1 млрд долл. Международный торговый оборот Вьетнама составляет около 700 млрд долл. Темпы роста иностранных инвестиций — 5—6 процентов в год. Пописано 16 соглашений о свободной торговле, в том числе с Россией, ЕАЭС.

«Экономики наших стран не конкурируют, а взаимодополняют друг друга. Российские предприниматели могут не только увеличивать товарооборот, но и строить во Вьетнаме заводы, производить там товары. Мы предлагаем рассмотреть возможность отмены существующих ограничений в торговле, в транспорте и визового режима для двух стран, что еще больше облегчит сотрудничество. Мы предполагаем РЭУ еще больше активизировать сотрудничество с вьетнамскими университетами», — отметил **Зыонг Хоанг Минь**.

Нгуем Май Хонг, директор ООО «РВ-ЭКСИМ Солюшнс» выделила, что за 5 лет их компания наработала опыт сотрудничества, активно развивает собственные проекты, направленные на продвижение экспорта и импорта России и Вьетнама. «Нужно учитывать в нашей работе разный менталитет наших стран, налаживать контакты от обеих сторон, подбирать формат коммуникации между сторонами. А достаточно перспективным выступает проект “Российская продукция в отели Вьетнама”», — подчеркнула **Нгуем Май Хонг**.

Ее слова дополнил **В.П. Кошиев**, вице-президент фонда «Содействие» рассказавший, что коммерческие структуры фонда занимаются строительством пятизвездочных гостиниц во Вьетнаме, порта с нефтяным терминалом для стран АСЕАН.

Первый заместитель общества вьетнамских граждан в России **Чан Фу Тхуан** актуализировал тематику народной дипломатии: «Изменяется мир, — заметил он, — но не изменяются отношения между нашими народами. Над ними работали несколько поколений, пройдя через трудные времена и тяжелейшие переживания». **Чан Фу Тхуан** подчеркнул, что свою роль сыграла вьетнамская диаспора в России. Народная дипломатия только усилила свое значение, улучшается взаимопонимание. Народная дипломатия не приносит быстрых результатов, но помогает делать мир стабильнее и безопаснее. Основой диаспоры стали студенты и рабочие, трудившиеся на заводах. Вьетнамцы, проживающие и работающие в России, искренне держатся вместе с россиянами. Во всех регионах по собственной инициативе вьетнамские землячества организуют общие мероприятия с местными жителями. «Мы пришли к выводам, что необходимо иметь четкие цели и задачи, объединение усилий и ресурсов, требуется формирование позитивного имиджа России во Вьетнаме и Вьетнама в России. Россия — страна с великой историей, прекрасной культурой и традициями, подарившая миру ряд ведущих деятелей. Страна, которая была и остается верным и могучим другом Вьетнама.

В честь Дня Победы над фашизмом 9 мая мы проводим мероприятия, организуем встречи с бывшими советскими военными специалистами, служившими во Вьетнаме», — сказал первый заместитель общества вьетнамских граждан в России.

А.С. Королев из НИУ-ВШЭ, акцентировал внимание на том, что ЗСТ для ЕАЭС — очень понятная система, это мостик для ЕАЭС, России в АТР. «Мы видим увеличение российско-вьетнамской торговли за 2023—2024 гг. Перспективой выступает постепенный переход на взаимоторговлю в национальных валютах. Растет экспорт российской пшеницы, калийных удобрений во Вьетнам», — отметил эксперт.

Тему продолжила **Н.П. Савина** из РЭУ: «Вьетнам — одна из наиболее быстрорастущих экономик. Страна вошла в ТОП-20 экономик мира по экспортно-импортной торговле и прорабатывает вопросы о вступлении в БРИКС. Наблюдается стабилизация обменного курса, экономическое сотрудничество, снижение зависимости от доллара США». Как заметила **Н.П. Савина**, Вьетнам получит доступ к новым ресурсам банка развития БРИКС. Произойдет рост инвестиций, ускорение экономического роста, глобальных торговых отношений.

По словам кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института Китая и современной Азии Российской академии наук **А.В. Бредихина**, Вьетнам выступает динамичной развивающейся страной в регионе Юго-Восточной Азии, активным участником интеграционных проектов, в том числе АСЕАН. Вьетнам продолжает вместе со странами АСЕАН активно, инициативно и ответственно участвовать в поддержании и продвижении сбалансированного и гармоничного подхода к региональным и международным вопросам, укреплении центральной роли и развитии ответственности АСЕАН за мир, стабильность и развитие. Вьетнам рассматривается как связующий мост, помогающий уменьшить разногласия и укрепить консенсус внутри Ассоциации, а также между АСЕАН и ее партнерами.

Россия и Вьетнам имеют множество точек соприкосновения в рамках работы различных международных площадок, а это не только АТР, но и в перспективе Шанхайская организация сотрудничества.

Особую роль в системе международных отношений Вьетнама занимает так называемая бамбуковая дипломатия. Она подразумевает систему политического и экономического лавирования между ключевыми мировыми игроками, включая в первую очередь Китай, США, а учитывая исторические взаимоотношения Советского Союза и Вьетнама, то и Россию. Так, например, для США Вьетнам является территорией, которую можно использовать для сдерживания дальнейшего китайского развития. А для России важна нейтральная позиция Вьетнама в рамках проведения Специальной военной операции.

Экономика Вьетнама растет, все больше привлекая экономические корпорации и международных инвесторов благодаря прозрачной инвестиционной среде, стабильной политической ситуации и благоприятному положению в области безопасности, а также низкой стоимости рабочей силы. Выстраивается система российско-вьетнамского взаимодействия в сфере искусственного интеллекта.

«Предполагается обмен технологиями, подготовка кадров, развитие новых решений в области ИИ. Планируется открыть Центр ИИ в Ханое, куда в будущем можно включать технологические группы из профильных компаний России и Вьетнама», — отметили в аппарате вице-преьера РФ **Д.Н. Чернышенко**.

На наш взгляд, всестороннее стратегическое партнерство между Россией и Вьетнамом строится на основе многолетней традиционной дружбы, культивируемой на основе взаимопонимания между лидерами и народами двух стран.

Янь Лэй

Научные китайские издания по международным отношениям и проблемам: от становления к современному состоянию

Аннотация. В статье рассматриваются издающиеся в КНР современные научные издания по международным отношениям и проблемам, в частности журналы и вестники. Основное внимание уделяется описанию их появления в соответствующие периоды развития современного Китая. Их обзор дан в конкретно-историческом ключе, с учетом основных периодов развития Нового Китая, включающих первые годы развития КНР, время культурной революции, период реформ, открытости и «социализма с китайской спецификой», а также время последних десятилетий. Специальное внимание обращено на то, что ряд соответствующих изданий были учреждены именно для удовлетворения стратегических потребностей государства и создания собственной системы знаний как результата вступления Китая в новую эпоху.

Ключевые слова: научные издания Китая, международные отношения, новая система знаний, теория международных отношений с китайской спецификой.

Автор: Янь Лэй, аспирант, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0009-0008-9444-4265; E-mail: 846928122@qq.com

Для цитирования: Янь Лэй. Научные китайские издания по международным отношениям и проблемам: от становления к современному состоянию // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 99—112.
DOI: 10.48647/ICCA.2024.43.92.011.

Yan Lei

Chinese Academic Journals on International Relations and Issues: From Formation to the Present State

Abstract. The article examines contemporary scholarly publications on international relations and issues published in the People's Republic of China, particularly journals and bulletins. The primary focus is on describing their emergence during respective periods of modern China's development. Their overview is presented through a concrete historical lens, taking into account main periods of New China's development, including the early years of the PRC's development, the time of the Cultural Revolution, the period of reform, opening up, and "socialism with Chinese characteristics," as well as the recent decades. Special attention is drawn to the fact that a number of relevant publications were established specifically to meet the strategic needs of the state and create its own knowledge system as a result of China's entry into a new era.

Keywords: Chinese scientific publications, international relations, New knowledge system, theory of international relations with Chinese characteristics.

Author: Yan Lei, Postgraduate Student, Institute for Slavic Studies, the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0008-9444-4265; E-mail: 846928122@qq.com

For citation: Yan Lei. Chinese Academic Journals on International Relations and Problems: From Formation to the Present State. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2024, no. 2, pp. 99–112. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2024.43.92.011.

Ситуация с современными китайскими научными изданиями по проблемам международных отношений и внешней политики является отражением растущей роли Китая на мировой арене и его стремления к укреплению собственных академических позиций в этой области. На протяжении десятилетий после образования КНР (1949) в стране формировалась стройная система периодических изданий, посвященных изучению международных процессов и взаимодействий. Ее становление было неразрывно связано с важнейшими этапами развития Китая во второй половине XX в. в первой трети XXI столетия. Эволюция состояния китайских научных журналов по международной тематике отражала изменяющиеся приоритеты и взгляды руководства страны, его стремления выработать самостоятельные теоретические подходы к осмыслению мировой политики и экономики.

Специализированные журналы по международным отношениям как периодические издания, созданные соответствующими научно-исследовательскими учреждениями, служащие платформой для академического общения исследователей, занимающихся соответствующими вопросами международной жизни, в настоящее время представляют собой разветвленную и полную систему соответствующих изданий. Журналы, в зависимости от области исследования, могут быть разделены на три категории: общетематические, региональные и страноведческие.

Публикации в изданиях первой группы в основном посвящены теории международных отношений. В их сферу входят также исследования мировой политики, международных стратегий, деятельности китайской дипломатии, а также проблем мировой политической экономки.

Региональные и страноведческие журналы посвящены конкретным регионам или странам как объекту исследования и обсуждают политику, экономику, дипломатию и другие важные внутренние аспекты соответствующего региона (или страны).

Важный шаг к созданию современной системы журналов по указанной проблематике был сделан в первой половине XX в., когда неорганизованные усилия по наблюдению за развитием ситуации в мире были объединены в 1934 г. созданием журнала «世界知识» (Знания о мире). С самого начала это издание придерживается девиза «трезво и рационально смотреть на мир».

После 1949 г. можно говорить о трех этапах становления и развития современной системы журналов о международных проблемах как результате достаточно длительного развития, которое также возможно разделить на три этапа: от основания Нового Китая до начала реформ и открытости страны в конце 1970-х гг.; период реформ и открытости Китая (с конца 1970-х гг. до конца XX в.) и последние почти уже 25 лет.

В эпоху Мао Цзэдуна было учреждено пять журналов по проблемам международной политики: в 1959 г. «国际问题研究» (Изучение международных про-

блем) и «东南亚研究» (Изучение Юго-Восточной Азии). В 1964 г. был создан журнал «外国问题研究» (Изучение зарубежных проблем). В 1974 г. под самый конец эпохи Мао Цзэдуна был учрежден журнал «西伯利亚研究» (Изучение Сибири) и «南洋问题研究» (Исследования Юго-Восточной Азии).

Журнал «Изучение международных проблем» был учрежден Китайской академией международных проблем при МИД КНР, а работа по его созданию получила надежную поддержку со стороны тогдашнего руководства Китая. Вице-премьер и министр иностранных дел Чэнь И и первый его заместитель Чжан Вэньтянь давали важные указания, которыми журнал руководствовался в работе. В редколлегию входил министр иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа. Он давал указания по планированию каждого номера журнала и его содержанию, а также внимательно вычитывал и корректировал важные статьи перед их отправкой в печать [2].

В эпоху Мао Цзэдуна было учреждено пять журналов по проблемам международной политики: в 1959 г. «国际问题研究» (Изучение международных проблем) и «东南亚研究» (Изучение Юго-Восточной Азии). В 1964 г. был создан журнал «外国问题研究» (Изучение зарубежных проблем). В 1974 г. — журнал «西伯利亚研究» (Изучение Сибири) и «南洋问题研究» (Исследования Юго-Восточной Азии).

В первые годы после учреждения КНР (1949) в стране была принята внешнеполитическая линия «однобокой дипломатии». Исследования международной ситуации и международных проблем велись по советской модели, где международные дела освещались с позиций «международного коммунистического движения», а изучение международных отношений подменялось историей международного коммунистического движения [6].

События в лагере мирового социализма вызвали горячее обсуждение в Китае, способствовали переоценке прежних взглядов на события в мире. В конце 1963 г. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай провел совещание по развитию исследований международных проблем в стране, по итогам которого был разработан документ «Решение об усилении исследований зарубежных проблем». Результатом стал рост интереса к изучению международных проблем в Китае. В Пекинском, Китайском народном и Фуданьском университетах были созданы факультеты международных отношений, а в некоторых вузах открыты соответствующие профильные периодические издания. Однако в период культурной революции развитие китайской науки о международных отношениях и выпуск изданий по этой тематике практически остановились. События культурной революции сказались и на деятельности этих журналов. Под влиянием происходящего в стране пострадало становление дисциплины международных отношений, издание научных изданий в Китае понесло серьезный ущерб и почти замерло. Журналы «Изучение международных проблем» (国际问题研究) и «Изучение Юго-Восточной Азии» (东南亚研究) перестали издаваться.

С началом в 1978 г. политики реформ и открытости в Китае снова начали уделять внимание международным связям и сотрудничеству с мировым сообществом. В эти годы исследования международных отношений и проблем стали более востребованными. Весной 1979 г. выступая на теоретическом совещании ЦК КПК, Дэн Сяопин подчеркнул, что «исследования в области политической нау-

ки, юриспруденции, социологии, а также мировой политики были нами проигнорированы в течение многих лет, и сейчас нам необходимо как можно скорее наверстать упущенное» [4, с. 180—181].

Для соответствия политике реформ и открытости в Китае, обсуждения изменений в мире и разработки теории международных отношений с китайскими особенностями («Китайская школа») ранее закрытые журналы, посвященные международным вопросам, стали выходить вновь. Так, журнал «Изучение Юго-Восточной Азии» — с 1979 г., «Изучение международных проблем» — с июля 1981 г. Постепенно увеличивалось количество исследований по международным вопросам, один за другим были основаны соответствующие научные журналы. В 1979 г. был создан журнал «世界经济与政治» (Мировая экономика и политика), в 1984 г. — «外交评论» (Дипломатическое обозрение), в 1985 г. — «外交季刊» (Дипломатия), в 1992 г. — «当代亚太» (Современный АТР). Стоит отметить журнал «国际展望» (Международное обозрение, 1987), организованный Шанхайской академией международных проблем (上海国际问题研究院), который стал первым в Китае двуязычным журналом по международным вопросам.

В этот период отмечается всплеск страноведения и создания журналов по этой тематике: в 1981 г. — журнал «俄罗斯东欧中亚研究» (Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии); в 1982 г. — «俄罗斯研究» (Изучение России); в 1983 г. — «法国研究» (Изучение Франции); в 1985 г. — «日本学刊» (Изучение Японии); в 1986 г. — «德国研究» (Изучение Германии); в 1987 г. — «美国研究» (Американские исследования) и т. д. В эти же годы добавились журналы, посвященные исследованию других регионов мира: «南亚研究» (Изучение Южной Азии, 1978); «拉丁美洲研究» (Изучение Латинской Америки, 1979); «欧洲研究» (Европейские исследования, 1983); «太平洋学报» (Тихоокеанский вестник, 1992); «欧亚经济» (Экономика Евразии, 1996); «东北亚论坛» (Форум Северо-Восточной Азии, 1992). Создание этих журналов заложило основы исследований китайских ученых самого широкого спектра международных проблем.

Первые годы периода открытости и провозглашения строительства «социализма с китайской спецификой» вызвали к жизни и необходимость создания собственной теории международных отношений. Поиски в этом направлении продолжались все годы после провозглашения «социализма со своей спецификой». Так, в 1987 г. Хуань Сян, занимавший в то время должность генерального секретаря Исследовательского центра международных проблем при Госсовете КНР, выдвинул предложение о «создании теории международных отношений с китайской спецификой» [7, с. 105]. Под влиянием этой идеи опытный китайский дипломат Пэй Монун опубликовал в журнале «Знания о мире» серию статей, посвященных методам внешней политики в период Чуньцю (春秋时期/Период Вёсен и Осеней) и периода «Воюющих государств»/«период Сражающихся царств» 戰國時期 / 战国时期. В результате в отечественную теорию международных отношений были введены понятия «дипломатии стихов и од», «обманной дипломатии», «дипломатии подстрекательства» и «дипломатии через брачные союзы» [7, с. 105].

Вступив в XXI в., Китай активно и настойчиво продолжил создавать самостоятельную систему знаний, в том числе в области международных отношений. Особенно деятельно этим были заняты в Китае в последнее десятилетие. В 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин на семинаре по работе в области философских и общественных наук отметил: «Академические статьи отличаются выраженной наследственностью, национальностью, оригинальностью, актуальностью, системностью и профессионализмом» [5]. В 2020 г. Комитет по присуждению ученых степеней Госсовета КНР и Министерство образования выпустили совместный документ, в котором «наука о национальной безопасности» была определена как дисциплина первого уровня дисциплин в категории «междисциплинарные науки» (см. Приложение) [3].

В последние годы значительно изменилось в Китае отношение к дисциплине «регионоведение». По мере повышения международного статуса страны и для ускорения создания китайской дискурсивной системы и ее укрепления, а также удовлетворения потребностей развития дисциплины и государства в 2022 г. «регионоведение» официально стало отдельной дисциплиной первого уровня категории «междисциплинарные науки». Указанные изменения вскоре привели к учреждению новых научных изданий. Для удовлетворения потребностей в развитии дисциплины «регионоведение» в 2022 г. Исследовательским центром по всеобъемлющей концепции национальной безопасности и Институтом современных международных отношений Китая был основан комплексный академический журнал по изучению проблем национальной безопасности «国家安全研究» (Исследования национальной безопасности). В том же году институтом безопасности Национального оборонного университета НОАК был создан академический журнал «国家安全论坛» (Форум национальной безопасности). В 2017 г. Пекинский университет иностранных языков основал научный журнал «区域与全球发展» (Региональное и глобальное развитие), чтобы дополнительно способствовать развитию дисциплины «регионоведение», и в 2023 г. журнал был переименован в «区域国别学刊» (Журнал «Регионоведение»). В 2022 г. Институт международных и региональных исследований университета Цинхуа начал выпуск научного сборника «区域国别学» (Регионоведение) с периодичностью выхода два номера в год. Этот процесс нашел отражение и в структуре целого ряда китайских научных изданий. Такие журналы, как «国际政治研究» (Исследования международной политики), «国际论坛» (Международный форум), «国际观察» (Международное обозрение), «俄罗斯研究» (Изучение России) и другие, открыли специальные рубрики, в которых отражаются вопросы регионоведения.

Довольно стройная система издания по международным вопросам не ограничивается лишь журналами, издаваемыми с периодичностью от 1 до 2 номеров в год. Существенным сегментом этой системы становятся в последние годы сборники работ по международной тематике. Они также оказывают определенное влияние на обмен знаниями в китайской академической среде. К таким изданиям следует отнести, в первую очередь, с 2001 г. — «美国问题研究» (Изучение Американских проблем), с 2004 г. — «宗教与美国社会» (Религия и американское общество), с 2010 г. — «非洲研究» (Изучение Африки); с 2017 г. — «澳大利亚研究» (Изучение Австралии) и другие.

Следует также отметить, что названия журналов по этой тематике не являются застывшими. В связи с развитием китайского общества и восприятием в Китае мировых процессов, изменениями в мировой системе международных отношений и разнообразными геополитическими изменениями, а прежде всего с переносом центра тяжести научного изучения на приоритетные сферы для ответа на стратегические потребности КНР некоторые журналы несколько раз меняли названия. Наиболее яркий пример в этом отношении — современный журнал «Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии» (俄罗斯东欧中亚研究). В 1981—1993 гг. он носил название «Вопросы СССР и Восточной Европы». В 1993 г. после распада Советского Союза МИД КНР переименовало бывший Советский и Восточноевропейский департамент (苏联东欧司) в Департамент по делам Восточной Европы и Центральной Азии (东欧中亚司). Соответственно, журнал «Вопросы СССР и Восточной Европы» получил название «Исследования Восточной Европы и Центральной Азии». Но уже в 2003 г., чтобы подчеркнуть статус России как великой державы, журнал получил свое нынешнее название [1].

Важной частью современной системы журналов по международным проблемам все больше становятся издания университетов. Они также представляют значимую площадку для изложения результатов исследований или академических дискуссии по существенным для китайских ученых теоретическим или актуальным вопросам международной жизни. В настоящее время почти каждый китайский вуз издает собственный научный журнал. Их принято разделять на два типа: философские и общественные науки и естественные науки. Статьи по международным темам публикуются большей частью в журналах серии «философские и общественные науки». К изданиям этого типа следует отнести «中共中央党校 (国家行政学院) 学报 (Журнал партийной школы ЦК КПК (Государственная административная академия, 1997)); «中南民族大学学报 (人文社会科学版) (Вестник Юго-Центрального национального университета «Серия: Гуманитарные и общественные науки», 1960) и другие.

Заключение

Развитие научных журналов по международным отношениям в Китае прошло несколько этапов. В настоящее время в стране создана разветвленная комплексная и логичная система разнообразных изданий на международные темы, удовлетворяющая потребности китайского общества. С самого начала эта система эволюционирует и адаптируется в соответствии с запросами академического сообщества КНР, отражая стремление страны к укреплению своих академических позиций в этой области. Китай значительно расширил спектр научных журналов, охватывающих как теоретические аспекты международных отношений, так и конкретные региональные и страноведческие исследования. Сложившееся разнообразие изданий отражает глубокий интерес и потребность в понимании международных процессов и взаимодействий. Создание специализированных журналов и академических платформ способствует не только научному развитию внутри страны, но и укреплению международного научного сотрудничества и об-

мена знаниями. В последние годы активное продвижение Китаем собственной системы знаний в области международных отношений и национальной безопасности подчеркивает стратегическую направленность страны на усиление научного и культурного влияния на международной арене.

Таким образом, можно утверждать, что развитие системы китайских научных журналов по международным вопросам непосредственно связано с ростом роли Китая на мировой арене и его стремлением создать собственную теорию международных отношений с китайской спецификой. По мере повышения международного статуса страны наблюдается активизация в учреждении новых изданий и развитии соответствующих направлений исследований, призванных укрепить его позиции в глобальном производстве знаний о современных международных процессах.

Приложение

Таблица 1. Основные научные журналы по международным отношениям в Китае

N	Названия на китайском и ин. языках	Год издания	Русские названия изданий	Учреждение-издатель	Учреждение (русское название)
1	世界知识 World Affairs	1934	Знания о мире	世界知识出版社有限公司	Издательство «Знания о мире», ООО
2	国际问题研究 International Studies	1959	Изучение международных проблем	中国国际问题研究院	Китайская академия международных проблем
3	东南亚研究 Southeast Asian Studies	1959	Изучение Юго-Восточной Азии	暨南大学东南亚研究所	Институт по изучению ЮВА при Университете Цзинань
4	外国问题研究 Foreign History Studies	1964	Изучение зарубежных проблем	东北师范大学	Северо-Восточный педагогический университет
5	西伯利亚研究 Siberian Studies	1974	Изучение Сибири/Исследования Сибири	黑龙江省社科院	Хэйлунцзянская академия общественных наук/Академия общественных наук провинции Хэйлунцзян
6	南洋问题研究 Southeast Asian Affairs	1974	Исследования Юго-Восточной Азии	厦门大学南洋研究院	Институт по изучению Юго-Восточной Азии при Университете Сямэнь
7	学术论坛 Academic Forum	1978	Академический форум	广西社会科学院	Академия общественных наук провинции Гуанси
8	当代世界社会主义问题 Issues of Contemporary World Socialism	1978	Проблемы социализма в современном мире	山东大学当代社会主义研究所	Институт изучения современного социализма при Шаньдунском университете
9	南亚研究 South Asian Studies	1978	Изучение Южной Азии	中国社会科学院亚太与全球战略研究院; 中国南亚学会	Институт Азиатско-Тихоокеанского региона и глобальной стратегии КАОН; Китайская ассоциация по изучению Южной Азии

Продолжение табл. 1

№	Названия на китайском и ин. языках	Год издания	Русские названия изданий	Учреждение-издатель	Учреждение (русское название)
10	阿拉伯世界研究 Arab World Studies	1978	Изучение Арабского мира	上海外国语大学	Шанхайский университет иностранных языков
11	拉丁美洲研究 Journal of Latin American Studies	1979	Изучение Латинской Америки	中国社会科学院拉丁美洲研究所	Институт Латинской Америки КАОН
12	世界经济与政治 World Economics and Politics	1979	Мировая экономика и политика	中国社会科学院世界经济与政治研究所	Институт мировой экономики и политики КАОН
13	世界民族 Journal of World Peoples Studies	1979	Нации мира/ народы мира	中国社会科学院民族学与人类学研究所	Институт этнологии и антропологии КАОН
14	国际政治研究 The Journal of International Studies	1980	Исследования международной политики	北京大学	Пекинский университет
15	西亚非洲 West Asia and Africa	1980	Западная Азия и Африка	中国社会科学院西亚非洲研究所	Институт Западной Азии и Африки КАОН
16	国际观察 International Review	1980	Международный обзор	上海外国语大学	Шанхайский университет иностранных языков
17	当代世界 Contemporary World	1981	Современный мир	当代世界研究中心	Исследовательский центр «Современный мир» при Отделе международных связей ЦК КПК
18	现代国际关系 Contemporary International Relations	1981	Современные международные отношения	中国现代国际关系研究院	Китайская академия современных международных отношений
19	俄罗斯东欧中亚研究 Russian, East European & Central Asian Studies	1981	Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии/ Изучение России, Восточной Европы и Центральной Азии	中国社会科学院俄罗斯东欧中亚研究所	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН
20	俄罗斯研究 Russian Studies	1982	Изучение России	华东师范大学	Восточно-Китайский педагогический университет
21	国际安全研究 Journal of International Security Studies	1983	Исследования международной безопасности	国际关系学院	Институт международных отношений (университет)
22	当代世界与社会主义 Contemporary World and Socialism	1983	Современный мир и социализм	中央党史和文献研究院；中国国际共运史学会	Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК; Китайская ассоциация истории международного коммунистического движения

Продолжение табл. 1

N	Названия на китайском и ин. языках	Год издания	Русские названия изданий	Учреждение-издатель	Учреждение (русское название)
23	欧洲研究 Chinese Journal of European Studies	1983	Европейские исследования/Изучение Европы	中国社会科学院欧洲研究所	Институт Европы КАОН
24	法国研究 Etudes Francaises	1983	Изучение Франции	武汉大学	Уханьский университет
25	外交评论 Foreign Affairs Review	1984	Дипломатическое обозрение	外交学院	Дипломатическая академия
26	科学社会主义 Scientific Socialism	1984	Научный социализм	中国科学社会主义学会	Китайское общество научного социализма
27	新视野 Expanding Horizons	1984	Новые горизонты	中共北京市委党校;北京行政学院	Партийная школа при Пекинском горкоме КПК; Пекинский административный институт
28	和平与发展 Peace and Development	1984	Мир и развитие	和平与发展研究中心	Исследовательский центр мира и развития / Центр по изучению мира и развития
29	南亚研究季刊 South Asian Studies Quarterly	1985	Ежеквартальный журнал «Изучение Южной Азии»	四川大学南亚研究所	Институт Южной Азии при Сычуаньском университете
30	日本学刊 Japanese Studies	1985	Изучение Японии/ Японские исследования	中国社会科学院日本研究所;中华日本学会	Институт японских исследований КАОН; Китайская ассоциация японоведения
31	学术交流 Academic Exchange	1985	Академический обмен	黑龙江省社会科学信息中心	Информационный центр Хэйлунцзянской академии общественных наук
32	《外交》季刊 Foreign affairs journal	1985	Дипломатия/Ежеквартальный журнал «Дипломатия»	上海社会科学院世界经济研究所	Институт мировой экономики Шанхайской Академии общественных наук
33	世界经济研究 World Economy Studies	1985	Исследования мировой экономики	上海社会科学院世界经济研究所	Институт мировой экономики Шанхайской академии общественных наук
34	德国研究 Deutschland-Studien	1986	Изучение Германии	同济大学	Университет Тунци
35	国家安全研究 China security studies	1987	Исследования национальной безопасности	中国现代国际关系研究院	Китайская академия современных международных отношений
36	国际展望 Global Review	1987	Международное обозрение	上海国际问题研究院	Шанхайская академия международных проблем
37	美国研究 The Chinese Journal of American Studies	1987	Американские исследования/Американистика	中国社会科学院美国研究所;中华美国学会	Институт США КАОН; Китайская ассоциация американистики

N	Названия на китайском и ин. языках	Год издания	Русские названия изданий	Учреждение-издатель	Учреждение (русское название)
38	东北亚论坛 Northeast Asia Forum	1992	Форум Северо-Восточной Азии	吉林大学	Цзилиньский университет
39	太平洋学报 Pacific Journal	1992	Тихоокеанский вестник	中国太平洋学会	Тихоокеанская ассоциация Китая
40	人民论坛 People's Tribune	1992	Народный форум / Форум «Жэньминь»	人民日报社	Агентство Жэньминь жибао
41	当代亚太 Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies	1992	Современный АТР	中国社会科学院亚太与全球战略研究院; 中国亚洲太平洋学会	Институт АТР и глобальной стратегии КАОН; Китайская ассоциация Азиатско-Тихоокеанского региона
42	当代韩国 Contemporary Korea	1993	Современная Корея	社会科学文献出版社; 中国社会科学院韩国研究中心	Издательский центр «Свет»; Центр по изучению Кореи / Центр корейских исследований КАОН
43	亚太安全与海洋研究 Asia-Pacific Security and Maritime Affairs	1994	Безопасность Азиатско-Тихоокеанского региона и морские исследования	国务院发展研究中心 亚非发展研究所; 南京大学	Институт развития Азии и Африки Исследовательского центра по вопросам развития при Госсовете КНР; Нанкинский университет
44	马克思主义研究 Studies on Marxism	1995	Изучение марксизма	中国社会科学院马克思主义研究院	Институт марксизма КАОН
45	国际经济评论 International Economic Review	1996	Международное экономическое обозрение	中国社会科学院世界经济与政治研究所	Институт мировой экономики и политики КАОН
46	欧亚经济 Journal of Eurasian Economy	1996	Экономика Евразии	中国社会科学院俄罗斯东欧中亚研究所	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН
47	中共中央党校 (国家行政学院) 学报 Journal of the Party School of the Central Committee of the C.P.C. (Chinese Academy of Governance)	1997	Журнал Партийной школы ЦК КПК (Государственная административная академия)	中共中央党校(国家行政学院)	Журнал Партийной школы ЦК КПК (Государственная административная академия)
48	国际论坛 International Forum	1999	Международный форум	北京外国语大学	Пекинский университет иностранных языков
49	美国问题研究 Fudan American Review	2001	Изучение проблем Америки	复旦大学美国研究中心	Центр американских исследований Фуданьского университета

Продолжение табл. 1

N	Названия на китайском и ин. языках	Год издания	Русские названия изданий	Учреждение-издатель	Учреждение (русское название)
50	复旦国际关系评论 Fudan International Studies Review	2001	Обзор международных проблем Фуданьского университета/ Фуданьский обзор международных отношений	复旦大学国际关系与公共事务学院	Институт (Школа) международных отношений и публичной политики Фуданьского университета
51	宗教与美国社会 Religion and American Society	2004	Религия и Американское общество	复旦大学美国研究中心;上海高校智库复旦大学宗教与中国国家安全研究中心	Центр американских исследований Фуданьского университета; Ассоциация аналитических центров Шанхайских вузов-Центр религии и национальной безопасности Китая при Фуданьском университете
52	国际政治科学 Quarterly Journal of International Politics	2005	Международная политология	清华大学	Университет Цинхуа
53	中国国际战略评论 China International Strategy Review	2008	Китайское обозрение международной стратегии	北京大学国际战略研究院	Институт (Школа) международной стратегии Пекинского университета
54	战略决策研究 Journal of Strategy and Decision-Making	2010	Изучение стратегических решений	广东外语外贸大学	Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли
55	俄罗斯学刊 Academic Journal of Russian Studies	2011	Академический журнал исследований России	黑龙江大学	Хэйлуцзянский университет
56	东北亚学刊 Journal of Northeast Asia Studies	2012	Журнал «Северо-Восточная Азия»	天津社会科学院东北亚研究所;天津社会科学院出版社有限公司	Институт Северо-Восточной Азии Академии общественных наук Тяньцзиня; ООО Издательство Академии общественных наук Тяньцзиня
57	国际关系研究 Journal of International Relations	2013	Исследования международных отношений/ Изучение международных отношений	上海社会科学院国际问题研究所;上海社会科学院出版社有限公司	Институт международных проблем Шанхайской Академии общественных наук; ООО Издательство Шанхайской Академии общественных наук
58	印度洋经济体研究 Indian Ocean Economic and Political Review	2014	Изучение экономик Индийского океана	云南财经大学	Юньнаньский финансово-экономический университет
59	区域国别学刊 Country and Area Studies	2017	Журнал «Регионоведение»	北京外国语大学	Пекинский университет иностранных языков

N	Названия на китайском и ин. языках	Год издания	Русские названия изданий	Учреждение-издатель	Учреждение (русское название)
60	当代美国评论 Contemporary American Review	2017	Современное американское обозрение	中国社会科学院美国研究所; 社会科学文献出版社	Институт американских исследований КАОН; Издательский центр «Свет»
61	澳大利亚研究 Chinese Journal of Australian Studies	2017	Изучение Австралии	中国澳大利亚研究会; 北京外国语大学	Китайская ассоциация по изучению Австралии; Пекинский университет иностранных языков
62	当代中国与世界 Contemporary China and World	2021	Современный Китай и мир	当代中国与世界研究院	Академия современного Китая и мира
63	国家安全论坛 National Security Forum	2022	Форум национальной безопасности	中国人民解放军国防大学国家安全学院	Институт национальной безопасности при Национальном университете обороны НОАК
64	区域国别学 Area Studies	2022	Регионоведение	清华大学国际与地区	Институт международных и региональных исследований Университета Цинхуа

Таблица 2. Вестники некоторых Университетов Китая

N	Кит. название	Англ. название	Русское название	Год издания
1	中南民族大学学报 人文社会科学版)	Journal of South-Central Minzu University (Humanities and Social Sciences)	Вестник Южно-Центрального национального университета (Серия: Гуманитарные и общественные науки) *	1934
2	上海对外经贸大学学报	Journal of Shanghai University of International Business and Economics	Вестник Шанхайского университета международного бизнеса и торговли	1959
3	解放军外国语学院学报	Journal of PLA University of Foreign Languages	Вестник института иностранных языков НОАК	1959
4	苏州大学学报	Journal of Soochow University (Philosophy & Social Science Edition)	Вестник Сучжоуского университета	1964
5	新疆师范大学学报 (哲学社会科学版)	Journal of Xinjiang Normal University (Edition of Philosophy and Social Sciences)	Вестник Синьцзянского педагогического университета (серия: философия и общественные науки)	1980
6	蒙古民族大学学报 (社会科学版)	Journal of Inner Mongolia Minzu University (Social Sciences)	Вестник Национального университета Внутренней Монголии (серия: общественные науки)	1975
7	湖北师范大学学报 (哲学社会科学版)	Journal of Hubei Normal University (Philosophy and Social Sciences)	Вестник Хубэйского педагогического университета (серия: философия и общественные науки)	1981

Источник: итог коллективного обсуждения доклада автора на заседании № 5 СМУ ИККА РАН 10 апреля 2024 года.

* После дискуссии с научным руководителем аспиранта также появилась альтернативная версия перевода — Вестник Центрально-южного университета национальностей.

Библиографический список

1. Бу пинфань дэ личэн — сецзай «Элосы Дуоу Чжуня яньцзю» чуанкань 25 чжоуньян [Необычная история — написано к 25-летию журнала «Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии»]. URL: <https://oyyj-oys.ajcass.com/Home/Show?ChannelID=1142&itemid=9852&type=4> (дата обращения: 02.06.2024). (На кит.).

2. Гоцзи вэньти янь цзю [Изучение международных проблем]. URL: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/gywm/> (дата обращения: 31.05.2024). (На кит.).

3. Говуюань сюевэй вэйюаньхуй цзяюйбу гуаньюй шэчжи «цзяоча сюекэ» мэньлэй, «цзи-чэндяньлу кэсюе юй гунчэн» хэ «гоуцзя аньцюань сюе» ишзисюекэ дэ тунчжи [Сообщение Государственного Комитета по Академическим Степеням при Государственном Совете и Министерства Образования об учреждении категории «междисциплинарные науки», а также у первых степеней обучения по специальностям «Наука и инженерия интегральных схем» «Национальная безопасность»]. 30.12.2020. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/yjss_xwgl/xwgl_xwxy/202101/t20210113_509633.html (дата обращения: 31.05.2024). (На кит.).

4. Дэн Сяопин вэньсюань (Ди эр цзюань) [Дэн Сяопин. Избранное том II]. Жэньминь чубаньшэ, 1994. 446 с. (На кит.).

5. Си Цзиньпин цзай чжэсюе шэхуй кэсюе гунцзо цзотаньхуй шаньдэ цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на совещании по работе в области философии и общественных наук]. 17.05.2015. URL: <https://news.12371.cn/201/05/19/ART11463594345596569.shtml?from=groupm%20essage&isapinstalled=0> (дата обращения: 24.05.2024). (На кит.).

6. Чжан Чан, Чжао Сюэбо. Лунь Чжунго гоцзи гуаньси сюе дэ саньцы лиши жуаньсян [О трех исторических поворотах в китайской науке о международных отношениях]. 23.03.2024. URL: <https://sgpa.cuc.edu.cn/2024/0323/c5701a217486/page.htm> (дата обращения: 31.05.2024). (На кит.).

7. Чжуан Цзюньцзюй. Цзинь ши нянь лай Чжунго гоцзи чжэнчжи дэ фачжань юй чуансинь — Цзюйюй гоцзи чжэнчжи лэй цикань каньвэнь дэ фэньси [Развитие и инновации в исследованиях международной политики в Китае за последние десять лет — анализ на основе статей из журналов по международной политике] // Кэцзи юй чуибань. 2023(11). С. 104—116. (На кит.).

References

1. Bu pingfan de licheng — xiezai «Eluosi Dongou Zhongya yanjiu» chuangkan 25 zhounian [An Extraordinary Journey — Written on the 25th Anniversary of the Journal of Russian, Eastern European & Central Asian Studies]. URL: <https://oyyj-oys.ajcass.com/Home/Show?ChannelID=1142&itemid=9852&type=4>. (accessed: 24.06.2024). (In Chinese).

2. Deng xiaoping wenxuan (Di er juan) [Selected Works of Deng Xiaoping (Vol. II)]. Renmin chubanshe, 1994. 446 p. (In Chinese).

3. Guoji wenti yanjiu [International Studies]. URL: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/gywm/> (accessed: 31.05.2024). (In Chinese).

4. Guowuyuan xuewei weiyuanhui jiaoyubu guanyu shezhi “jiaochaxueke” menlei, “jichengdianlu kexue yu gongcheng” he “guojia anquanxue” yijixueke de tongzhi [Notice from the Academic Degrees Committee of the State Council and the Ministry of Education on Setting up the “Interdisciplinary Studies” Discipline Category, “Integrated Circuit Science and Engineering” and “National Security Studies” as First-Level Disciplines]. 30.12.2020. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/yjss_xwgl/xwgl_xwxy/202101/t20210113_509633.html. (accessed: 31.05.2024). (In Chinese).

5. Zhuang Junju. Jin shi nian lai Zhongguo guoji yanjiu de fazhan yu chuangxin — Jiyu guoji zhengzhi lei qikan kanwen de fenxi [Zhuang Junju. Development and Innovation in China's International Politics Research in the Past Decade — An Analysis Based on Articles from International Politics Journal]. Keji yu chuban, 2023 (11), pp. 104—116. (In Chinese).

6. Zhangchang, Zhaoxuebo. Lun Zhongguo guoji guanxi xue de sanci lishi zhuanxiang: [On the Three Historical Shifts in China's International Relations Studies]. 23.03.2024. URL: <https://sgpa.cuc.edu.cn/2024/0323/c5701a217486/page.htm> (accessed: 31.05.2024). (In Chinese).

7. Xi Jinping zai zhexue shehui kexue gongzuo zuotanhui shangde jianghua: [Xi Jinping's Speech at the Symposium on Philosophy and Social Sciences]. 17.05.2015. URL: <https://news.12371.cn/201/05/19/ARTI1463594345596569.shtml?from=groupm%20essage&isappinstalled=0> (accessed: 24.05.2024). (In Chinese).